



Вера Окищева
Когда в сердце
пылает любовь

Обязательно ли скрывать свои чувства? Я считаю — нет. Я не хочу скрывать их от моего любимого лесного короля. Я хочу заявить на него свои права, чтобы каждая благородная леди знала, что он мой и только мой. Но мне все твердят, что я должна вырасти, стать серьёзной и благоразумной. Для этого придётся спасти брата, чтобы доказать всем, что я достойна самого короля Тантриона. Правда, тёмная богиня опасный противник. И её сподвижники не дремлют, активно мешая мне в свершении самого важного подвига в моей жизни. Но я не унываю, я готова даже спасти целый мир ради его улыбки.

Когда в сердце пылает любовь

Подземное царство Паучихи
Несколько дней назад

Как всегда, за неповиновение его наказали плетьюми, но АхраШеррот Немель уже привык к истязаниям. Он продолжал раз за разом убивать пауков, не позволяя им приблизиться к себе, не желая быть укушенным очередной раз. Спина его была вся в крови, пачкая кончики белых волос, забранных в высокий хвост. Всё тело щипало там, где кожу содрали металлические наконечники плетей. Кожаная жилетка прилипала к открытым ранам и от каждого движения причиняла ещё большую боль. Но гордый эльф продолжал крепко стоять на ногах, с ненавистью глядя на своих палачей. У него не было оружия, а у них плети, мечи и сети. Ему практически удалось сбежать, совсем немного и удача бы ему улыбнулась, но ищейки взяли его след, а за ними пришли и пауки. Они прижимали его к краю обрыва. АхраШерроту оставалось лишь перепрыгнуть через достаточно широкий и глубокий провал, и он оказался бы на свободе. Один прыжок отделял его от тоннеля, ведущего на поверхность.

— Отец, — громкий голос матери первого дома окликнул беглеца, — отец, образумься. Ты погибнешь!

— Госпожа, верно, шутит, — усмехнулся он в ответ, краем глаза прикидывая высоту. Нет, вниз верная смерть, но и впереди была она же, только долгая и мучительная. Оставалось лишь выбрать. Он улыбнулся гордой эльфийке, восседающей на спине самого большого паука. Ради одного АхраШеррота его красавица-дочь подняла всех ищеек дома.

— Отец, я приказываю тебе вернуться.

Магия струилась, обволакивая, скручивая тело строптивного эльфа, но стоял на своём, борясь с рабскими метками, которые заставляли подчиняться приказам госпожи. Они жгли его, медленно убивая.

— Нет, — покачал он головой в ответ. — Я не вернусь!

— Куда ты собрался? — возмутилась его дочь, одна из многих, но самая сильная. — Свет сожжёт твои глаза, ты будешь мучиться. Без яда ты уже начинаешь слабеть.

— О, только не яд, моя родная. Только не яд! Лучше я умру, чем ещё буду подчиняться Паучихе.

— Отец, не противься, — жёлтые глаза с нежностью и мольбой смотрели на него, но больше он не верил ни им, ни её словам. — Яд придаст тебе сил, ты же понимаешь, что без него ты умрёшь. Мы все живём только благодаря богине.

— Да нет, ДарриШэль! Нет! Мы живём не благодаря ей! Я помню, как мы пришли в этот мир! Я всё помню и знаю, что раньше не было над нами её власти, это всё яд! Она поработилась нас! — кричал АхраШеррот скорее всем воинам, которые пришли на его поимку, чем дочери. Та слишком сильно была зависима от Паучихи, которая набирала силу и очень скоро сможет занять место погибшей богини, встать во главе своих сестёр.

Беглец качал головой, глядя на смело идущую к нему дочь. Каменный свод тоннеля разносил вдаль громкие слова, которые так никого и не тронули.

— Нет, ДарриШэль, я не буду больше твоим рабом. Я умру свободным, — тихо шепнул

он и сделал последний шаг назад, срываясь с обрыва.

— Нет! — вскричала эльфийка, бросаясь к каменистому краю, со слезами на глазах провожая силуэт отца, которого поглотила сама тьма. Не было ни предсмертного крика, ни звука падения. Беглец погиб в полной тишине. Ни одна из магических сетей, брошенных ДарриШэль, не дотянулась до падающего тела. Рядом с ней встали лучше маги дома, но и они не смогли спасти беглеца. Взмахом руки мать первого дома отослала от себя своих сестёр.

— Отец, — надрывно шепнула ДарриШэль, закусив до боли губу. С её ресниц сорвалась лишь пара слезинок, орошая пыль под ногами великой матери. Закрыв жёлтые глаза, гордая эльфийка справилась с собой, и через секунду она покинула тоннель в сопровождении воинов своего дома. Никто так и не заметил секундной слабости великой матери, кроме её отца, который использовал последние силы, создавая лучшую в своей жизни иллюзию.

Королевство Златолесье

Верите ли вы в легенды, в то, что если очень сильно чего-то желать, то это непременно сбудется. Верите ли вы в древних существ, которым подвластно исполнить любое желание? Я с детства зачитывалась старыми сказаниями о легендарных героях, которые свершали великие дела ради своей любви и дружбы. Грезилась этой настоящей, всепоглощающей любовью, как в великих песнях. Я по ночам загадывала своё заветное желание, глядя на огоньки ярких звёзд на небесном покрывале. Таила в себе надежду, что оно сбудется! Эта вера поддерживала меня всё время, ведь тот, о ком болело моё сердце, был самым недостижимым мужчиной во всём мире!

Каждая маленькая девочка мечтает о прекрасном принце. Но я не каждая, а особенная! Верила я и в это всегда, так как не из простых эльфиек, а благородных кровей. Да и отец мой советник самого лесного короля, чьими подданными мы и являлись. Поэтому я и замахнулась на нашего владыку, прекраснейшего из светлых эльфов. Мама не разделяла моего увлечения, а отец только чесал затылок, когда я утверждала, что непременно стану женой короля. Хотя матушка и предлагала мне рассмотреть кандидатуру принца в мужья. Но что мне принц? Король лучше и красивее всех не только в нашем королевстве Златолесье, но и во всём мире Ислардии. Он само совершенство! Да, Тантрион — вершина моих мечтаний, моих самых смелых грёз.

Я посвятила себя тому, чтобы стать лучшей во всём. Изучала политику — скучотища ещё та, но ради любимого и не на такие жертвы пойдёшь. Зато могла поддержать мужской разговор, в который женщины обычно не лезли. Я стала лучшей ученицей мастерицы Энтариэль. Ноги стёрла на этих каблуках, зато теперь достойная партнёрша по танцам самому королю. Мы не раз с ним кружили по паркету, у него такие сильные руки, что ноги подкашиваются, а тело охватывает дрожь! Из-за моей любви к королю у меня не так много подруг, больше соперниц, особенно среди эльфиек. Но я могла и кулаками доказать, что им мой Тантрион не светит, но я же леди, поэтому и сдерживала себя.

Я часами сидела над древними фолиантами, изучая всевозможные заклинания, чтобы научиться управлять своими стихиями. Порой света белого не видела, не выходила из класса, слушая лекции мастера Огневеля. Он был моим наставником с самого детства, как только во мне проснулась магия, сначала водная стихия, затем воздушная. Магиня из меня посредственная, как не раз сетовал наставник, но я пыталась выжать максимум из того, чем наделила меня природа.

По остальным предметам я еле дотягивала до высшего бала, как бы мне ни помогали братья. Но зато с языками проблем никогда не было, могла даже с птицами общаться, что уж говорить о гномах и орках.

Сейчас, оглядываясь на своё детство, поняла, что принца заполучить было проще. Ириадил даже оказывал мне знаки внимания, но я, гордячка, смотрела лишь на светлый лик нашего владыки.

Тантрион давно овдовел, и мне казалось, что ждал он лишь меня. Я видела, как он холоден к высокородным леди, которые на каждом пиршестве пытались привлечь его

внимание. Я тихо злорадствовала, глядя на их бесплодные попытки сблизиться с ним. И владыка был прекрасно осведомлён, что я тороплюсь повзрослеть для него. Матушка жутко ругала меня каждый раз, когда я в открытую объявляла Тантриону, что очень скоро стану взрослой и прекрасной. И тогда он непременно влюбится в меня! Он тихо смеялся и обещал ждать.

Грустный вздох вырвался из груди. Как же это давно было. Я всё ещё недостаточно взрослая. Мне всего лишь сто тридцать лет, а ему три тысячи пятьсот два года шесть месяцев и восемнадцать дней! О чём я только думала, обещая ему стать его женой. Какой позор!

Выдохнув, дёрнула себя за косу. Оглядела стену своей комнаты, которая была увешана портретами лесного короля. Тёплая волна затопила сердце. Как же он прекрасен!

Длинные белые волосы, как пух тополей, ясные голубые глаза, как рассветное небо у горизонта. Прямой нос, тонкие губы. Мечта, а не мужчина. Его отличительная черта — густые брови, которые не портили облик владыки, а придавали ему неповторимый шарм.

Я бросила взгляд в зеркало. Нескладная рыжеволосая девчонка, вот кто я. Прав отец, грозясь выпороть меня. Он же древний эльф, пришедший из великих земель Зорь, путь в которые навечно потерял для нас, а я всего лишь высокородная леди.

— Так, всё! Пожалела себя и хватит, — одёрнула я себя, в негодовании хмурясь.

С некоторых пор я стала посмешищем. Мама говорит, что я сама во всем виновата. Нельзя выставлять свои чувства напоказ. А у меня по-другому не получается. Хочу и всё тут. Люблю, и буду любить. Раньше, правда, не понимала, почему должна молчать об этом, а теперь...

— Эх, — опять вздохнула и взглядом прошлась по своему отражению. Розовая ткань платья льнула к ногам. Лёгкие туфли выглядывали из-под подола. Золотой пояс обхватил талию, его концы свисали спереди, как дополнительное украшение. Да только как не рядись, я оставалась всё такой же. Показала своему нескладному отражению язык. Мои сверстницы уже давно приобрели присущую всем высокородным леди плавность и осторожность в движениях. Они идеальные представительницы лесных эльфов. А что мне не хватало, чтобы стать более женственной? Поморщилась и стала раздеваться. Я не могу появиться перед ним в таком виде. Нет, нет и ещё раз нет! Сразу в глаза бросится, что я не так прекрасна, как остальные. Да что там прекрасна, я со своими отвратительно рыжими волосами выделяюсь среди родичей. Почему мне цвет волос достался от матери? Наша кровь очень древняя и благородная. Так почему же у меня цвет волос низших?

Закинув платье в шкаф, предварительно смяв его в комок, надела привычные замшевые зелёные брюки и шёлковую тунику.

Не пойду на праздник. Ну его! Надула губы, хмуро оглядывая себя в зеркало и понимая, что сейчас разревусь. Я так хотела увидеть владыку в праздничных одеяниях. Три месяца ждала! А золотые одежды так ему были к лицу. Ну почему я никак не повзрослею? Почему?!

Упав на кровать, закинула руки за голову и стала рассматривать портреты моего Тантриона. Чем занять себя — не знала. Все собирались на праздник. А я? Что делать мне? Не сидеть же дома и придаваться унынию. Оглядела комнату, её зеленые стены, огромное зеркало, в котором отражался шкаф. Нет, определённо надо чем-то заняться, а то дождусь, скоро вышивать потянет, а потом вязать. Я, конечно, из благородных, но дамское рукоделие не для меня. Да и братья засмеют. Мы же Ясил, самые отважные воины королевства!

Все мысли вертелись вокруг моего короля и вертихвосток, которые будут поедать его взглядом на балу. Нервно вскочила на ноги, прошлась, как загнанный зверь, от стенки к

стенке, пока не остановилась у окна. День сегодня выдался солнечный и тёплый. Вид из окна моей комнаты был на главную улицу города. Ранидолл — столица королевства, но находился у самых границ с дикими землями. Издавна город славился своей неприступностью. Мы крепость, которую не мог никто преодолеть, мы оплот спокойствия остальных городов, вплоть до горного хребта Ледяных пределов.

На улице было оживлённо, простолюдины в скромных нарядах пешком спешили к воротам дворца. Высокородные же предпочитали ездить на лошадях, да каретах. Их льняные волосы выделялись среди меди, присущей низшим эльфам. Я невольно психанула. Мой цвет был более насыщенным, огненным и отличался от бледной рыжины простолюдинов, но сколько раз я слышала насмешки по этому поводу. «Королева бедняков» так меня называли ещё со школы. После очередной драки, которую устроила, конечно же, я, меня забрали из школы. Обучалась я с того времени исключительно дома, под неусыпным надзором родительницы. Наставники были из королевской академии, и я даже была благодарна матушке, так как получила самое лучшее образование, о котором могла мечтать.

Все спешат на праздник! Стукнула кулаком по стене. Нужно сбросить пар. Нужно взять себя в руки и перетерпеть. Ничего со мной не будет, если не увижу его сегодня. Чтобы не сидеть дома и не жалеть себя, спустилась вниз в гостиную, где меня и родителей уже поджидали братья. Завистливо оглядела их безупречные льняные волосы. Заплетённые косицы, переплетаясь между собой, придавали братьям благородный вид. Да и тёмно-изумрудные мундиры с золотыми нашивками на рукавах в виде герба нашего королевства — листа Вечного Древа — подчёркивали их военную выправку. Оба, и Ханинэль, и Трибориндил, оглянулись и в изумлении воззрились на меня. Я стояла, насупившись, вполоборота, сложив руки на груди. Смешно сказать — груди! Ха, у меня даже груди нормальной не было! Даже ею не похвастаться, так, прыщики. Почему я такая несчастная!?

— Хэни, ты почему ещё не переделалась в платье? — воскликнул Трибориндил. Он был самым старшим среди нас, я младшей, поэтому со мной все нянчились.

— Одеюсь и уже разделась. Я никуда не поеду. Езжайте без меня, — с этими словами гордо подняла голову и вышла на крыльцо. Оглядела залитую солнцем улицу за живой изгородью нашего дома, на эльфов, спешащих вверх по дороге ко дворцу. Все они были переполнены восторгом, предвкушая праздник.

Через дорогу стоял такой же трёхэтажный особняк, как и наш. Белые стены, узкие окна, крыльцо под широкой зелёной крышей и такая же изгородь, не пускающая посторонних во внутренний дворик. Мой брат особо не усердствовал в дизайне своего дома. Трибор сказал мастеру, что хочет чувствовать себя как в родном родительском доме и итогом стала его копия. Прочие эскизы брат даже не рассматривал, хотя я предлагала ему более изысканные варианты. Но Трибору главным был комфорт. У него даже спальня, та же, что и здесь!

Мой дом будет намного изящнее и внутри вечного дерева! Я пару набросков стащила у мастера, нисколько не сожалея. Хотя леди так и не должны поступать. Я же аристократка, но сорок лет назад я не думала о своём положении, мне очень понравились эскизы.

Прохожие стали меня замечать и кивали, приветствуя. Я с трудом им улыбалась. Нет, так дело не пойдёт! Лучше потренируюсь стрелять. Вернулась, взяла из каморки под лестницей лук и колчан, потом подумала и взяла ножны, в которых покоился мой любимый меч. Он был не большим, как у братьев, зато верным, острым и безжалостным к тёмным эльфам.

— Хэни, а как же твой любимый? — чуть насмешливо переспросил Ханинэль, я чуть

скривила губы, передразнивая его.

— Переживёт, — буркнула в ответ, когда обошла брата по дуге. — И, вообще, так будет лучше для всех. Никто вас позорить не будет.

И вышла из дома. Легко сбежала вниз по улице, миновала торговую площадь, вышла за ворота. На меня все косились, не понимая, почему я в обычной одежде. Но стражи меня не остановили, хотя могли. Отец часто ругал меня, что брожу без сопровождения, а Хани заступался, уверяя отца, что в случае нападения мне будет сложно и себя, и ещё сопровождение защищать. Матушка только качала головой, напоминая, что я леди, а аристократки не носят по улице в брюках, с луком наперевес. Но братик и ей объяснил, что времена беспокойные, что хорошими манерами тёмного эльфа или орка не сразить, если только заставить смеяться.

А времена нынче были больше чем беспокойные. Тёмные эльфы несколько лет пытались сломить нашу оборону границ. Они упорно год за годом не оставляли своих безуспешных попыток. Причины такой настойчивости мы не понимали. Но отец и король решили, что, вернее всего, новая Паучиха возглавила пантеон тёмных богов и решила нам мстить за поражение в Третьей Битве при горе Скалистый Клык. Это была последняя великая битва! О ней сложены несколько песен. Все они славили отвагу светлых эльфов, которые, объединившись, сокрушили тёмных и загнали их в подземный мир, откуда они выползли. Проход завалили, разрушив гору. Нет больше Скалистого Клыка, он остался лишь в этих песнях.

Добравшись до реки, не обращая внимания на взгляды стражей, на их приветствия, перебралась на другой берег по веткам Великого дерева, спрыгнула в зелёную траву, поблагодарила землю за то, что она мягко приняла меня и не обиделась. Мы, эльфы, стражи леса, мы бережём его, охраняем. Наши зелёные владения раскинулись далеко до горизонта во всех направлениях. Многовековая война между светлыми и тёмными не смогла изменить границы нашего королевства. Я не знала мирного времени, о котором так часто вспоминала матушка. Сколько себя помню — тёмные постоянно пытались на нас напасть. Были затишья, но ненадолго, так, передышки перед очередным нападением.

Поэтому я была осторожна. Лазутчики часто прорывались в наши владения. И ладно бы только тёмные нагнали, так нет, орки в последнее время всё чаще совершали набеги на пограничные селения. Последние пару лет на юге не пролилось ни капли живительной влаги. Боги отвернулись от степняков. В землях орков царила засуха. Голод и мор толкали их на такие безрассудные поступки. Ведь мы сильные воины и не позволим степнякам безнаказанно на нас нападать. Единицы выходили живыми из этих стычек, но и те умудрялись прихватить с собой провизии и что-нибудь из вещей.

Взобралась по сосне-заступнице, села на одной из излюбленных веток, глядя, как прекрасно море зелени вершин леса, до самых Ледяных пределов. За ними жили гномы, вот те любили с нами торговать. Когда они появлялись на торговой площади, начинался ажиотаж. Гномы были очень искусными мастерами, которых не могли обойти наши лучшие ювелиры.

Ветер шептался с листочками, весело смеялся, практически беззвучно. Белые облака невесомыми кораблями величественно плыли по голубым водам неба. И только я сидела и печалилась.

До недавнего времени я не понимала, как унижала родителей своим поведением и выходками. Да только один подслушанный разговор якобы моих лучших подруг в

примерочной — и глаза мои открылись. Из лавки я вылетела пулей и долго не могла поверить, что те, кто мне при встрече улыбались и восхищались мной, втайне ненавидели и ждали, когда король меня отошлёт или накажет за своеволие! Они ждали моего позора, чтобы насладиться моим падением в глазах владыки.

Я посмешище среди высокородных леди. Я не следовала правилам и этикету, хотя прекрасно о них знала. Но семья всегда оберегала меня, разбаловала. Мне можно было делать практически всё, чтобы я ни пожелала. Даже король и тот не осуждал ни взглядом, ни словом. И только придворные возмущались моей вульгарностью. Ну почему родители ни разу не объяснили, что я не права? А ведь было столько поводов меня хотя бы отругать!

Год назад на летнем празднике я склеила из листов бумаги большой рулон и под покровом ночи, так, чтобы стражники не заметили меня, повесила его на главной улице перед воротами дворца. Идея была в том, что когда владыка выйдет за ворота, то сразу увидит его. Я написала, что он самый красивый, изысканный, самый безупречный, утончённый из всех мужчин во всём мире. Не знаю, как узнали, что это сделала я, но плод моих бессонных ночей сняли до открытия ворот. Все посмеивались надо мной во время бала, а я краснела и не смела поднять глаза на владыку.

Больше глупостями не занималась. Решила, что бесполезно привлекать к себе внимание, так как это оборачивалось против меня. Я для всех выскочка, кость в горле, несносная девчонка. И только боязнь навлечь гнев моего отца — советника короля — и братьев — начальника охраны и его заместителя — останавливала соперниц, а их у меня было бесчисленное количество, если не все свободные девы, мечтающие о моём Тантрионе. И сегодня они все приедут во дворец и станут бросать откровенные взгляды на моего любимого, томно вздыхая. А я тут сижу! Не буду сидеть!

Встала, держась за ствол ели, оглядела границы нашего королевства. Кажется, всё тихо и спокойно. Солнце светит, птицы поют, меньшие лесные братья занимаются своими будничными делами. Я размяла плечи, примерилась к высоте, рассчитала траекторию и прыгнула вниз, кончиками пальцев хватаясь за ветки. На землю опустилась, раскинув руки в сторону, радостно улыбаясь. Я чуть не сорвалась на одном подленьком сухом сучке, но я молодец — справилась.

Я оказалась на небольшой поляне, укрытой в глубине леса, возле третьего кордона. Здесь я с Хани организовала тренировочный лагерь, где он обучал меня всему, что знал и умел сам, а также оттачивал на мне своё мастерство.

Сняла лук, примостила стрелу, и первые три стрелы пустила в мишень, висящую на стволе берёзы, примеряясь. Затем забралась на дерево, начиная бег вокруг поляны, чтобы потренироваться в движении, стреляя на ходу с разной высоты и расстояния.

Завтра будут отборочные смотрины на должность личного охранника владыки. Да, я не могла соревноваться с высокородными леди в красоте, зато в ловкости, меткости и скорости не уступала своим братьям. Хани сам меня всему обучал, так как с девчонками ему было скучно играть, а парней, способных потягаться с ним, в столице не было, зато была я, младшая сестрёнка, бегающая за ним везде.

Разница у нас с ним всего пятьдесят лет, поэтому мы и находили общий язык. А отношения со старшим братом всегда были натянутые. Мне постоянно кажется, что он меня стесняется. Он часто говорил мне, что в характере эльфа есть три золотых качества: терпение, чувство меры и умение молчать. Иногда в жизни они помогают больше, чем ум, талант и красота. Наверное, на себя намекал. Хотя у него были и красота, и ум, и талант. Он

был искусным музыкантом, пробуждающим в душе любого существа чувство прекрасного. Однажды музыка спасла ему жизнь, остановив каменного голема. Любимый музыкальный инструмент в руках Трибориндила начинал жить своей жизнью и создавать непередаваемо изумительные звуки.

Я только петь умела и пела, особенно когда никого нет рядом. Как сейчас, все же на празднике. Отстреляв все стрелы, подошла к берёзе с мишенью и собрала их. Злость и раздражение не проходили. Поэтому решила искупаться. Неподалёку было укромное место, где камни поднимали реку, держа её на своих ладонях. Небольшой водопад падал с каменных пальцев, образуя идеальное место для купания. Особенно если заглянуть за занавес воды, то откроется маленькая тайна. Каменная комната с небольшим бассейном. Там можно смело раздеться и окунуться с головой, а ещё полежать и насладиться спокойствием и умиротворением. Туда-то я и направилась.

Добравшись до реки, я с ветки нырнула в воду, погружаясь практически до самого дна, рыбкой поплыла за водопад. Вынырнув, встала на ноги и замерла, удивлённо моргая. У меня от любви, кажется, галлюцинации начинались. Ко мне спиной стоял эльф с восхитительными длинными волосами белого цвета, мокрыми от воды. Кто мог забраться в тайную комнату? Я столько десятков лет приплывала сюда и ни разу ни с кем не сталкивалась, поэтому и решила, что это моё тайное место, мой бассейн, да всё здесь моё! Даже камни!

Незнакомец обернулся, и я вздрогнула, отступая на шаг, отработанным движением скинула лук, взяла стрелу и прицелилась прямо в лоб тёмного эльфа. Жёлтые глаза сощурились, приглядываясь ко мне.

— Нападёшь на безоружного, юнец? — шипящий голос тёмного не мог меня обмануть.

— Ты без оружия меня голыми руками убьёшь и не поморщишься! — дерзко крикнула ему в лицо и поняла, что сделала глупость, надо стрелять сразу.

Одно размытое движение, и враг оказался под водой. Я отпустила тетиву, стрела вошла в воду следом за противником. Дальше смотреть не стала, сама нырнула, убираясь от опасного врага подальше. Мысленно попросила у воды помощи, и она услышала, помогая поскорее добраться до берега. Выскочив на траву, развернулась, доставая стрелу. Лук я так и не выпустила из рук. Хани всегда учил, что умирать нужно только с оружием в руках, а не как трус, бросив боевого товарища.

Тёмного нигде не было. Я взобралась на дерево, скрываясь в его густой листве, и уже оттуда заметила, почему противника не увидела сразу. Он цеплялся за большой камень, борясь с ворчливой рекой, которая, защищая меня, течением пыталась смыть эльфа дальше по руслу.

Много раз видела тёмных, но издали, с безопасного расстояния. Их часто вели к королю по главной улице во дворец, правда, обратно никого не выводили. Их судьба была предрешена. Тёмным — смерть. Так же они поступали и с нами. И глядя на темнокожего блондина, у которого со спины торчало оперение моей стрелы, я уговаривала себя его добить. Но руки дрожали. Не могла я в раненого, безоружного и борющегося за свою жизнь тёмного выстрелить. Зажмурилась и застонала, крепко держа лук. Но даже с закрытыми глазами не могла.

— Стреляй уже, — хрипло подгонял меня враг, сбивая с настроения.

— Может, ты сам утонешь? — в ответ лишь каркающий смех. — Отцепись от камня, река примет тебя в свои объятия.

— Ты, юнец, ещё и не знаешь, что за жизнь надо хвататься зубами. Смерть — паршивая и мстительная старуха.

Я опустила лук. Нет, ну как в такого стрелять?

— Да чтоб тебя, — выдохнула, понимая, что не смогу и всё тут. — Оставайся тут, а я побегу за подмогой! — крикнула ему, убирая лук на спину, а стрелу в колчан.

— Тебе требуются помощники, чтобы выстрелить в меня? — насмешки, от него я слышала одни насмешки. А между тем кровь из его раны не прекращала течь, по капле отнимая у него силы.

— Мне нужны помощники, чтобы доставить тебя к королю во дворец для разбирательств. Ты же лазутчик, — зачем я ему это объясняла, сама не могла понять, но он выглядел таким жалким, что хотелось его спасти. Но так как это тёмный, то подходить к нему не решалась.

— Беги быстрее, а то скоро и допрашивать некого будет, — голос его тоже слабел, как и пальцы, которые всё больше соскальзывали с мокрого камня.

Я мысленно позвала реку, успокаивая её, но прося приглядеть, чтобы не сбежал. Сама же перепрыгнула на другую ветку, присматриваясь, куда буду двигаться дальше, чтобы поскорее добраться до города.

— Эй ты, юнец. Ты спас мне жизнь. Поэтому я тоже должен тебя спасти. Не ходи в город. Лучше останься здесь, — тёмный встал, говоря со мной. Вода достигала ему до пояса. Он был опытный воин — широкие плечи, шрамы на тёмной коже, в глазах решимость, ломаный нос и кривая ухмылка. Кого занесло в наш лес? Обычно лазутчики не были такими устрашающими.

Я оглянулась на город, и в этот момент раздался горн охраны. Нападение! Я, не слушая крики тёмного, помчалась обратно домой, туда, где проходил праздник. Мои братья должны первыми отреагировать на зов горна, это их обязанность — охранять спокойствие леса. Я спешила к ним на выручку, забывая о раненом тёмном у реки. Куда важнее, что меня ждало впереди.

Последний (третий) кордон собирался оставить свой пост, когда я добралась до них. Но я отдала приказ держать границу, так как это могла быть уловка и к столице, возможно, будут подтянуты ещё войска противника. Я была сестрой начальника стражи, и поэтому капитан меня послушался. Хотя, наверное, он сам понимал, что покинуть границу не может, но тревога за близких требовала от него принятия решений.

Я мчалась дальше через лес, вновь поднимаясь вверх, чтобы укрыться в густой листве. Второй и первый кордоны уже атаковали противников, пытались пробиться к основным силам стражей.

Своих братьев я встретила у самой границы города. Тёмных было в этот раз больше чем обычно. Это были маги! Они выползали из-под земли на пауках. Впереди них шли обычные мечники, а сзади пауков лучники. Я вскинула лук и стреляла в тех, кто слишком близко приблизился к моим родственникам. Страшно подумать, но в этот раз угрызения совести меня не мучили. Только беспощадная ярость, направленная на нападавших врагов. Я перемещалась с ветки на ветку, чтобы противник не мог в меня попасть. Наши войска среагировали быстро. Яркий свет наших магов выжигал паукам глаза и те обезумели от боли, сбрасывая своих седоков, убивая в порыве ярости. Я присоединилась к небольшому отряду, который пробирался к воротам города.

Бой шёл несколько часов. Стрелы у меня закончили слишком быстро, но я сумела

попасть в город, обходя противника. Я встала плечом к плечу с Хани. Мой меч пел боевой клич, рядом ему вторил меч Ханинэля. Брат требовал не отходить от него ни на шаг. Я отдалась во власть адреналина. Танец воинов, музыка войны, душа разгорячилась, гнев и злость придавали силу, и в моей душе не было страха. Только азарт боя. Магия и смертоносное оружие — всё смешалось, соединяясь, как волны, которые раз за разом откидывали попытки пауков преодолеть стены.

Трибориндил отдавал приказы, зорко следил, чтобы враги не прорвались в наш мирный город. К ночи силы противника увеличились. Ночь — время тёмных. Я ног не чувствовала. Мы потеряли много стражников, но враг терял больше. На одного нашего мы забирали десятки тёмных. Если бы я могла попросить у земли, но моя стихия вода и ветер, только они подвластны мне.

Но среди нас был очень сильный маг, его приказам подчиняли монолитные пласты земли. Он мог поднимать горы и осушать моря. Наш Владыка появился среди нас в золотых праздничных одеяниях, как солнце! Я радостно смотрела на его величественный шаг. Ветер игриво раздувал белый шёлк его волос. Густые ресницы прикрывали голубые глаза, но я видела, как они блестят от гнева.

Он остановился за нашими спинами, пока мы удерживали атаки тёмных. Мне не нужно было видеть, что делал владыка, я видела это много раз. Ему было достаточно поднять руки, и земля зашевелилась у нас под ногами. Норы, через которые к нам пришли враги, обвалились, закапываясь сами собой. Те, кто остался на поверхности сражали уже не с нами, а с энтами, живыми деревьями. Я собрала стрелы, какие были поблизости, и мы с Хани отстреливали тех, кто хотел сбежать. Я ликовала! Нет никого могущественнее нашего владыки. Он мой герой, тот, для кого пело моё сердце.

Ещё через несколько минут мы собирали трофеи, связывали тех, кто остался в живых. Я искала того раненого, надеясь, что он не додумался следовать за мной. Король и мой отец стояли под защитой врат города, тихо шептались, поглядывая на страшное поле сражения. Я прекрасно знала, что утром не останется ни малейшего намёка, что тут была битва. Деревья встанут на свои места, опуская корни глубоко в землю.

Хани обнял меня за плечи и повёл к воротам.

— Тебе от мамы влетит, во-первых, за то, что не появилась на балу. Твой мамой был недоволен.

— Что? — удивлённо вскинула голову. Резко перевела взгляд на короля, который всё также вёл беседу с отцом, и ничто их не могло отвлечь друг от друга. Мы прошли мимо них, но ни один даже головы не повернул. Значит, владыка был недоволен тем, что меня не было на балу? Я не могла поверить своему счастью. Неужели, вот оно. Свершилось! Он всё же заметил меня и полюбил!

— А то, — забывая о приличиях, передразнил меня старший брат. Он с другого бока ко мне прижался, нависая своей тяжестью. — Король сделал ей замечание, что приглашение было сделано всей нашей семье.

— Мама была в ярости, — шепнул средний, — когда отошла от короля. Держись, Хэни, тебе достанется.

Вся радость во мне угасла. Значит, он не из-за любви ко мне отругал маму, а из-за приличий. Я, конечно, знала, что мы должны были уведомить о том, что кто-то не прибудет, при этом принести тысячи извинений владыке. Но все знали, что я обязательно буду, я же не пропускала ни одного праздника, даже когда была совсем маленькой.

— Во-вторых, король был недоволен тобой, — я испуганно обернулась к Трибориндилу, который не скрывал своей улыбки, — так как все те высокородные леди, которые боялись подойти к нему из-за твоих невоспитанных выпадов, ринулись оказывать знаки внимания и чуть не поубивали друг друга.

— Так что, Хэни, папа тобой крайне огорчён, — добавил ложку дёгтя Хани.

Я опустила голову, чувствуя себя раздавленной. Вот оно значит как. Это всё из-за того, что на короля покушались свободные высокородные завистницы? Какая я удобная и незаменимая. Первая капля слетела с носа. Но я зажмурилась, приказывая себе не раскисать. На что я надеялась? На свою красоту? Но пока я не стала красивой. Мама говорит, что скоро я расцвету, что скоро настанет мой день и утру всем высокородным леди нос. Сколько ещё ждать до этого знаменательного момента?

— Я не понимаю. Я есть на балу — плохо, меня нет — тоже плохо? Высокородные леди сами уже не знают что хотят, — стала я оправдываться перед братьями. — Желают обвинить меня в том, что подрались, как безродные? Между прочим, я уже лет десять никому не пачкаю чернилами платья и не нагоняю в причёски ветер. Детские забавы я оставила давно, как только поняла, что терпение отца не вечное и ремень мне всё же светит, если что-то подобное сотворю.

— О, Хэни, — застонал Трибориндил, — не проще просто быть обычной девушкой, как все?

— Нет, как все у неё не получится, — насмешливо произнёс Хани. — Она у нас просто прелесть. Видел, сколько моя крошка убила? Я посчитал — тридцать три! Какая красивая цифра.

Я шла, ведомая братьями вдоль улицы, удаляясь от ворот, и не понимала — чего они такие весёлые? Мысли путались. Я оглянулась на короля и поймала его нежную улыбку. Он провожал нас взглядом и, заметив, что я смотрю на него, величественно кивнул.

— О, моя крошка поплыла. Хэни, слюной закапаешь тунику, — издевался надо мной Ханинэль.

Я же не могла отвести от владыки взгляд. Как же он был хорош! Он был безупречен в движениях, прямая осанка, мягкий тембр голоса. А как он держал голову!

— Держи платок, Хани, а то у тебя скоро кровь носом пойдёт, — посмеивался старший братик.

Я оскалилась, предупреждаяще клацнула зубами. Он у меня дождётся, я скоро его покусая по-настоящему.

— Вот вы где! — раздался радостный голос принца. Ириадил подбежал к нам, отходя от небольшого отряда лучников. — О, Хэни, ты чего на праздник не пришла? Там такое было веселье! Чуть до драки дело не дошло, представляешь, а обвинить тебя никто не может. Так как они сами и без тебя переругались. Отец очень тобой недоволен.

Я скинула руки братьев с себя, подошла к принцу. Подбоченилась, гневно поджимая губы. Он был выше меня на голову, хорош собой, но до отца ему было, как до предрассветной звезды.

— Ириадил, мой принц, вам не кажется, что винить во всех своих неудачах меня глупо! Обвинять меня в том, что я честна как сама с собой, так и с остальными — постыдно! Да, я люблю твоего отца, и не скрываю этого! Но это не повод издеваться надо мной!

Я сорвалась на крик, а затем трусливо сбежала. Только дома поняла, что устала от насмешек. Что плохого в том, чтобы любить? Почему все считают это детским увлечением?

Они же не понимают меня. Сердце сходит с ума от тоски. Оно хочет быть ближе к королю. Я хочу любоваться им без этих нелепых одёргиваний. Мама требует соблюдать этикет и стрелять глазами тогда, когда мужчина этого даже не видит. Зачем? Он же не видит?!

Глупые правила, глупый этикет.

— Всё равно люблю его, — буркнула себе под нос и направилась в душ, смывать с себя грязь и даже не с тела, сколько с души.

Для начала решила сменить цвет волос. Завтра на отборочных соревнованиях я должна быть неузнанной. Кто-то из братьев обязательно будет присутствовать. Приказала служанкам меня не тревожить и в комнату не заходить, заперла дверь на замок, наложив чары. Краску купила заранее и теперь, наливая воду в порошок, плела наговор, чтобы не подвела и продержалась несколько лет.

Затем нанесла на влажные локоны, прислушиваясь к шуму в холле. Домой родственники вернулись. Мама строго спрашивала у братьев, где я, и те сдали с потрохами. Хотя, может, они и правы, нервы родительницы важнее душевного состояния младшей непутёвой сестры. Матушка поднималась по лестнице, а я заперла дверь в душевую и пустила воду.

— Хэнтариэль, выходи! — не поднимая голоса, приказала она, легко открыв дверь в мою комнату. Ей, в отличие от служанок, мои чары развеять — дело секундное.

Слух у меня был прекрасный, и поэтому я не могла проигнорировать требование.

— Мам, я моюсь! — крикнула в ответ.

— Как закончишь, спустись в гостиную, у нас будет серьёзный разговор!

Что-то не нравился мне настрой матушки. Братья были правы. Она в ярости. Что такого мог сказать ей король, что вывел всегда спокойную мать из себя?

— Как скажешь, — отозвалась, расстроено вздыхая и глядя на волосы. Нельзя чтобы кто-то догадался о моей задумке.

Выдержав положенное время, смыла краску. Замотав волосы полотенцем, накинула халат на плечи и стала спускаться вниз, прислушиваясь к голосам родителей.

— Гана, почему ты скрывала это от меня? Я что, недостоин твоего доверия? Почему, любовь моя?

Я остановилась, замерев мышкой. За спиной практически бесшумно встал Хэни. Я прижала палец к губам, оборачиваясь к нему. Он, улыбаясь, положил ладони мне на плечи.

— Любимый, ты всё не так понял. Я люблю тебя.

— А я? — спросил отец.

Мы недоумённо переглянулись с братом. Да и слепцу видно, что они любят друг друга. Что за вопросы?

— Дорогой, тебе надо успокоиться, — попыталась усмирить мать отца и только подлила масла в огонь. Всё наше семейство славилось взрывным нравом. Такова натура Ясил.

— Как тут успокоиться! Почему я это узнаю от короля, а не от тебя, жена моя?

Дело принимало серьёзный оборот. Отец стал называть маму женой, намекая ей на её место. Да он просто вне себя от гнева. Я приготовилась тушить пожар, если отец не справится со своей стихией.

— Наши чувства настоящие и взаимные! Они истинны!

Брат потащил меня вверх по лестнице, обхватив рукой под грудью. Я запротестовала, ведь родители что-то важное обсуждали! Но брат зажал мне рот рукой, отнёс меня в свою комнату и запер дверь. Я, получив свободу, развернулась к нему лицом, молчаливо требуя

объяснений. Брат тоже уже принял душ и переоделся в свободную изумрудную тунику. Кожаный пояс висел на спинке стула. Грязной одежды не было видно. Он у нас педант и чистюля в отличие от меня.

— Ох, Хэни. Ну и наделала ты дел, — расстроенно шепнул Хани.

— Я-то тут при чём? — обида во мне горьким соком разъедала.

— Они, — он указал пальцем вниз, где ругались родители, — не ожидали, что король оскорбится в ответ на твою выходку. Потом ещё это нападение. Хэни, крепись, малышка, мама будет тебя ругать.

— Подумаешь, — отмахнулась от заботы брата и села на кровать, вытягивая ноги. — В первый раз, что ли.

— В этот раз всё намного серьезнее, Хэни. Я сам не понимаю, чего она злится. А отец взъелся на неё после разговора с королём.

Мы беспокоились за родителей. Они крепко любили друг друга. Они были нашими кумирами. Но вот разбилась первая тарелка — у мамы закончились доводы. Опять сервиз менять придётся.

— Я тебе охранку поставлю, — взмахнула рукой, обращаясь к брату.

Он у нас живёт в самой пожароопасной комнате. Но это и его стихия, поэтому он не страдает, а вот мебель приходится ему так же обновлять, как и гостиную. Вода сорвалась с моих пальцев и узором накрыла пол в комнате брата.

— Хэни, ты уверена, что готова бороться за короля? Я знаю тебя, ты упрямая и пойдёшь до конца. Я не осуждаю тебя, поверь. Просто он король. Я боюсь, он никогда не ответит на твои чувства, а ты будешь страдать.

Я видела грустную улыбку на лице брата. Знала, что его слова от чистого сердца. Мы слишком были близки духовно и хорошо знали друг друга. Я вздохнула, почесав полотенце на голове. Наверное, краску плохо смыла, кожа начала зудеть.

— Тс, — вздохнула я, решаясь открыться брату. — Даже если он не будет со мной, то и ни с кем не будет. Ты же сам знаешь, что я самая выгодная партия для него. Сам сказал, что без меня на него все охотятся, а когда я рядом...

— Хэни, остановись, — прикрикнул на меня брат. — Малышка, ты не представляешь, как это больно — умирать от любви. Каждый день по капле терять веру, видеть своего возлюбленного и не сметь подойти, так как знаешь, что никогда мечты не сбудутся, — с надрывом отозвался Хани.

Я кивнула, понимая, что он прав. На все сто процентов. Его возлюбленная, таинственная леди, его несбыточная мечта украла сердце Хани и канула в неизвестность. А брат продолжал гореть этим пламенем, что родил её облик. Я видела, как никто другой, что ему тяжело. Он прикрывался маской балагура и шутника, а сам корчился в муках тоски по любимой. Кто она, он мне так и не признавался. С каждым днём ему становилось легче, но любое воспоминание о ней возвращало его боль.

— Прости, — шепнула, раскаиваясь.

Хани протянул ко мне руки.

— Иди ко мне, — позвал он, и я юркнула в его объятия.

— Прости, я не хотела, — чувство вины не отпускало меня.

— Всё хорошо. Главное, чтобы ты не страдала, как я. Я хочу тебе только счастья. Ты же знаешь, как сильно я тебя люблю.

— Я тоже люблю тебя, — шмыгнула носом.

Стоять посреди комнаты и обниматься с братом вошло у меня в привычку. И его, кажется, это нисколько не раздражало и не утомляло.

Хани попытался отодвинуть от своего лица чалму из полотенца, затем даже решил её с меня снять.

— Что за вонь, Хэни? — недовольно морща нос, спросил он, а я отпрянула от него, держа руками чалму.

— Маска, чтобы волосы блестели! — крикнула ему в ответ.

— Они у тебя будут вонять и блестеть. Какая прелесть! — съязвил брат, взмахнув руками.

— Я смою, и не будут вонять, — огрызнулась и замерла.

Родители под нами замолчали, и вообще стало на удивление тихо. Я встала на колени и прижалась ухом к полу.

— Это полог молчания. Иди уже к себе, любопытство тебя сгубит, — посмеиваясь надо мной, Хани поднял меня с пола и вытолкал в коридор.

— Ты тоже подслушивал родителей, — напомнила ему, что он такой же, как и я!

— Я, в отличие от тебя, по коридорам не шастаю, а у себя в комнате, — подмигнул брат и закрыл дверь.

— Да, Хэни, тебе тоже пора спать, — услышала я голос старшего брата, который стоял возле входной двери.

— Я и так спать пошла, — обиженно бросила ему. — Сладких снов!

Брат собирался к себе домой через дорогу. Ночевать он предпочитал там, хотя свои вещи отсюда не забирал. Он подарил мне на прощание тёплую улыбку, помахал рукой и вышел на улицу. Мне не оставалось ничего другого, как... Ехидно посмеявшись, потёрла руки и бесшумно спустилась вниз. Пробравшись мышкой к двери гостиной, попробовала узнать, чем там занимались родители. То, что они не покинули комнату, я чувствовала, и секретничали. А секреты я обож...

— Кхе-кхе, маленькая леди желает на ночь тёплого молока? — раздался за спиной голос дворецкого.

Я скривилась. Как можно в его возрасте ходить тише тени? Закусив губы, выпрямилась, поправила чалму и с гордым видом развернулась к Эматалю.

— Нет, благодарю. Я уже выросла из того возраста, чтобы пить молоко, — как можно манернее ответила эльфу, чьи глаза были прозрачнее горной воды.

— Тёплое молоко полезно в любом возрасте, маленькая леди, — возразил Эматаль.

— И не только леди, но и вам, — ответила с улыбкой.

Затем быстро поднялась по лестнице, стараясь не оглядываться. Завтра родители будут знать, что я отиралась под дверью гостиной. Мама опять будет читать нотации о правилах поведения. Так что лучше будет сбежать из дома до восхода солнца.

Сняв полотенце, ещё раз промыла волосы, затем высушила и придирчиво осмотрела себя в зеркало. Я стала блондинкой! Как братья! Радости во мне целое море. Я перекидывала пряди и так и этак, проверяя, всё ли прокрасилось. Теперь я была как все благородные лесные эльфы. Подмигнув себе, пошла собирать вещи. Я намеривалась снимать квартиру в городе, может, комнату на постоялом дворе. Завтра пройти отборочные соревнования и всё, я стану личным охранником короля! Стану его тенью, буду следовать за его спиной. Я буду так близко к нему, как смогу!

В приготовленную сумку кинула кошелёк с деньгами и легла спать. Главное, не

проспать рассвет. С этой мыслью я сомкнула глаза и проснулась, как от толчка. Открыла глаза, понимая, что не выспалась. Но время было самое что ни на есть удачное. Горизонт только окрашивался малиновым светом, когда я выпрыгнула из своего окна и направила свои стопы к постоялому двору на центральной площади города. Морок скрывал мои черты, я стала юнцом для каждого, кто кидал на меня взгляд. Не только внешность изменилась, но и голос стал более низким, хотя оставался таким же звонким. Благодарить за идею я могла лишь тёмного эльфа. Я не переставала думать о нём, беспокоиться. Хотя не понимала причину. Он враг! Умер и отлично, но тревога за его судьбу не отпускала. Я подняла голову и увидела утреннюю звезду. Мои мысли перескочили на Хани. Он будет больше всех за меня переживать! Я, сложив руки, тихо шепнула звезде:

— Прошу, сделай так, чтобы завтра, хотя нет, через три дня, слышишь, я даю тебе три дня, чтобы Хани встретился со своей возлюбленной. Я хочу, чтобы они были вместе и были счастливы. Я так хочу! Он достоин счастья. Он давно её любит. Так же долго, как и я короля. И ещё, сделай так, чтобы я стала женой короля, ты же это можешь. Я знаю. Так что прошу, услышь меня, подари нам счастье без границ и времени.

Я шла по улицам спящего Ранидолла и требовала от звезды выполнений моих желаний. Так, незаметно для себя, добралась до центральной площади, где часто устраивали представления уличные заезжие и местные театры. Выбранный мною постоялый двор «Золотой лист» был очень знаменит, и я решила, что прятаться надо под носом, для надёжности, чтобы не нашли. В записке, которую я написала перед уходом, я просила прощения и не искать меня. Также передала свои извинения мастеру Огневелю за то, что бросаю учёбу. Перед ним было очень стыдно, ведь он не терпел прогулов, да болезнь для него не уважительная причина! Если только смерть, но и тут он мог поспорить и даже воскресить ученика, так как тот ему не сдал зачёт. А я как раз должна была сдать экзамен по Последней Третьей битве. Да уж, историй о моём наставнике было превеликое множество. Я его любила и вот так вот расстаться, не попрощавшись, не желала. В общем, я объяснила в записке, что ушла из дома с горя. Понимала, что родители расстроятся, но пора было уже стать взрослой и независимой от них, а то доставляю только хлопоты. Знала, что семья не остановится ни перед чем. Будут искать меня, пока не найдут — не успокоятся. Но все будут разыскивать рыжеволосую девчонку, а я обычный парень.

— Приветствую, — достаточно громко поздоровалась, войдя тёмный зал постоялого двора.

Я не раз посещала такие заведения, правда, в сопровождении Хани, но этого было достаточно, чтобы скопировать его манеру поведения, общения с прекрасным полом, да и вообще держаться на публике, как юнец. Сонная подавальщица подняла голову. Я улыбнулась ей, как любой парень, оценивая её красоту. Ничего так, красивая. Девушка была меня старше, но, что странно, ей мой взгляд понравился, и она залилась румянцем.

— Приветствую вас. Что желаете, поесть или...

— Комнату и, конечно же, поесть, — ответила с долей нетерпения. Я же с дороги. Нужно было играть роль усталого путника.

Девушка представилась Ланитаэлью, лукаво улыбаясь мне в ответ. Не знала, что я такой привлекательный парень. Или у неё не так много поклонников, что даже такие мимолётные, ничего не значащие, знаки внимания ей непривычны. Теперь главное не переусердствовать, чтобы не вообразила себе невесту что. А то так и до свадьбы дело дойдёт. Смеюсь над своими мыслями, я села за стол, а Ланитаэль поставила передо мной большую тарелку с горячим

овощным рагу. Небольшой кусочек мяса плавал одиноко среди нарезанных кубиками моркови и картошки. Вот они реалии обычной жизни. Это мне не деликатесы с родительского стола. Взяв ложку, стала есть, нахваливая поистине вкусное блюдо. Ланитаэль заверила, что это она сама варила. Вот только что-то мне подсказывало — лжёт. Руки у неё были холёными, как и у меня. Я задумалась над этим пробелом в моей истории и навела морок, чтобы пальцы не казались такими уж ухоженными. Решила, что лучше приобрести перчатки.

Я заполнила бланк постояльца, беря себе имя моего давнего знакомого, с которым я виделась лишь единожды у бабушки в Ледяных пределах. Он был тогда такой же молодой, как и я. Нас постоянно ругали за то, что лягушек ловили на болоте. До сих пор боюсь бабушки, она у нас дама строгая, начитанная и ярая поборница законов. И дело даже не столько в её заикленности на правилах, нет. Просто сосед, гномий король, оспаривает Ледяные пределы. Его государство находится с другой стороны горного хребта, а интересы столкнулись в глубинных сокровищах. Каждый считал себя хозяином богатейших залежей самоцветов и серебра. Никто не уступал и судился. Поэтому бабуля за столько столетий изучила всевозможные своды законов как гномьих, так и эльфийских. А тут я с лягушками попалась ей под горячую руку. Передёрнула плечами, вспоминая гору фолиантов, которые она меня заставила переписать вместе и Ориэтором, — зеленоглазым сорванцом. Больше к бабушке я ни ногой. Слишком много запретов, это не по мне.

— Ориэтор Зрамин? Какая необычная фамилия, — вернул меня из воспоминаний голос подавальщицы.

— Я из Ледяных пределов, там все фамилии такие, — не согласилась я с любопытной Ланитаэль, которая подсматривала, что я пишу в бланке. Заплатив за два дня, я направилась вверх по лестнице.

— Господин Зрамин, вы не указали цель приезда в город, — крикнула мне вдогонку Ланитаэль, когда я была уже на последней ступеньке, подкидывая на ходу тяжёлый ключ от комнаты.

— Хочу стать личным охранником нашего Владыки.

— О! — заинтересованно изумилась девушка и аккуратно записала в журнал, который был толще, чем хроника нашего государства, которую я как-то раз уронила себе на ногу. Сложно представить, сколько постояльцев останавливалось на постоялом дворе.

Войдя в свою комнату, бросила сумку, села на кровать. Я не сомневалась, что пройду отборочные соревнования. Но было одиноко без моего лука и меча, с которыми я никогда не расставалась. А к новому оружию придётся привыкать. Но это мелочи. Время было вздремнуть, прежде чем отправляться покупать новое оружие, а затем зарегистрироваться в казарме. Все правила я знала, давно мечтала об этом, но боялась, что Хани на смех поднимет, поэтому и молчала. Зато теперь никто не догадается, что я замыслила. С лёгкой душой я легла спать, предвкушая новые свершения.

Тантрион и Арганон, отец Хэни

Беспокойный взгляд советника каждый раз останавливался на окне. Арганон сам не замечал, что замолкал на полуслове, замирал и терял нить обсуждения. Король понимал, что после вчерашнего нападения не должно быть промедлений в принятии мер по укреплению

границ государства. Тёмные накопили мощь в своем подземном государстве, и это осталось незамеченным для лазутчиков короля лесных эльфов. Даже гномы и те не заметили или же не захотели сообщать о готовящемся нападении. Из-за стычки первый и второй кордон потеряли большое количество стражей и ослабли. Нужно было срочно набрать воинов. Ледяные пределы своих воинов не смогут предоставить, у них тоже постоянные стычки с тёмными эльфами, которые появляются из заброшенных гномьих тоннелей. Да и орки не дремлют. Услышав о нападении, обязательно решатся поживиться, благо третий кордон не потерял никого и сможет отразить атаку степняков. Тантрион нервно постукивал пальцем, рассматривая карту королевства на стене, за спиной советника. Зелёный островок со всех сторон был окружен недружественными соседями. На юге орки, на севере гномы, а под землёй тёмные эльфы. За океаном были другие материки и там тоже были светлые эльфы, прибывшие из страны Зорь, но связь с ними практически не поддерживалась. Но у Тантриона были сведения, что и там шла постоянная война между светлыми и тёмными эльфами, и у них было беспокойно.

Тяжело вздохнув, владыка вновь взглянул на Арганона. Очень много нужно было решить, но с таким рассеянным советником невозможно было ни к чему прийти.

— Арганон, — тихо позвал его Тантрион, — что у тебя произошло?

— Дочь сбежала, — тихо отозвался тот, не глядя на владыку. Поэтому он и не заметил тени испуга, промелькнувшей в голубых глазах Древнего эльфа.

— Когда?

— Не знаю, владыка. Проснулись, а её уже не было. Только записка. Вздорная девчонка, — в сердцах выругался отец Хэни. — Мать до слёз довела.

— Почему она сбежала? Поэтому твоих сыновей нет сейчас в городе?

— Хани её ищет, а Трибор проверяет войска, — глухой голос советника не скрывал горечь потери, которую испытывал безутешный отец.

— Почему она сбежала? — настаивал на ответе владыка, вставая со своего кресла. Он вспоминал прошедший день, боль в серых глазах, подтрунивание её братьев.

— Не объяснила, но просила не искать.

Тантрион остановился возле окна, рассматривая, как шевелятся кроны деревьев от порывов ветра. Его не устраивал ответ Арганона, но давить на советника он не мог. Хэни всегда была своенравной и порывистой.

— Я уверен, что Ханинэль сумеет её найти и вернуть, — попытался король успокоить своего советника, вот только не мог промолчать. — Единственное, что меня волнует, — это причина дерзкого поступка. Должна же быть причина.

— Хани говорит, что она слышала, как мы ругались с Ганой.

Тантрион повернул голову и насмешливо уточнил:

— Неужели из-за моих слов? И что тебя так задело в них, мой друг? Я не солгал ни словом. Неужели правда для тебя была так болезненна?

Арганон вскочил, гневно сверкнул глазами на короля.

— Владыка, а как я должен был воспринять ваши слова? Получается, я не люблю свою жену? Всё это ненастоящие чувства?

— Почему же ненастоящие. Истинные чувства живут в твоём сердце.

— И как мне поверить вам обоим? Я же считал, что сам влюбился в неё, сам! А выходит, что нет.

— Суть не в том, сам ты это сделал или нет, а в том, что ты обречён влюбиться в

Фэйари, как только она этого захотела.

— Обречён! — воскликнул Арганон. — Как же вы спокойно об этом говорите. Обречён влюбиться!

Ясил не находил себе места, мерил шагами кабинет владыки и не замечал его снисходительной улыбки. А затем король и вовсе отвернулся к окну. Его беспокоила судьба рыжей девчонки, так неосмотрительно сбежавшей из дома. Ведь тёмные подобрались к самым подступам их города. Нужно было поскорее найти её, пока не стало слишком поздно.

— Обречён! — бушевал Ясил, сжимая кулаки. — Обречён. Почему я? Я же люблю её!

— Такова суть крови Фэйари. И я не вижу причин убиваться, советник, — отозвался владыка, возвращаясь к своему столу. — Ваши чувства вечны, словно небосвод над нашими головами. Всё пройдёт, столетия сменятся тысячелетия, а вы так и будете любить друг друга. Разве это не прекрасно?

— Я не уверен, что эти чувства настоящие. Это магия, приворот.

Арганон до сих пор не мог простить жене, что она промолчала о своей силе. Молчала и делала вид, что любит его. Они прожили больше тысячи лет, он купался в счастье, каждый раз ловя лучистый свет прекрасных зелёных глаз, и верил, что они смогут пронести свою любовь через века, а теперь. Что теперь будет с ними?

— О нет, что ты! — возмутился король, грозя пальцем советнику. — Нет и ещё раз нет. Никакого приворота, это судьба.

— Судьба? Судьба быть обречённым на любовь? — с горьким смехом уточнил Арганон.

— Да, и давай без истерик. В любви нет ничего страшного, и до вчерашнего дня тебя всё устраивало.

Владыка видел, что советник готов был взорваться очередным ругательством. Огненная магия постепенно окутывала пальцы советника.

— А вас? Вас бы это устроило? — вскинул он руку, и огонь сорвался с пальцев, но потух, не достигая стола, заваленного документами.

Король лукаво улыбнулся, взяв бокал с родниковой водой, пригубил, прежде чем ответить.

— Твоя дочь Фэйари.

— Что? — опешил Арганон, поражённо замирая.

— Успокойся, — осадил его король. — И займись своими обязанностями.

Не ожидала, что мужчинам настолько проще жить. Тут улыбочка, тут ласковое слово и все женщины готовы выполнить любое твоё требование. Денег у меня было не так много, поэтому и приходилось хитростью сбивать цену, а также, кажется, завоёвывать сердца прекрасной половины продавцов. Долго выбирала меч. Все они были мужскими: длинные, тяжеловатые. Мастер Офриэн, хозяин самой лучшей лавки на торговой площади, долго смотрел на мои метания от одного меча к другому и ему надоело.

— Как девица платки выбираешь, — проворчал он, чем очень напугал. Неужели так видно, что я не юнец? — Вот, бери этот.

Мастер протянул мне искрящийся в лучах солнца меч, достойный самого умелого воина. Тонкие древние руны плели изысканный узор. «Страх орков» было написано на нём или «Несущий смерть оркам».

— Он лёгкий и тебе больше подойдёт. К тому же в нём сила Древних.

— Благодарю, но у меня не так много денег, — решила отказаться. Я не планировала привлекать к себе внимание сразу. А такой меч не может оставаться незамеченным. Но он так и просился в руку, звал на подвиги, обещал защиту. — Сколько он стоит? — не удержалась я от вопроса.

— Пять золотых и тридцать серебряников, — насмешливо ответил мастер.

Цена была высока, но для такого меча слишком мала, о чём я и спросила.

— У вас, юноша, глаз намётанный. Я видел, какие мечи вы выбираете. Вам любой из них не подойдёт. У меня только этот достойный вас.

Хороший ответ: и комплимент, и подарок. Ведь будь на моём месте другой, и цена прозвучала бы иная.

Я протянула руки, и мастер Офриэн передал мне меч. И тут я поняла, что не могу, — хочу и всё тут. Именно этот меч! Он был лёгким, скользящим, сбалансированным под мою руку. Несколько раз взмахнув, я с улыбкой оглядела руны.

— Только для орков он опасен?

Мастер прищурил глаза, затем бросил взгляд на письмена и расцвёл в тёплой улыбке.

— Вы достойный хозяин этому мечу, — похвалил меня Офриэн. — Нынешняя молодежь не увлекается древними языками. Мне приятно, что у моего творения будет такой хозяин. Так что пять золотых и он ваш.

Он и так уже был мой. Даже рукоять нагрелась от моего тепла. Я передала меч мастеру, а сама, достав кошель, стала пересчитывать монеты. Как-то я круто решила начать новую жизнь. Если так дело дальше пойдёт, мне до первого заработка не протянуть. Придётся возвращаться домой, или же... Я улыбнулась, представляя, как пробираюсь в дом к старшему брату. Я знала, где он прячет деньги.

Поэтому пять золотых со спокойной душой передала в мозолистую ладонь мастера. Я же протянула руки к своей покупке, но тут мастер Офриэн напомнил, что к такому мечу нужно подобрать достойные ножны и итогом покупки стала именно первоначальная цена. Вот они торгаши, всё равно своё урвут. Зато я вышла из его лавки с мечом на поясе. Дальше остался лук!

Вспоминая разговоры братьев, я искала лавку мастера Брентиэля. Его луки славились

дальностью и силой выстрела. Найти лавку оказалось очень сложно. У неё не было громкой вывески, и находилась она на окраине площади. Я робко зашла в тёмную лавку, оглядывая стены, обвешанные луками.

— Добрый день, леди, — раздался мужской голос из-за прилавка. Я не сразу заметила мастера, так как он сидел и курил трубку, от чего в лавке стоял чуть горьковатый, но приятный аромат.

— Добрый, но я не леди. Меня зовут Ориэтор Зрамин, я прибыл из Ледяных пределов на отборочные смотрины. Хочу испытать себя на место личного охранника владыки. Для этого мне нужен лук, а вы, говорят, самый искусный мастер.

— Юнец? — словно удивился мастер Брентиэль. — Куда же катится мир, коль юнцы стали похожи на леди из благородной семьи. Ты уж, Хэни, морок бы навела понадёжнее, этот слабоват.

Я закусила губу. Ну вот и всё, маскарад закончился.

— Родители с ног сбились, с утра ищут. Брат твой заскакивал, предупреждал, что можешь появиться. А ты всё же решила добраться до владыки? — скрипучий смех мастера бил по нервам. — Похвально, похвально. Подойди, — приказал он. Я сделала пару неуверенных шагов. Представляю, как родители будут ругать, когда мастер сдаст меня им. Наверное, лучше сбежать из лавки, пока не поздно.

— Слышал я о тебе многое. А увидел впервые. Уверена, что правильно всё делаешь? — тихо шептал мастер, чем выводил из себя.

— Конечно, я не откажусь от него.

— Молодец, — кивнул старый мастер, затянулся и выдохнул дым мне в лицо.

— Теперь и владыка не распознает морока. А я хочу посмотреть, что у тебя получится, — опять посмеялся мастер. — Вот там зеркало.

Я обернулась туда, куда трубкой указывал мастер. В углу у самого входа стояло в полный рост зеркало. Я приблизилась к нему и осмотрела своё отражение. Повертелась. Пытаясь найти изменения.

— Поверь, пройдя ворота, твой морок бы смылся, а мой нет. Но имей в виду, владыка может почуять магию.

Я перевела взгляд на мастера, который с улыбкой смотрел на меня.

— Так что близко не подходи дня три. Потом он привыкнет, и не будет замечать в этом ничего странного. Но три дня лучше не подходи к нему на расстояние полёта стрелы.

— Благодарю, — отозвалась я, не понимая, а что, собственно, произошло, и решила развеять свой морок. И вот тут поняла, что морок мастера был намного прочнее моего, и как его снять — я не знала.

— Потом само развеется, года через три.

— Три? — удивлённо ахнула я, не представляя, какая же сила хранится в старом мастере.

— Три, — кивнул он. — Захочешь раньше снять, обращайся, маленькая леди. Это будет очень интересно, — словно сам себе произнёс старый мастер и уже другим тоном приказал мне подождать. Сам он зашёл в неприметную дверь и вернулся оттуда с луком и стрелами.

— Вот, красавица, самое лучшее.

— Сколько стоит? — сразу решила уточнить, а то самое лучшее я уже купила. Больше не позволяли средства.

— Подарок тебе от мастера. Братьям подарил, и тебе пора получить от меня подарок.

— То есть у Хани ваш подарок? — потрясённо прошептала я.

Я помнила, каким он счастливым пришёл домой, держа в руках лук, затем позвал меня с собой, и мы долго стреляли в лесу. Я пробовала пустить стрелу из его лука, и ничего не получалось. Лук слушался только хозяина.

— Хани, — пробормотал мастер, — Ты очень любишь брата и он тебя. Лучше откройся перед ним, пока не поздно.

Я кивнула, вспоминая брата с теплотой в сердце. Да, надо ему сказать. Он не выдаст и поймёт.

— Я обязательно это сделаю.

— Самое время, — с коварной улыбкой произнёс мастер и кивнул на вход.

Именно в этот момент вошёл Хани. Я заметила, как он изменился за несколько часов. Обеспокоенное и какое-то чужое, хмурое лицо брата больно кольнуло сердце.

— Мастер, к вам не заглядывала рыжеволосая девчонка?

— Сестру потерял? — насмешливо переспросил мастер Брентиэль.

— Да, сестру. Брат уже спрашивал? — уточнил Хани, в расстройстве зарываясь рукой в волосы, от чего коса его растрепалась.

— Не только твой брат приходил, — решил сдать меня мастер.

Хани вскинулся, с такой надеждой взглянул на мастера, что я не выдержала и бросилась к брату.

— Хани, прости меня, — шепнула ему. Я хотела привычно обнять брата за талию, но была остановлена сильной рукой.

— Юноша, вы забываетесь?! — негодуяще зашипел на меня брат, больно толкая в грудь.

Мастер за нашей спиной рассмеялся. Я оглянулась на него. Он, прищурившись, опять дымил.

— Сколько эльфов получало от меня подарки, Ханинэль? — спросил он у моего брата, который, гневно сверкая глазами, толкал меня от себя. Но я продолжала напирать, желая его обнять.

— Только члены нашей семьи, — отозвался Хани, не глядя на мастера.

— А почему, знаешь?

— Отец заранее оплатил, — злость сменилась недоумением на лице брата, когда он повёл носом. — Знакомая вонь, — пробормотал он и ослабил руку.

Я, наконец, смогла его обнять за талию, прикрыв глаза. Я не думала, что будет так тяжело отказаться от семьи.

— Этот юнец сегодня получил от меня подарок, — продолжал свои речи мастер-предатель. — И знаешь почему? Он решил стать личным охранником нашего владыки. Похвальное стремление для столь юного эльфа.

— Хэни? — неверяще переспросил меня брат и обнял как прежде. — Хэни, что ты сделала с волосами?

— Покрасила, — буркнула в ответ. — Хани, только маме не говори и отцу тоже.

— Хэни, да ты хоть знаешь, что весь город на ушах стоит, все тебя ищут! — взывал брат к моей совести, но она была на моей стороне.

— Брат, я уже решила и всё равно сделаю, как считаю нужным.

— Вся в мать пошла, — пробормотал за прилавком мастер Брентиэль. — Ну, а теперь принимай подарок, маленькая леди, или как тебя теперь зовут — Ориэтор?

— Хэни, маленькая моя, ну что ты творишь? — в сердцах вопрошал брат.

— Я буду участвовать в соревнованиях, выйду победителем и стану личным охранником Владыки.

— Я думал, ты обиделась на меня, — шептал брат, заключая моё лицо в ладони.

— На что? — не поняла я его.

— На то, что сказал тебе вчера.

Он раскаивался и, кажется, винил себя за мой побег. Вот глупый.

— Хани, ты это говоришь постоянно, — стала успокаивать его, поглаживая рукой по груди. — Я уже привыкла, да и к тому же, ты прав. Нужно было меня тактику.

Мастер Брентиэль опять засмеялся.

— Обожаю вашу семейку. Если бы не вы, в лесу было бы скучно. Ну что ж, поспеши, леди. Тебе ещё познакомиться с подарком нужно.

Я отстранилась от брата, он погладил меня по волосам.

— Они всё же воняют и блестят, всё как я говорил.

Я скривила губы в оскале.

— Привыкнешь.

— Теперь тебя буду по запаху искать, — не остался в долгу брат, я поджала губы и стукнула его по груди.

— Точно обижусь! — пригрозила ему, насупившись.

Мой взгляд исподлобья брат терпеть не мог.

— Прости, Хэни.

— Я не Хэни, я Ориэтор, — раздражённо зашипела на него. А то всю маскировку испортит!

— Прости, прости, Ори, — улыбаясь, попросил брат, а затем развернул меня за плечи к прилавок и подтолкнул в спину. — Мастер прав, у тебя мало времени до соревнований. Будут очень искусные воины, а ты в последнее время ленилась и, кажется, потолстела.

— Эй! — воскликнула я, оглядываясь на брата. — Это морок! Я худая!

— Кстати, морок слетит, когда попадёшь во дворец, — предупредил брат, и его пальцы засветились магией.

— Не спадёт, — отозвался мастер Брентиэль. — Это мои чары.

— О! — только и вырвалось у брата.

Больше он ничего не сказал, а я слушала мастера, который рассказывал, как надо ухаживать за моим подарком. Что стрелы заговоренные, как и лук. Колчан так же волшебный. Стрелы не будут заканчиваться, чтобы не подвести меня в пылу сражения, но собирать их я должна, какие смогу. Я поблагодарила мастера Брентиэля, он мне улыбнулся на прощание. Пожелал успехов и отпустил. Мы с братом шли по городу в сторону ворот.

— Хэни...

— Ориэтор, — поправила я брата.

— Ори, ты уверена.

— Уверен, — опять пришлось поправлять Хани.

— Ори, ты уверен, что справишься? — беспокойство брата было очень навязчивым.

— У меня были лучшие учителя! — воскликнула я. — Откуда сомнения?

— Ты у меня ещё такая маленькая. Одно дело — стоять со мной рядом, а другое — видеть, что ты останешься одна, без моей поддержки.

— Спасибо, мамочка, но я справлюсь, — смеясь, отозвалась в ответ.

— Ох, Хэ...

— Ориэтор, — не дала закончить ему очередной стон.

— Ох, Ори, чтобы же ты неугомонный такой, — с нежностью вздохнул брат и, положив руку мне на плечи, прижал к себе. — Я чуть не поседел, когда записку твою прочитал. Ты уж прости, но родителям я скажу, что ты задумала. Мать ревёт, отец волком рыщет. Так что ты прости.

— Брату только не говори. Он будет претендентов судить.

— Хорошо, обещаю. Но родителям скажу.

— Благодарю, Хани. А этот мастер Брентиэль, он кто? — оглянулась на лавку, из которой мы вышли. Улица вильнула вправо, и торговая площадь осталась за углом.

Не сразу я поняла, что старый эльф не из простых, да, старый, словно усталый камень у дороги, повидавший многих.

Хани с улыбкой взглянул на меня, затем перевёл взор вдаль, словно вспоминая канувшие в Лету годы.

— Он был когда-то великим воином. Ему не было равных в меткости и ловкости. Поверь, даже сам король был ему неровня. Но при Второй битве с орками его ранили и теперь он лишь тень самого себя. Отец рассказывал, что мастер не верил целителям, которые не могли поставить его на ноги. Он сам встал, тренировал ноги, разминал и, наконец, сумел сделать первые шаги. Он не хотел быть обузой своей семье и покинул родной дом, так он и оказался в нашей столице.

— Ух ты. Я и не знала.

— Откуда, ты же ещё маленькая.

— Я уже не маленькая. У меня уже было первое взросление!

— Малышка, вырастает не телом, а душой. А ты сущее дитя.

— Хани, — предостерегла его от опрометчивых высказываний.

— Ладно, ладно. Так что мастер Брентиэль из Древних, пришедших из страны Зорь, как и наш король. Его магия посильнее нашей с тобой. Это странно, что он решил сделать тебе такой подарок.

— Ты же сам сказал, что отец оплатил заранее.

— Да нет, я не о луке, а о мороке. Я же, честно, не узнал тебя, Хэни. Думал, юнец сумасшедший обниматься ко мне лезет. Неприятная ситуация, ещё и на глазах у мастера.

Я рассмеялась. Ну да, наверное, было смешно со стороны. Так и шли мы, обнимая друг друга. Рассуждали, почему мастер мне помог и не находили ответа. Мы смеялись, обсуждали, что мне следует сделать на соревнованиях, чтобы стать победителем. Хани проникся моей идеей и сказал, что верит в меня. Всё же у меня нет никого ближе братика.

Он вывел меня на опушку, оставил одну, а сам вернулся в город. Я опробовала лук, затем меч. А потом пошла проверять тёмного. Беспокойство не отпускало. Магия воды, конечно, вещь непостоянная. Вода непрерывно движется, спешит. Я понимала, что моя магия развеялась быстро, но вдруг у него сил не хватило выбраться на берег. Добравшись по деревьям до водопада, прислушалась к спокойствию природы. Ветер нашёптывал, что никакой опасности нет, и я решилась. Осторожно спустилась на берег, всматриваясь в следы, отмечая про себя, что тёмный сильнее, чем казался. Он не только выбрался, но и замёл следы. Да только я заметила, что не везде. Каплю крови земля не впитала. Ядовитая чёрная кровь тёмных. Но именно она и подсказала мне, что эльф благополучно покинул реку. Жив. Он всё же жив.

Теперь я беспокоилась о том, чем мне аукнется такая помощь. Он враг, и мне следовало забрать его жизнь. А теперь он волен это сделать с моей.

Вернувшись в город, я направилась к воротам дворца. Там уже собрались соискатели, и я оказалась самой последней! Но с гордым видом заполнила бланк и прошла через ворота. Бросая косые взгляды на своих конкурентов, вспомнила слова брата. Тут собрались лучшие со всего королевства, и даже были соседи — трое из Ледяного предела. Я потупила взор. Я не ожидала, что и они тут будут. Одежду я приобрела согласно традициям северных соседей. И теперь они, заметив меня, с любопытством поглядывали в мою сторону. Я молилась, чтобы среди них не оказалось знакомых Ориэтора, или его самого. Хотя они были намного старше меня, может, мне и повезёт. Нас вывели на плац рядом казармами. Я выделялась среди мужчин своим ростом. Но, выпрямив плечи, держалась гордо и спокойно.

И так было, пока я не заметила среди командиров своего брата. Я забеспокоилась. Хани может и не узнал меня, а вот старший брат был наблюдательнее и зорче. Он мог белке в глаз попасть, которая сидела бы на макушке древней ели, правда, никогда этого не делал, так как очень любил белок. Мы выстроились перед командирами и стали ждать, когда начнутся сами соревнования. Вперёд вышел начальник дворцовой стражи и представился:

— От лица нашего владыки благодарю всех, что откликнулись на наше приглашение и решились поступить на службу. Меня зовут Хриантэль Гасаритон. Для вас, наверное, не секрет, что я занимаю должность начальника дворцовой стражи, но также я командир личной охраны владыки. И прискорбием должен сообщить, что в этом году мест больше, чем обычно. Личный охранник короля — очень рискованная должность и каждый должен решить для себя: способен ли он отдать жизнь за него.

В строю не послышалось ропота. Все собравшиеся были готовы умереть за владыку.

— Каждого из вас мы проверим на ловкость, силу, выносливость, — продолжил командир Гасаритон. — Первое состязание — стрельба из лука. Вас будут оценивать Трибориндил Ясил, начальник общей стражи и первый командир границ — Илдир Конрод. Услышав своё имя, следуйте за судьями.

Ну вот и началось испытание. Я нервно сжала кулаки, слушая сильные голоса командиров. Волнение охватило меня, я боялась встретиться со старшим братом взглядом, я была уверена, что если он меня узнает, то отправит домой играть в куклы. Но я упрямая, я должна показать лучший результат. Должна! Просто обязана!

Дом семьи Ясил

Мягко ступая по ковру, Хани приблизился к кабинету отца, где тот был с матерью. Они не оставляли надежд найти сбежавшую Хэни. Молодой эльф прижался щекой к деревянному косяку, слегка открывая дверь. Он слушал голоса родителей и вспоминал своё детство. Когда родилась сестра, это он дал ей имя. Он хотел, чтобы она звалась так же, как и он. Но мать рассмеялась и смягчила первый слог, а отец придумал полное имя дочери. Хани помнил, как обиделся на родителей. И долго ещё малыша звал своим именем, лишь намного позже принял её имя Хэнтариэль — обещанная звёздами.

— Она не могла так далеко уйти! — воскликнула мать, возвращая сына из искристых, как самоцветы, детских воспоминаний.

— Я нашёл её, — произнёс Хани, входя в кабинет.

Мать вскочила с кресла и бросилась к нему, радостно улыбаясь. Рыжеволосая зеленоглазая лесная дева. Ей безумно шло изумрудное платье, подол которого нервно мяли тонкие белые пальцы. В украшениях мать предпочитала золото. Всё в ней навевало мысли о знойном лете. Огненная пара, что отец, что мать. Их объединила стихия, скрепила узами брака, и Ханинэль мечтал, чтобы и ему посчастливилось обрести свою возлюбленную.

Отец был одного возраста с матерью, его серые глаза порой были холоднее северных льдов. Вечно молодые лица родителей были встревоженными, со следами тревоги в уголках губ и тоской в глазах. Они любили своих детей в равной степени каждого. Но больше всех проблем им доставляла младшая дочь.

— Где она, Хани? — вскричала мать, хватая его за руки. Она смотрела в проём двери и видела пустоту коридора. — Где моя дочь, сын?

— Она сменила тактику, матушка. Она не бросила нас. Она в городе. Просто решила осуществить свою мечту и стать ближе к королю.

Вздых облегчения родителей был слаженным, и мать уткнулась сыну в грудь.

— За что она так с нами, Хани? За что?

— За то, что не верите ей, — серьёзно ответил средний сын. — Не верите, поэтому она и сбежала, не найдя родительской поддержки.

— Где она, сын? — строго потребовал ответа Арганон.

— Вы должны дать мне слово, что не будете ей мешать. Поклянитесь, и я скажу вам, что она задумала.

— Ты в своём уме? Как ты разговариваешь с нами?! — взорвался отец, грозно надвигаясь на сына. — Она ещё мала, чтобы покидать дом без спроса и без сопровождения!

Мать отстранилась от сына, поражённая его решимостью. Она думала, что он будет первым, кто приведёт дочь домой, но оказалось, что его любовь к сестре безгранична! Он принял её сторону, он будет оберегать её интересы и не выдаст родителям!

— Отец, открой глаза! Первое взросление она прошла! — вскричал Хани, несколько не страшась гнева родителя. — Она уже самостоятельная, только неопытная. А где ей набраться опыта, если мы трясёмся над ней, воздвигаем рамки, запреты. Она же жизни нормальной не видела!

— Как это не видела?! — взревел Арганон. — Да я всё для вас делал! Всё ради вас!

Ганатриэль прижала ладонь к губам мужа и тихо спросила у сына:

— Она просила тебя не говорить где она?

— Да, просила, но я сказал, что обязан вас успокоить.

Эльфийка кивнула, от чего рыжие волосы заиграли под лучами солнца.

— Всё понятно, — грустно вздохнула она и расстроенно шепнула мужу: — Взрослая у нас дочь уже, отец, а мы и не заметили.

Арганон скинул тонкие пальцы со своих губ и хмуро сверлил взглядом непокорного сына.

— Хани, мы даём слово, что не потребуем от неё вернуться, раз она так хочет. Но мы же должны знать, что с ней всё хорошо. Она сущее дитя.

— Да, матушка, я понимаю. Поэтому и прошу — не давите, а то сбежит по-настоящему. Пока она под присмотром и в безопасности.

— Где она? — сурово спросил отец.

— Поклянитесь, что не будете ей мешать. Даже если ошибётся, просто примете её домой с распростёртыми объятиями и без нотаций.

— Клянусь, — сухо отозвался Арганон. — Итак, где она?

— Во дворце, на смотрах. Хочет стать личным охранником короля.

У Ганатриэль вырвался нервный смех.

— Ну точно, как она могла бросить своего возлюбленного. Мать и отца бросит, а за ним пойдёт на край света.

— Глупая затея, Трибор никогда не примет её в охранники, — сложив руки на груди, усмехнулся Арганон, с облегчением понимая, что дочь в скором времени вернётся домой.

— Примет, — кивнул ему в ответ Хани.

— Не примет, — с уверенностью возразил отец.

— Хани, — позвала догадливая мать. — Что она задумала?

— Она сменила лик. Брат её не узнает и примет.

— Надо вернуть её немедленно, — возмущённо воскликнул Арганон и направился к входу, но был остановлен женой и её вопросом:

— Дорогой, а что такое приворот, помнишь?

— Помню, — ворчливо отозвался тот и сделал следующий шаг, но жена дёрнула его за руку обратно.

— Так вот теперь, моя любовь, твоя дочь продемонстрирует, что не приворот это! У неё другое лицо! Она теперь не та, какую владыка знает, и поверь, это не изменит его любви к ней. Если бы был приворот, то он бы просто остыл. Так как для настоящей любви главное душа, а не внешность, как при привороте.

Хани заморгал глазами. Затем рассмеялся, хватаясь за живот. Вдруг представил, как это будет смотреться со стороны, подавился смехом.

— Что случилось? — взволновалась мать, глядя на своего давящегося от кашля сына.

— Ничего, муха в рот залетела, — сипло произнёс Хани, вытирая слезы с глаз, с трудом выпрямляясь.

— Сын, ты решил меня обмануть? — укоризненно поинтересовалась Гана.

— Я так думаю, что Хэни выбрала не тот образ, чтобы в него влюбиться, — задумчиво произнёс Арганон, прекрасно зная свою дочь. — Нечто невзрачное, обычное, на что и глаз не ляжет?

Хани растянул губы в улыбке и кивнул.

— Ну что ж, — обратился Арганон к жене. — Давай, проверим, приворот это или нет. Уж наш владыка на дурнушку и не взглянет.

— Нашему владыке не внешность главное.

— А с чего вы решили, что владыка полюбит Хэни? Даже не так, — остановил он рукой родителей, которые хотели ему объяснить. — Почему вы сразу ей не сказали, что он в неё обязательно влюбится? Почему не поддержали, когда это ей было так нужно?!

— Сын, ты не понимаешь. Я думала — это пройдёт, но сила в твоей сестре, кажется, проснулась раньше её первого взросления. Я только сейчас поняла, почему он никогда ей не отказывал, не жаловался нам на её выходки, а улыбался и терпел все её проделки.

— Какая сила? Магия в Хэни проснулась лет в пять, — напомнил сын Гане, которая кивала головой.

— Она Фэйари, — тихо прошептала Ганатриэль, поражаясь, какая сила кроется в её дочери, раз она, носительница той же силы, не почувствовала, как подчиняется любым капризам Хэни. — Нужно срочно с ней поговорить, пока она не совершила глупостей.

— По-моему, только на глупости она и способна. Зачем нам зять владыка? Это же такая

обуза?! — взвыл советник короля и в расстройстве отошёл к столу. Он не желал себе такого зятя. Да и дочку не видел женой Древнего. — За что мне всё это?!

— Матушка, Фэйари — это же твой род. Что в этом плохого? — осторожно спросил Ханинэль, украдкой поглядывая на отца, который выпил вина и теперь стоял, вглядываясь в окно.

Ганатриэль грустно улыбнулась.

— Это семейный секрет. Прости, что не говорила раньше. Фэйари — рыжеволосые властительницы этого мира. Наше слово — приказ для любого. И мы сами выбираем себе возлюбленных, тех, кому будем верны до последнего вздоха. Поэтому Хэни никогда не откажется от владыки, просто не сможет.

Арганон обернулся, он видел, как несчастна его любимая. Он больно ранил её своим недоверием, своим гневом. И она стояла, и оправдывалась перед сыном. Прекрасная Фэйари. Его любимая и верная супруга. До последнего её вздоха.

Арганон стремительно подошёл к ней и заключил в свои объятия, показывая взглядом сыну покинуть кабинет. Хани притворил неслышно за собой дверь и замер, не зная куда идти. Спасать владыку, или поискать информацию в библиотеке. Хотя время было начала смотрин, и Хани поспешил во дворец.

Соревнования

Я стояла среди соискателей и смотрела, как мои соперники отпускают тетиву, а та звонко поёт. Косоглазия ни у кого не наблюдалось. Все стрелы летели точно в цель. Одна рассекала предыдущую в щепки, чтобы занять место в самом центре мишени. Нашим судьёй стал сам Гасаритон. Брат стоял достаточно близко от меня, но спиной, и не обращал никакого внимания на юнца. У меня от сердца отлегло, и я стала чувствовать себя более уверенно. Оценивая соперников, пришлось себе признаться, что они были достойными, и что за звание личного охранника придётся повоевать. Испытаний по стрельбе было много, это только первый этап, главный — третий, когда придётся скопом идти против миражей. Страшно было ошибиться и застрелить своего. Хани рассказывал, что были прецеденты ранений, один со смертельным исходом.

Эльффы из Ледяных пределов продолжали оценивающе на меня поглядывать. Я тоже отвечала им тем же. А ещё заметила странную манеру доставать стрелу из колчана: мимолётное движение пальцев и резкий срыв в полет. Стрела начинала вращаться, глубже впиваясь в мишень. Я размяла пальцы, понимая, что должна продемонстрировать нечто подобное. Давалось три попытки, так что первую можно было потерять. Теоретически всё казалось просто: повернуть и пустить. Когда дошла моя очередь, я так же, как и северяне, достала стрелу, а затем передумала. Я не могла упустить ни одну попытку! Слишком сильные противники! Первая стрела разнесла в щепки не только стрелы соперников, но и мишень. Я улыбнулась, глядя, как помощники остановили соревнования и меняют мою мишень. Брат оглянулся, мазнул равнодушным взглядом. Я улыбнулась ещё шире. Не узнаёт!

Мишень поставили, я выхватила стрелу и отпустила её в полёт, затем сразу следующую. Отстреляв безупречно свои попытки, заметила недоумение на лица соседей. Ну да, я забыла козырнуть, как они, стрелами: мои не вращались, но и без этого глубоко впивались в деревянные доски щита.

Я была последней из выступающих, поэтому сразу же начался следующий этап —

«Движущиеся цели». Нам выдали колчаны, у каждого был свой цвет оперения. Мне достался розовый. Я усмехнулась, потрогала стриженое перо. Девчачий цвет! Это судьба, не иначе. Неожиданно тяжёлая рука похлопала меня по плечу.

— Не переживай, главное меткость, а не цвет, — подбодрил меня брат.

Я медленно обернулась на него и тихо поблагодарила. Трибор покивал мне с отеческой улыбкой.

— Первая тройка на позиции. Ваша цель — как можно больше целей поразить, — отдал приказ Гасаритон.

Я опять была в числе последних претендентов, зато могла прицениться к соперникам. Ледяные эльфы были очень упорные. Их поставили вместе и они не уступали друг другу. Мишени двигались достаточно быстро. И каждая получала все три разноцветные стрелы. Следующие были не так точны, и, бывало, мишени останавливались за чертой только лишь с одной стрелой. Я теребила стрелы, прикидывая, как лучше поступить. Мишени двигались практически по одной траектории и с одинаковой скоростью.

Выдохнув, я встала на позицию. Ну что ж, теперь посмотрим, на что я способна. Первые стрелы выпускала по одной, затем по две, затем по три. И когда дали отмашку остановиться, с надеждой осмотрела мишени. Я, кажется, в одну не попала. Но нет, стрела хоть и впилась в самый край, но крепко вошла в дерево. Я закинула голову к небу и с облегчением выдохнула. У меня получилось!

Меня сдержанно поздравляли, я немного смутилась. Не ожидала такой поддержки, даже со стороны соседей. Те, наконец, решились подойти и даже похлопать по плечу. Но от вопросов воздержались, только пытливо вглядывались в лицо.

Гасаритон, единственный, недовольно хмурился. Он переглядывался с братом, а тот лишь пожал плечами. Я прекрасно изучила мимику Трибора, он ответил, что ему безразлично, несущественно. Он не поддержал и не отверг, просто воздержался судить меня сейчас.

Конрод же улыбнулся и еле заметно кивнул. И тут я поняла, что одних результатов мало! Нужно еще добиться расположения судей! Это было обидно. Получается, даже если я выйду первой, меня могут и не взять?

Злость во мне скрипнула зубами. Это мы ещё посмотрим. Я докажу, что лучше мужчин, я им такое сейчас устрою. Трибор не знал, чему меня обучал Хани, даже близко не догадывался о моих способностях.

Размяв шею, повела плечами, готовясь к самому главному, третьему этапу испытаний в стрельбе. «Миражи» — это фантомы, которыми управляют маги. Они нематериальны, но стрела, проходя сквозь них, делает метку, и маг знает, что мираж уничтожен, и рассеивает его. Нужно уничтожить всех фантомов. Сама же стрела, прошедшая сквозь мираж, становится серой, и только оперение не меняет цвет.

Судьи рассредоточились, вставая рядом с магами, которые не только наводили миражи, но и удерживали защитный купол, охраняя себя и зрителей.

Мы спокойно прошли в центр импровизированной сцены. Я оказалась зажата крепкими спинами соперников, но, растолкав их, потребовала места для манёвра.

— Получите стрелу в задницу, пеняйте на себя, — пригрозила я нерасторопным мужчинам. Я не собиралась проигрывать им.

Сигнал был дан, и я подпрыгнула. Пошла по головам, плечам, рукам (что под ноги попало, по тому я и шагала), расстреливая все свои стрелы, выпуская их в каждого

фантома, какого видела. Крики возмущения и шипение соперников меня не волновали. Их проблемы, я их не заставляла прятать меня. Спрыгнув на землю, ускорила, помчавшись по кругу. Ледяные тоже пытались двигаться, а не вращаться на месте, как это делали наши. Фантомов было так много, что за ними терялись очертания эльфов. Маги создавали всё новых и новых тёмных эльфов, потом появились орки, и заключительным оказался каменный голем. Я всадила ему в глаза по три стрелы, чуть не задев при этом одного из своих. Но обошлось без жертв. Гонг звонко прозвучал, и испытание закончилось.

Я оглядела свои стрелы. Все поменяли цвет.

Помощники собирали стрелы, пересчитывали, фиксируя количество удачных выстрелов всех претендентов.

— Он жульничал! Нельзя засчитывать его результат, он выпускал сразу три стрелы! — услышала я тихий но возмущенный голос Гасаритона.

— Возможно, — отозвался Трибор.

— Это реальность, юнец знает, что одной для голема мало, — защищал меня командир границ.

Да за что начальник на меня взъелся?!

— Он слишком молод, — отвечая на мой немой вопрос, произнёс Гасаритон.

— Смотрины не закончились, — брат попытался его примирить с мыслью, что я лучшая. — Посмотрим, как он управляет с мечом.

С луком я обращалась лучше, чем с мечом. Поэтому и выложила на первом испытании по полной. Подойдя к судьям, с вызовом взглянула на командира личной охраны владыки. Пусть не думает, что я буду перед ним пресмыкаться, заискивать. Говорили они громко, не таились, значит, хотели быть услышанными. И я их услышала. Гасаритон высокомерно окинул меня холодным взглядом и отвернулся, наблюдая за приближением ледяных эльфов.

Результаты объявили чуть позже. Я стояла под тенью дерева, ласкала пальцами меч, прося его меня слушаться, так как мы должны попасть в тройку лидеров. Первое соревнование выиграла я. Мое имя было на первом месте по очкам. Это давало мне шанс попасть на службу хотя бы простым охранником. Но я не из простых, мне нужно только лучшее.

Заминки между состязаниями было достаточно соседям, чтобы решить ко мне подойти для разговора, который был очевидным. Трио встало полукругом возле моего дерева, осмотрело меня с ног до головы. Я в долгу не осталась. Соседи от нас практически ничем не отличались: тоже светловолосые, только в глазах больше холода и решимости. Разве что в плечах они шире наших мужчин, а ещё выше ростом, и веяло от них странной силой. Явно неслабые маги. Внешне все трое отличались друг от друга. Лицо самого старшего было узким, длинный нос и тонкие губы. Глаза белёсые, практически бесцветные. Двое остальных были на порядок столетий моложе своего земляка. Один широколицый, с высоким лбом. Концы ушей смешно загибались вниз, но я старалась на них не акцентировать внимание. Перевела взгляд на третьего. Он был очень красивый, чуть насмешливые зелёные глаза, чёткий контур губ. Все они были в зелёных куртках, как и я. Самый старший спросил:

— Откуда ты родом? Кто твой учитель?

— Отец, — отозвалась с вызовом, задирая подбородок. — Он лучший в наших краях.

— Откуда же ты? — весёлый голос зеленоглазого отвлёк меня от переглядывания со старшим.

Карту Ледяных пределов я изучила. Нужно было не ошибиться с названием захолустной

деревни. Мои собеседники были ухоженные и опрятные. Одежда модная, значит из города.

— Трилистье, — чуть с запинкой произнесла, вспоминая, как правильно читалось название деревни у западного подножия гор.

Эльфы переглянулись, настороженно и с немым вопросом в глазах. Я тоже так же смотрела на них, и — о чудо! — никто из них в этой деревушке не бывал.

Я мысленно ликовала. Удача мне благоволит.

— Ты достойный сын своего отца, — похвалил меня старший. — Меня зовут мастер Каятон, это мои ученики. Лесновэль, — указал он на широколицего, затем на зеленоглазого, представляя его: — Хилмидир.

— Меня зовут Зрамин, — привычно назвала фамилию, так как имя открывают только друзьям.

— Будем друзьями, — с тёплой улыбкой приложил ладонь к груди Хилмидир.

За ним повторил Лесновэль и сам Каятон. Я тоже прижала руку к груди, соглашаясь на дружбу, но добавила:

— Только на пути у меня не вставайте. Я обязан заполучить звание личного охранника владыки. Я не остановлюсь ни перед чем и не перед кем. Без обид, — поспешно произнесла, глядя, как гневно вспыхнули глаза мастера.

— Ты слишком амбициозен, — его осуждение мне было безразлично. — И неучтив.

— Не привык перед кем-то соловьём заливаться. Да и не перед кем было, не перед гномами же. А для амбиций есть причины, которые я не могу вам рассказать. Но это для меня важно.

— Как и для нас. Мы тоже не за пустыми разговорами проделали этот путь. Мы верные слуги владыки и пришли по его первому зову.

Разговор у нас выходил ни о чём. Я привычно скривила губы в ухмылке и заметила взгляд своего брата. Тут же выпрямилась, придав лицу высокомерия и безразличия. Он направлялся к нам! Ой! Неужели прокололась, но где?

Соседи проследили за моим взглядом и тоже подобрались.

— Мастер Каятон, — с толикой уважения кивнул ему Трибор, — мы удивлены, что вы решились на соревнования, вы же знаете, что вас и ваших учеников мы приняли бы в свои ряды без смотрин.

Я мысленно возмутилась. Это как это без смотрин!

— Простите. Просто самый юный из нас метит на должность личного охранника владыки, — чуть насмешливо отозвался мастер Каятон, я тут же стала искать взглядом, кто это из двух и поняла, что все поглядывают на меня. Я?! Это я младший из учеников мастера?!

Трибор покачал головой и тихо шепнул:

— Увы, он слишком молод. Даже если и пройдёт.

— Пройду! — перебила я брата.

— Юный эльф не понимает, какая ответственность ложится на плечи личного охранника, — твёрдо возразил Трибор, гневно сверкнув глазами. — Отдать свою жизнь мало, нужно суметь спасти жизнь короля.

— Начальник стражи, — привлёк к себе внимание Хилмидир, отвесив при этом поклон, — уверен, что наш брат слишком юн, но юность проходит. А преданность остаётся. Не стоит отказывать ему в службе. Через год или два он сможет претендовать на эту должность по праву лучшего среди всех.

Трибор кивнул.

— Да, лорд, возможно, вы правы. Но не сегодня. Зрамин, — второй кивок он отвесил мне.

Я же оскалилась, сложив руки на груди.

— Тс, — раздраженно цокнула, но тут же спохватилась, когда брат резко развернулся ко мне лицом.

Мы смотрели друг другу в глаза. Сомнение боролось в брате с неверием. Но затем он снова отвернулся и отошёл к судьям.

— Не переживай, — похлопал меня по плечу мастер. — Даже если не возьмут в этом году, то, прослужив службу, попытаешь удачу через год. Тебе не доверяют из-за возраста, поверь. Умения твои достойны восхищений, но опыт. Тебе его стоит набраться.

Ну вот как после таких слов бороться? Я молчала, негодуя. Всё с самого начала было решено? Даже если буду лидером, то придётся год быть обычным стражником? Готова ли я к этому? Откажусь ли я сейчас от своей мечты. Нет! Руки дрожали от непролитых слёз.

Соседи отошли в сторону, оставляя меня один на один со своими переживаниями.

Почему мне казалось, что всё намного проще и честнее? Пройти отбор, стать лидером и оказаться рядом с королём. Быть его тенью, наслаждаться его обществом. А теперь что же, год в казарме? Прикрыв глаза, сглотнула. Нелегче ли сейчас сдаться? Я же леди, а в казарме будут мужчины. Много мужчин.

Раздался гонг, я оглянулась. Первая пара соперников вышла на поле, затем другая. Они встали друг против друга, так, чтобы не мешать соседям. Значит, между собой дерёмся.

— До первой крови, — громко произнес Гасаритон.

Я усмехнулась, принимая очень жестокое решение.

Ну что же, раз всё у них давно спланировано и, кажется, судьи уже знают, кто будет личным охранником, то их ждёт сюрприз. Сильнее сжала рукоять меча. С первыми можно быть и понежнее, зато потом... Зато потом пощады никто не получит.

Я стояла, изучая противников. Среди наших был настоящий мастер клинка. Я видел его не раз на полигоне. Ученик Трибора. Мэнатэль умел входить в транс и превращался в ураган, сметающий своих соперников. Эльфы из Ледяных пределов не уступали ему в мастерстве. Но у всех у них были слабые места. Меня, как всегда, вызвали последней. С первым противником станцевала, кружилась, чтобы усыпить бдительность судий. Эльф достался мне в возрасте и был неуклюж, откровенно сказать, чтобы не кривить душой. Но я дала ему возможность красиво проиграть, чтобы не унижать.

Второй был слишком молод и самонадеян. Он обманулся моей внешностью и за это поплатился. Подножка, и он некрасиво распластался перед судьями. Но быстро встал, в бешенстве разворачиваясь. Вот только бой им уже был проигран. Я сдерживала силу, порой даже делала вид, что пугаюсь, но всякий раз выигрывала. Мастер Каятон снисходительно смотрел на мои попытки выиграть. Гасаритон ухмылялся, считая, что я не дойду до финала.

Во мне кипела злость. Она меня подпитывала, придавала смелости, наглости и коварства. Я чувствовала себя лицедейкой, которая обводит вокруг носа зазнаек, считающих, что если родились раньше меня, значит лучшие.

Когда я вышла против Лесновеэля, ухмылки и смешки в толпе наблюдателей закончились. Теперь все с напряжением ждали развязки боя. Я перехватила меч, который блестел на солнце. Кровь соперников я стирала с него каждый раз, чтобы не запятнать его, показать своему товарищу, как я ценю его помощь. Страх орков жалил и эльфов с большим

энтузиазмом. Иной раз рука сама летела, я только следовала за ней. Достойный друг и соратник!

Первый выпад был Лесновеэля — проверял, примеривался. Я держала меч двумя руками, ноги полусогнуты, готова отразить любой удар. Я приглашала его, упрямо глядя в холодный лёд голубых глаз. И он напал. Он давил силой. Я скидывала его меч, отступая. Он напал снова. Он не спешил и понимал, что силён.

Командир личной охраны беседовал с Конродом, не упуская меня из вида. Я всё ждала, когда же он хотя бы моргнёт. Лесновеэль уже решил, что пора заканчивать выступление, всё, на что он был способен, показал. Гасаритона отвлёл брат, который показывал ему какие-то бумаги, и мне хватило этого мига. Обманный шаг в сторону и вперед, меч впивается в ногу ледяного эльфа. Он удивлённо ахнул, я немного испуганно вскрикиваю. Ну да, я же не ожидала, что он понесётся на меня, как дикий кабан. Планировала совсем чуть-чуть чиркнуть, а рана получилась достаточно глубокая. Никакой ловкости! Кто ж так нападает? Я что-то разочаровалась. Думала мастера и его учеников не так просто хотели взять без проверки.

— Прости, — шепнула Лесновеэлю, который стоял, зажимая пальцами рану на бедре.

— Почти поверил, — процедил он, направляясь с арены.

На соседнем квадрате Хилмидир выиграл у своего учителя. Я вытирала меч, краем уха слушая удивлённый шёпот судий. Брат заверял, что я выиграла честно. Начальник дворцовой стражи не верил. Он сам не видел, но был уверен, что я просто не могла сразить ученика мастера Каятона. Наивный.

Я присела под полюбившимся деревом. Девушка подавальщица подошла с кувшином в руках, протягивая чашу. Я поблагодарила и с большим удовольствием выпила родниковой воды, восстанавливающей силы. Тяжело дыша, прикрыла глаза. Не люблю притворяться, но отдохнуть стоило. Да и разочаровывать достопочтенного командира личной охраны не хотелось. Пусть думает, что этот бой был для меня трудным. Передышки между поединками стали всё меньше, так как соперников практически не осталось.

Хилмидир и Мэнатэль, да я. Поэтому, когда меня снова вызвали на поединок с ледяным эльфом, с большим старанием тяжело поднималась с земли. Сама же никак не могла взять в толк. Почему соперники настолько хилые? Словно выбирают лучших из худших. Отец рассказывал, что в былые времена эльфы были выносливыми, сильными и отважными. Наши предки могли сутками без сна и еды биться с полчищами орков и не вспотеть, а тут. Наш прадед голыми руками ходил на Паучиху — богиню тёмных эльфов и убил её, правда, и сам погиб, но его память о его подвиге трепетно хранима нашей семьёй. Мы достойные потомки его начинаний.

Ещё один бой, ещё одна игра на публику. Хилмидир был настроен куда более решительнее, чем его собрат. Он не давал мне передышки, пытался достать меня своим мечом. Я ускользала, используя технику теней. Я дала ему даже меня подловить, опрокинуть на землю, но только после того, как мой меч оставил кровавый след на его предплечье. Я всё правильно рассчитала, как и с Лесновеэлем. Рана затянется не сразу, может, через месяц, смотря насколько способные целители попадутся им. А так Лесновеэль уже лежал на земле от потери крови. Хилмидир не сможет держать лук и меч. Я поднялась с земли, отряхиваясь. Судьи в изумлении смотрели на меня. Ни одной царапины, зато ткань куртки Хилмидира темнела на глазах.

— За что? — тихо спросил он меня, обиженно и по-детски.

— Без обид, брат, — отозвалась так же тихо, как и он, на манер ледяных деревенских. — Я предупредил, эта должность должна быть моей. Через два месяца будешь как новый. А пока полечишься в лазарете, отдохнёшь.

— Ты выжил из ума?! — вскричал Гасаритон, подлетая ко мне и хватая за грудки, приподнимая над землей.

— Ты думаешь, что творишь?

— Начальник, не стоит, — подоспел брат, когда меня начали особенно сильно трясти.

— До первой крови — не значит убить и калечить соперника! — ревел медведем командир личной стражи.

Я усмехнулась, уточнила:

— Когда на владыку нападают, вы тоже любезничаєте с врагом? Может, из-за этого никто долго не задерживается на этом посту?

— Ты забываешься, юнец! — вскричал Гасаритон, отбрасывая меня в сторону. Я легко приземлилась на ноги, отвешивая ему поклон. Ну что ж. Раз не смогу стать личным охранником, зато уйду красиво.

— Он прав, Гасаритон. Он показывает, на что способен. А он способен поразить врага с одного точного выпада. Он просто показывает свои знания, — заступился за меня Конрод. — Юноша, если он не возьмёт тебя, то знай, ты уже зачислен в мой отряд. Станешь моим помощником, потом и заместителем. Я поражен и не собираюсь отпускать тебя.

Я тепло улыбнулась первому командиру границ. Хороший ход, да только я не прониклась. Я всё ещё зла. Остался последний противник. И наши учителя сами были учениками одного мастера. Теперь осталось узнать, кто лучше — Хани или Трибор.

Я размяла шею, поворачивая голову в разные стороны, повела плечами, дерзко глядя на Мэнатэля. Но гонга к началу поединка всё не было. Мы исследовали друг друга взглядами, острыми, как наши мечи. Я знала, что он войдёт в транс. «Танцующий убийца» — стиль, которому равным был лишь «Порхающая смерть».

— Смотрины окончены, — неожиданно вскричал Гасаритон. — Устроили тут побоище.

— Держи себя в руках, — осадил его Трибор. — Владыка смотрит.

Я резко обернулась, с радостью выискивая Тантриона в толпе. Да, он был там и разговаривал с Хани! Они не смотрели по сторонам, но были в центре не только моего внимания. Тантрион сегодня выбрал свой любимый оранжевый плащ. Рыжие всполохи оживляли бледную кожу нашего владыки, делая его более молодым. Мой король возвышался над Хани, который отчего-то смотрел в пол, кивая головой. Прекрасный лик самых моих любимых и дорогих мужчин не могли затмить окружающие их эльфы.

— Эй, юнец, — насмешливо позвал меня мастер Каятон, — неприлично так откровенно глазеть на его величество.

Я закатила глаза, как же мне надоели эти вечные одёргивания.

— Неприлично — не смотрите, — буркнула ему в ответ.

Гасаритон и Трибориндил хмуро пытались пристыдить меня взглядами, но могли и не стараться. Это будь я благородной леди, возможно, постеснялась бы, а теперь я юнец. Мне стыдливо опускать глазки не с руки. Да и не откровенно я смотрела на владыку, а с любовью и почтением.

Я думаю, самое время показать моему возлюбленному, какой тут беспредел творится. Поэтому с насмешливой улыбкой, закинув меч на плечо, громко обратилась к Гасаритону:

— Почему же вы боитесь продолжить смотрины? Неужели так страшно, что такой

юнец, как я, победит вашего претендента? Я понимаю, что у вас тут всё уже распланировано и, должно быть, разыграно по нотам, чтобы чужой не влез в ряды личной охраны, но правила есть правила. Я по возрасту подхожу, по силе и ловкости тоже. Поэтому вы не имеете права отказывать мне в моём желании получить место личного охранника владыки.

Гасаритон медленно надвигался на меня, бодал взглядом, призывая заткнуться, но мне уже терять нечего. Отец точно не позволит год провести в казарме с мужчинами. Выпорет, чем позволит так позориться.

Мэнатель отвернулся, скрывая улыбку. Ну да, смешно, наверное, смотрелась со стороны моя бравада, но главное, что мои речи достигли нужных мне ушей.

— Что у вас происходит? — услышала я самый прекрасный голос в Ислардии.

Мой король стоял за моей спиной, я чувствовала его присутствие и млела. Брат и командир личной охраны изменились в лице, подтянулись, склоняясь перед королём. Я медленно обернулась и с почтением поклонилась, как того требовал этикет.

— У всех языки отнялись? — сердито спросил король.

Он не в духе? Что случилось? Неужели вчерашнее нападение принесло страшные последствия? Или это из-за сорванного праздника? Я с беспокойством подняла глаза на Тантриона, отмечая, как напряжённо смотрит на меня Хани.

— Мой король, — начал Трибор, но я его перебила.

— Мне не дают закончить бой, чтобы стать вашим верным охранником.

Хани закатил глаза за спиной у короля. Гасар, кажется, скрипнул зубами, и только король молча сверлил меня изучающим взглядом.

— Ты считаешь, что достоин занять эту должность? — распевно уточнил он у меня.

Я улыбнулась, а Тантрион вздрогнул, чуть отшатнувшись.

Я улыбаться перестала, а Хани выпучил глаза, явно хотел дать мне затрещину. Ой, я, кажется, сделала что-то не так. Но храбрым море по колено. Я не собиралась отступать, да и не привыкла я к этому.

— Да, я достой... — запнувшись, чтобы прокашляться. Надо отвыкать, что я девушка, и следить за словами. Чуть не выкрикнула достойна! Вот бы был провал по всем статьям! — Я достоин! И я стану вашим личным охранником! — повторила, выпятив грудь вперёд, как это делали воины перед своим командиром.

Тантрион замер на секунду, потом ожил, усмехаясь.

— Я слышал о доблести северных соседей, и ваши воины не раз спасали мне жизнь. Я не вижу причин для отказа, — перевёл он взгляд на Гасара.

Я самодовольно усмехнулась на манер короля, обернулась к побледневшему командиру личной охраны. Трибор в это время переглядывался с Хани. У них были особые знаки, которыми они общались, и сейчас шёл один из таких разговоров. Мне, к моему глубочайшему сожалению, так и не удалось подобрать шифр ко всем их знакам, но кое-что я стала понимать.

Трибор беспокоился о брате, спрашивал как он. Ответов Хани я не видела, но, кажется, старший брат успокоился, переключая внимание на окружающих. Тантрион прошёл к судьям и, взяв из рук Трибора таблицу соревнований, с удивлением бросил на меня косой взгляд. Ну да, я крутая, особенно сегодня расстаралась, но я самого главного не успела показать.

— Хорошо, — произнёс он, отдавая листок брату, — в этом году у меня будут два охранника, одного явно мало. Объявляю смотрины законченными. Зрамин и Мэнатель набрали одинаковое количество баллов.

Я, радостно улыбаясь, подскочила к Хани, который предупреждающе выставил руки вперёд.

— У меня получилось! — тихо шептала, а Хани, чуть кашляя, кивал мне, а затем строго отозвался:

— Наш владыка очень мудр и справедлив. Я предупреждал тебя об этом, Зрамин.

— Вы знакомы? — удивился Трибор, подойдя к нам.

— Да, встретил в лавке мастера Брентиэля.

— Брентиэля? — переспросил Трибор, оглядывая меня с интересом. — Луки нашего мастера самые лучшие в Златолесье, — уважительно добавил он.

Я кивнула, краем глаза не забывая следить за моим королём. Он разговаривал с Гасаром, который явно пытался оспорить решение владыки. Ай, как неосмотрительно! Тантрион не любит упрёков в свой адрес. Я готова была в предвкушении потирать руки. Ой, что сейчас будет.

— Кхе-кхе, Зрамин, — окликнул меня Хани. Но я остановила его рукой, требуя тишины. Вот оно! Тантрион заговорил, о, улада моих ушей и нервов.

— Вы, видимо, забыли, что я ваш владыка, а не сын, которого следует поправлять.

Да, да, так его, так! О, это было нечто! Аж слезы навернулись. Вот та смесь возмущения, чуть перчинки властности и мягкий укор, заставляющий одуматься. Так разговаривать умел только он, мой король!

— Зрамин, с тобой всё хорошо? — вернул меня из мира грёз голос Трибора.

— Тс, конечно да, — грубо отозвалась я, забываясь. Но во время спохватилась и исправилась. — Просто не мог отказать себе в удовольствии потешить самолюбие. Приношу свои глубочайшие извинения, что пренебрегал вашим вниманием. Но теперь я весь ваш. Вы что-то хотели спросить?

Хани прикрыл ладонью рот, сотрясая плечами, затем отвернулся, чтобы не ржать в голос. А рот Трибора неприлично открылся, сам он разом позабыл, что, собственно, хотел спросить. Ну да, я была крайне учтива и мила. Ой, это я зря, наверное, так улыбалась. Ах, как же избавиться от этой жеманной привычки всем строить глазки. А всё матушка!

— Зрамин, пойдём со мной, я провожу тебя в канцелярию, — постанывая, позвал меня Хани.

Тантрион

Жизнь размером в вечность накладывала особенный налёт безразличия на характер. Тантрион знал, как выглядел для многих: величественный, мудрый, холодный и отчуждённый. И только одна из подданных никогда не считала его таковым — маленькая Хэни. Маленькая Фэйари покоряла своей искренностью, живостью и любви к жизни. Владыка знал о том, что полюбив раз, Хэни никогда не разлюбит, никогда не предаст и никогда не отступит. Ему было лестно такое внимание маленькой эльфийки. Он оживал рядом с ней. Она, как прекрасная птица, порхала вокруг него, и он трепетно относился ко всем её обещаниям, ведь настанет время, и они сбудутся. Фэйари всегда славились своим уникальным даром. И Тантрион не собирался отказываться от малышки. Она, в отличие от своей матери, была сильнее её и пользовалась своим только проснувшимся даром. Именно он первый понял, что попал в сети чарующего голоса Фэйари, весёлого блеска её глубоких серых глаз. Он полюбил девчущку и прятал ото всех свои чувства. Он затаился и считал дни до того момента, когда сможет объявить её своей невестой, а затем и женой. Но нужно было ждать, наблюдать со стороны, чтобы никто не догадался, чтобы даже тени мысли ни у кого не возникло. В противном случае Хэни могла угодить в ловушку. Её дар был крайне редким.

Фэйари исконные жители Ислардии, ещё до прихода эльфов. Внешне они не отличались от иномирцев: те же заострённые уши, те же ловкость и скорость, та же стихийная магия. Только у рыжих были и другие способности: дар внушения и подчинения. Иномирцы завоевали этот мир, стирая старые хроники, переписывая историю заново. Тантрион помнил те времена, помнил и стыдился. Фэйари как раса исчезли, а с ними и благосклонность мира к пришлым. На эльфов обрушились страшные катаклизмы: землетрясения, ураганы, засуха. И только мольбы последней королевы Фэйари спасли эльфов.

Летний праздник был в самом разгаре. Тантрион по традиции пустил венок с зажжённой свечой в реку под радостные крики горожан. Своеобразный дар матери-природе за её благосклонность. Много воды утекло с той поры, когда иномирцы раскололись. Одни устали от войны и хотели мира. Они пытались искупить свою вину перед Фэйари, когда поняли что натворили. Но были и другие, которые стали поклоняться тёмной богине, Паучихе, которая отравила своим ядом их кровь. Так появились тёмные эльфы. Так появилась извечная вражда между братьями. Уже никто и не помнил о тех, кому принадлежал этот мир до прихода эльфов. Фэйари не вымерли, они растворились в пришлых, смешали свою кровь с ними и выжили.

Совесть бывает разной. Иногда она спит беспробудным сном, а иногда грызёт дни и ночи напролёт. Так, как это было у Тантриона. Он помнил всё, он хранил свои воспоминания, предавая их своему единственному наследнику — Ириадилу, который вечно спорил с отцом, желая узнать мир на своём опыте, а не переняв его от отца.

Вернувшись во дворец, Тантрион искал свою названную, которой почему-то не было ни у реки, ни среди её родственников. Забеспокоившись не на шутку, он подозвал к себе советника.

— Все ли пришли на праздник? Мне кажется, я не вижу одного, самого главного моего гостя, — тихо шепнул владыка Арганону.

Яркие цвета праздничных одеяний смешались в кружащий калейдоскоп. Благородные девы пытались привлечь к себе внимание Тантриона: то слишком низким поклоном, то откровенной улыбкой, то многообещающим взглядом. Но владыка искал среди них ту, что не красилась так ярко, ту, чьи волосы были самым дорогим и изысканным украшением.

— О ком вы спрашиваете? — не понял намёка советник, в беспокойстве оглядывая зал и сверяясь с листком почётных гостей.

В зале были и гномы из торговой гильдии, и магистры магии из королевской академии, даже второй командир границ из Ледяных пределов. Арганон проверил и перепроверил уже этот список, сверяясь, все ли сидят на своих местах, и всем ли гости довольны.

— Ты не понял меня, советник, — Тантрион решил, что не стоит ходить вокруг да около. Арганон и так очень ответственно относился к своим обязанностям, но при этом нервничал, хотя никто этого не замечал. — Где твоя дочь?

Арганон оторвал взгляд от листка и обратил свой взор к своим домочадцам. Тантрион видел искреннее удивление на его лице.

— Сейчас узнаю, — произнёс советник и покинул владыку.

Тот не стал ждать, пора было открывать бал. Он взошёл на свой трон, взял в руку жезл и громко ударил им три раза. Музыканты взяли первые аккорды и на танцевальную площадку стали выходить пары. Раньше бал Тантрион открывал первым танцем со своей возлюбленной супругой. Злая судьба забрала её у Древнего, но подарила Хэни. И сейчас он мечтал увидеть её, окунуться в добрый, влюблённый взгляд, поймать её озорную улыбку.

Советник вернулся с плохой новостью. Хэнтариэль отказалась от визита во дворец. Родители о бунте не знали, а братья решили, что сестра передумает.

— Приношу свои глубочайшие извинения, я не знал, что Хэни отказалась от поездки. Моя вина, что не проверил. Не ожидал, она ведь платье заказала, — сокрушался Арганон, чувствуя неловкость.

— Узнай у своей супруги, почему дочь решила проигнорировать моё приглашение, — приказал Тантрион.

Настроение его упало. Взбалмошная малышка Хэни становилась строптивницей. Это и хорошо, но Тантриону нужно было её увидеть. Тревога поселилась в сердце, стоило ему не найти сегодня на улице среди праздного народа её яркой макушки. словно солнце ушло за тучи, а холодный ветер поднялся, забирая тепло.

Гана приблизилась, склоняясь перед владыкой в поклоне. Тот подозвал её рукой.

— Почему не проследили за дочерью? — строго спросил он у жены советника.

Та робко подняла глаза и тут же их опустила.

— Простите, ваше величество, так вышло, что...

— Что? — холодно перебил её владыка.

— Мы не хотели вас оскорбить пренебрежением, — слова были полны смирения, да только его ни в голосе, ни во взгляде Фэйари не наблюдалось.

Владыка знал, что Ганатриэль не была в восторге от выбора своей дочери.

— Надеетесь, что она меня разлюбит? — с нескрываемой насмешкой уточнил он у рыжеволосой.

— Да, надеюсь, — честно ответила та.

— Зря, она будет моей, — это был приговор, это было обещание, это была неизбежность.

— Она дитя. Вы для неё стары! — гневно шепнула Ганатриэль, забывая на миг, что

перед ней Древний.

— Любви все возрасты покорны. И не вам выбирать судьбу своей дочери. Она в её руках.

— Она ещё мала для такого выбора.

— Она Фэйари, — холодно осадил Гану Тантрион.

Жена советника поклонилась и, не спросив разрешения, ретировалась к мужу, но владыка ещё не закончил разговор и подозвал к себе Арганона. В зале музыка плавно перетекала из одной композиции в другую. Пары так же менялись, как и ритм танцев. Гномы пытались найти хоть что-нибудь съестного, подавальщицы не успевали приносить им деликатесы. Маги обсуждали свои вопросы, изредка поглядывая на владыку. А Тантрион ожидал, когда советник займёт своё место позади правого плеча владыки.

— Арганон, передай своей супруге, что её возраст мало бы интересовал, влюбись она в тебя старого, как и ты в любом возрасте был бы обречён в неё влюбиться. Такова сила Фэйари.

Советник сначала не понял сути поручения, но затем удивление его переполнило. Владыка махнул ему рукой, отгоняя в сторону сердитой Ганы.

— Обречён влюбиться?

— Да, разве она тебе не сказала в чем её сила? — жалищая насмешка возродила в душе Ясила огненный смерч. Арганон шёл к своей жене и не верил в её коварство. Он столько лет доверял ей, возносил на пьедестал, называя своей богиней. А она его приворожила?!

Тантрион проводил взглядом советника, нисколько его не жалея. Арганону давно было пора узнать о своей жене правду, ведь их дочь сильнее и могущественнее матери. А это значит, что и беречь её надо лучше, чем Гану. Где сейчас Хэни? С кем и в безопасности ли? Ведь девчонка так любила искать приключения! Один её поход за лягушками в разгар нападения гномов чего стоил. Как она и её друг не угодили на поле сражения, никто не знал. Но Судьба берегла свою избранницу. Вот только насколько хватит маленькой Фэйари этого везения?

Звуки горна ворвались в ритм праздничного танца. Братья Ясил покинули зал, спеша к воротам. Гости всполошились, Тантриону пришлось успокаивать их, развлекая беседой. Но как только пришли первые донесения, что тёмные собрали большое войско, гномы покинули праздник. Усмехнувшись, владыка решил проводить их до северных ворот. Отчёты о битве поступали ежеминутно, и Тантрион не видел причин для беспокойства, пока не услышал о Хэни, которая была среди стражей.

Он спешил к воротам, не замечая обеспокоенных взглядов благородных, которых он оставил веселиться. Применять силу он не любил, после этого приходило опустошение, а резерв восстанавливался долго. Мир продолжал быть чужим и делиться своей энергией не желал. Зато крошка Хэни проблем с восстановлением никогда не испытывала, как уверял наставник Огневель. Кровь Фэйари сама были источником силы.

Вид воинственной Ясил, стоящей возле своего брата, был самым прекрасным, что Тантрион видел сегодня. Ни одна аристократка на балу, в самом изысканном платье и с безупречной прической, не могла затмить Хэни. Пусть и была девчонка в брюках и тунике. Пусть её волосы заплетены в простенькую косу, но серые глаза и шальная улыбка красили Фэйари, делая её милее всех на свете. Тантрион с облегчением прикрыл глаза, отмечая, что его крошка не ранена. Но вид нападающих на неё темнолицых выводил из себя. Свой гнев и раздражение владыка выплеснул с магией, обрушив тоннели, по которым враг добрался до

стен столицы.

Он проводил её и братьев взглядом, отмечая, что Хани опять слишком нежно смотрит на свою сестрёнку. Ревность давно глодала сердце Тантриона. Он хоть и знал, что Хэни любит его, но она была молодая и прекрасная, а он трёхтысячелетний Древний, который видел столькие жизни, столькие лица. Но всё проходит, зимы сменяют осень. Те, кто клялся в верности, предавали, или же уходили за грань. Извечно оставался лишь он и его одиночество. Тантрион сам понимал и без нотаций будущей тёщи, Ганатриэль, что Хэни для него слишком молода. Его сын Ириадил больше подходил на роль мужа для юной Фэйари. Но владыка не стал скрывать от своего сына уникальность Хэни, с гордостью заверяя, что рыжеволосая малышка никогда не откажется от своих слов.

Поэтому и ужасно прозвучало для владыки известие, что девчонка сбежала из дома. Что с ней произошло? Неужели её допекли чужие придирки? Она же так ранима! Закончив с советником, владыка направился на смотрины, чтобы хоть как-то себя развлечь. На плацу собралось очень много зевак. Все с оживлением обсуждали претендентов, в особенности зрителям импонировали северные соседи из Ледяных пределов. Тантрион краем уха слушал тихий шёпот, полный восторга, а сам следил за тем, как претенденты сходились друг с другом, ловко орудуя мечами.

Самым хитрым оказался юнец, который сдерживал силу, кружил вокруг своего сородича. Но от увлекательного зрелища его отвлёк брат рыжеволосой красавицы, Хани, который должен был искать сестру. Почему младший Ясил вместо этого был здесь и с нескрываемым интересом следил за поединком. А как же его любимая Хэни? Как же она?

С трудом подавив раздражение, владыка поманил пальцем помощника и приказал ему передать заместителю начальника стражи приказ подойти к нему. В тот момент, когда младший Ясил склонился перед ним, над плацем поднялся возглас удивления. Юнец победил собрата, применив запрещённый приём, но, как оказалось, противник сам подставился, и юнец случайно его ранил в бедро.

— Господин Ясил, вы, как я понимаю, нашли свою сестру, раз позволяете себе праздное любопытство здесь, на смотринах?

— Да, ваше величество, — низко склонил голову Ясил перед владыкой, испытывая чувство неловкости. Только Хэни не стеснялась Тантриона, только ей было позволено смотреть в ясные очи властелина, — я нашёл свою сестру.

— Вы вернули её домой? — поинтересовался Древний.

Хани сокрушённо покачал головой.

— Нет, ваше величество, она отказалась вернуться.

— Отказалась?! — изумился Тантрион.

— Да, но могу вас заверить, ваше величество, она в безопасности.

Хани еле сдерживался от лукавой улыбки. Тантрион её заметил, и раздражение, что опять этот юнец знает намного больше о его Хэни, чем он, взяло над ним верх. Но ничего сказать не успел, так как услышал молодой возмущённый и чуть насмешливый голос. Хани обернулся к плацу, где закончились соревнования. Молодой северянин требовал соблюдения правил, и владыка решил вмешаться, чтобы не сорваться на того, кого Хэни крепко любила.

Мысли о рыжей своевольнице не давали здраво рассуждать, она мерещилась ему везде и всюду. Именно в этом Тантрион нашёл объяснение своей странной реакции на улыбку юного северянина. Словно Хэни ему улыбнулась, это была до боли знакомая улыбка. Но перед ним была не она, а дерзкий незнакомый юнец, который посмел объявить себя личным

охранником самого владыки. Тантрион усмехнулся, решая, что некоторым следует преподавать урок, чтобы не зазнавались.

А всё Хэни, а всё эта своенравная зазноба, которая даже не представляла, как переживал из-за её глупого поступка владыка. Прочитав имя юноши, Тантрион в шоке перевел взгляд на Зрамина. Только утром он вспоминал этого давешнего знакомого Хэни, только этим утром, и он тут как тут. Тантрион не верил в совпадения. Юнец был не так прост, как оказалось, он был очень искусен, дерзок и от него веяло силой. Владыка перевёл взор на братьев Ясил, которые обступили Зрамина, и плохое предчувствие кольнуло сердце Тантриона. Не из-за этого ли юнца сбежала Хэни? Неужели он ошибся в ней? Неужели она не Фэйари, а простая рыжая вертихвостка?

— Ваше величество, вам не кажется, что вы зря взяли этого северянина в охранники. Он слишком молод и горяч. Он...

— Вы, видимо, забыли, что я ваш владыка, — раздражённо осадил Тантрион Хриантэля, который порой был назойлив в своём стремлении оберегать владыку, — а не сын, которого следует поправлять.

Взгляд хозяина Златолесья был прикован к удаляющейся парочке. Хани уводил Зрамина, и было в этом что-то неправильное. Тантрион сощурил глаза. Такую картину он видел и не раз. И рука Зрамина на талии Ясила, которую тот не одёрнул, и ласковый взгляд Ханинеля. Мир сошёл с ума? С самого утра день не задался! Почему вместо того чтобы уговаривать свою сестричку вернуться домой, Ясил по-дружески беседовал и помогал Зрамину? Почему это предательство так ранило самого владыку? Он же верил, что брат никогда не бросит сестру, но проверку на прочность семейные узы не прошли? Тантрион не верил в то, о чём думал. Он гнал от себя сомнения. Направляясь во дворец, слушая шаги охранников за спиной, тихий восторженный шёпот толпы, злился, раздражённо кивая тем, кто приветствовал своего владыку. Но никому из них и дела не было, что младшая Ясил пропала. НИКОМУ!

Пройдя процедуру оформления меня на должность личного охранника владыки, я попрощалась с Хани, у которого были свои дела. Мне же предстоял переезд во дворец. Я счастливо улыбалась, чуть ли не летая на крыльях. Хотелось обнять весь мир, наверное, поэтому я слышала беспокойный шёпот ветра. Он звал меня, и я не могла проигнорировать его, только не свою стихию. Я вышла за ворота города, прислушиваясь к шелесту листьев. Ветер звал к границе, в глубь леса. Я поспешила, так как на переезд мне дали всего пару часов. Потом будет построение и ознакомительная часть.

Я спешила, не понимая, что могло так взволновать воздушную стихию. А оказавшись за третьим кордоном, изумлённо остановилась, приглядываясь с ветки к распростёртому телу на земле. Высокая трава скрывала от постороннего взгляда тёмного эльфа. Того самого, я не могла ошибиться. Значит, не сумел добраться до границы. Лес высосал из него силу.

Я прислушивалась к ветру, который призывал помочь.

— Он мёртв, ему уже не нужна моя помощь, — шёпотом ответила и скривилась, когда внизу закашлялись. — Тс, — раздражённо цокнула языком.

— Юнец? — сипло позвал тёмный эльф.

— Что ж ты не умрёшь-то никак? — недовольно буркнула, спрыгивая рядом с уже

безвредным телом. Эльф долго не протянет, магический резерв полностью опустошён, рана так и не затянулась, кровь орошала зелень травы.

— Меня подводят глаза? — каркая смехом, спросил у меня тёмный, слабо протягивая руку к моему лицу. — Волосы не рыжие.

— Не рыжие, — согласилась я с ним. — Ну и что мне с тобой делать?

— Убей, — с улыбкой на потрескавшихся губах предложил раненый.

— Слушай, а ты чего со своими не ушёл? Чего тебе дома не сидится? — ругала я его. Глядя на него понимала, что не убивать, а добивать придётся. Но был и другой вариант — вылечить.

— Предателей нигде не жалуют, дезертиров тем более, и нет у меня дома, — усмехнулся тёмный. — У рабов дома быть не может.

Я слушала его и не понимала: он так шутит, или горячка началась, и он бредил. Приложив ладонь к его лбу, вздрогнула. Тёмный горел! У него был жар.

— Слушай, я не могу тебя бросить, понимаешь? — жалобно спросила.

Ветер требовал ему помочь, а значит, я должна была это сделать. Но он тёмный! Он враг.

— Вы, светлые, всегда были сердобольными. Я не забываю добра, юнец. И ты не первый светлый, с которым я общаюсь. Наверное, заразился от вас, раз решился сбежать. Решился жить свободным.

— Ты хочешь быть свободным? Но в твоей крови паучий яд! — попыталась докричаться до него. У эльфа глаза начали закрываться.

— Яд убивает нас, но никто этого не понимает. Мы умираем. Все мы умрём, — шептал тёмный, и я решилась. Будь что будет, но ветер уже дёргал за волосы, требуя немедленно действовать.

Положив руки на грудь тёмного, распевно произнесла заклинание исцеления. Нужно было не только восстановить силы эльфа, но и очистить его кровь от яда. Свет под моими ладонями разрастался, постепенно окутывая его тело. Я смотрела в лицо врага и не чувствовала к нему ни ненависти, ни жалости. Если он говорил правду, то следует его спасти от рабства. Я слышала, что у тёмных матриархат и мужчины беспрекословно выполняют любой приказ женщин и те намного сильнее мужчин магически.

— Живи. Ты обязан жить и исправлять свои злодеяния, — шептала я, чувствуя, как сила из меня перетекает в тёмного.

В глазах заплескали красные всполохи, пора было прекращать. Отстранившись, с трудом встала на ноги, чувствуя головокружение. Кажется, перестаралась с лечением. Прислушиваясь к звукам леса, направилась в сторону родника, который звонко звал меня к себе своей песней. Упав перед ним на колени, сперва умылась, затем попила, и только после того как в глазах прояснилось, наполнила фляжку и вернулась к тёмному. Напоить его оказалось делом не из лёгких. Но я справилась, придерживая рукой голову, следила, чтобы не захлебнулся.

— Слушай, мне в город надо вернуться, — разговаривать с бессознательным тёмным оказалось намного легче, чем слушать его каркающий смех. — Воду тебе оставляю.

Вложила фляжку в руки эльфа, сложив их на груди. Солнце уже клонилось к закату. Звери к нему не подойдут, отравленная кровь отпугнёт. Рана затянулась. Я проверяла, когда укладывала тёмного на чистую траву. Немного магии и вокруг него образовался кокон из травы. Больше желания помогать врагу у меня не было, ветер тоже успокоился, и поэтому я

побежала обратно к воротам. Мне нельзя было опаздывать, а я именно это сейчас и делала. Два часа провозилась с раненым, два часа. Заскочив на постоянный двор, прихватила вещи и припрятала семейное оружие, которое я, конечно же, не оставила дома, но и светиться им не могла, пока не могла.

Сколько будет длиться этот маскарад, я не знала. Бросив сумки под ивой, я успела встать на плацу рядом с северными соседями. Я улыбнулась им по-дружески, отмечая, что Лесновель выглядит уже не таким бледным. Протянула руку, чтобы залечить рану. А то точно месяц не сможет бегать. А так хоть перестанет злиться. Но все мои расчёты разбились о гневный взгляд, не успела я закончить начатое. Магия рассыпалась зелёными искрами.

— Не лезь ко мне, — больно ударив по руке, зашептал он. — Я не куплюсь на твои улыбочки. Я понял, что ты не перед чем не остановишься. Для тебя нет понятия честного поединка.

Я усмехнулась, почему-то я так и представляла своё первое знакомство с сослуживцами.

— Я сильнее тебя, прими это и успокойся, — легкомысленно отмахнулась от шипения широколицего. Подумаешь, меч в бедро воткнулся, с кем не бывает.

На построение пришёл заместитель командира личной охраны короля — Ратиэль. Я слышала от брата, что он давно мог бы занять должность и выше, но его преданность Гасаритону не знала границ. Он объяснил нам, новобранцам, коих было аж десять штук, распорядок дня. Утром — тренировка, после обеда — тренировка и на ночь тоже тренировка. Нас будут обучать первую неделю распознавать опасность. Я и Мэнатель, как личные охранники короля, будем обучаться техники теней. Хотя и я, и он были знакомы с этой техникой. Прадед Ясил был основателем этой техники, поэтому я знала даже то, чему не обучают обычных эльфов, даже если они попали в отряд личной охраны.

С сегодняшнего дня моя жизнь стала более насыщенной, чем прежде. После команды «вольно» я сбегала за своими вещами и в сопровождении капитана Элматора, который был комендантом крыла личной охраны, пошла ко дворцу. Вся охрана располагалась в его левом крыле. Максимально близко к покоям владыки. Мы с Мэнателем должны были каждый вечер проверять спальню Тантриона, чтобы его сон ничто не могло потревожить. Я с трепетом входила в святая святых. Уровень охраны впечатлял. Три двери, три пары охранников. На самом деле личных охранников у моего любимого было тринадцать. Ночные, дневные и постоянные. Чтобы они не уставали, смены длились по шесть часов. Сегодня нам только показывали, на что следует обращать внимание при осмотре спальни и кабинета властелина, какие типы должны быть для нас подозрительными. Я проверила окна, отмечая уровень защитных чар, наложенных как на стены, так и на сами ставни. Комар лесной не залетит, не говоря уж об убийцах. Мэнатель вышел, а я, оставшись одна, покружилась и упала на кровать моего возлюбленного, затем обняла подушку, вдыхая еле слышный аромат трав. Наконец-то я увидела, на чём спит мой король. Поцеловав подушку, встала. Поправляя покрывало, любовно провела рукой по подушке, затем заглянула под кровать, устанавливая охранное заклинание.

Я провела много времени в спальне — меня Элматор потерял. Я же с улыбкой на губах, объяснила, что проверяла все углы, но промолчала, что ещё и подушку, и матрасик. А матрас очень упругий, и спать на нём одно удовольствие, а с владыкой ещё большее удовольствие, а любовью заниматься и того запредельное удовольствие. Эх, мечты, мечты, когда ж вы сбудетесь?

Нас с Мэнателем проводили до наших комнат, выдали каждому свой ключ. Элматор

объяснил, что ключ открывает не только двери наших спален, но и другие двери во дворце, но не все и не всегда. А жаль, мне бы ключ от спальни властелина пригодился. Но именно туда вход был строго ограничен, и в одиночку заходить в покои нашего властелина нельзя, только в компании с Элматором, так как за проверки спальни и кабинета отвечал он.

Распаковав вещи, спрятала семейное оружие, выставив напоказ новое. Спустилась в столовую на ужин, поздоровалась со всеми, присаживаясь рядом с Мэнателем.

— Ты бы не был бы таким радостным, — посоветовал он мне, кивая головой на хмурых северян, которые сидели особняком. — То, как ты с ними обошёлся, не прощают.

— Я предупредил их не вставать у меня на пути, и что эта должность моя, — пожала я плечами, не понимая, за что на меня злятся ученики старого мастера. Сам мастер Каятон был крайне добродушен и, в отличие от своих учеников, поздоровался со мной.

— А если бы я выиграл у тебя? — чуть насмешливо спросил Мэнатель.

— У тебя левая рука слабее правой, — дала понять ему, что не смог бы он выиграть. Я изучила его слабые места. — А ещё ты слишком близко подпускаешь к себе врага. И меч тебе не подходит. Лучше сходил бы к мастеру...

— Я не нуждаюсь в твоих советах. Ты тоже слишком медлителен, и долго думаешь перед выпадами, больше защищаешься.

Я не удержалась и расплылась в снисходительной улыбке. Да кто-то злится на меня.

— Я уверен, что ты достойный противник, и твой учитель может тобой гордиться. Не обижайся, но меч тебе не подходит. Он не твой, хоть и дорог тебе.

Мэнатель смерил меня гневным испепеляющим взглядом, затем отвернулся и уже спокойнее, даже примирительно, произнёс:

— Ешь давай, скоро тренировка.

Тренировка так тренировка. Я была прилежной ученицей всегда, и этот раз не стал исключением. Мастер Гасаритон старался меня загнать. Но у него не получилось. Все его попытки подловить меня, заставить ошибиться были безуспешными, и к концу тренировки он сам сдался, похвалив. Я поблагодарила его за тренировку, поклонилась, как полагалось, и помчалась спать.

Трибориндил, брат Хэни

Задумчивый взгляд серых глаз проводил невысокую фигуру Зрамина. Трибор не мог избавиться от ощущения узнавания. словно этого юнца он где-то видел, общался ранее. Порой он точно знал, какая мимика появится на незнакомом лице. Ясил задумчиво прижал костяшку указательного пальца к губам, пытаюсь вспомнить, где он мог встречать Зрамина.

— Брат, ты чем-то обеспокоен? — голос Хани выдернул Трибора из раздумий.

— Твой знакомый, я, кажется, раньше его видел, но не могу вспомнить, где и когда мы с ним встречались.

Брат рассмеялся, оглядывая коридор дворца в поисках Хэни.

— А куда он пошёл? — спросил Хани брата.

Тот указал рукой направление.

— Благодарю, брат. И да, ты с ним знаком.

Подмигнув, Хани поспешил догнать сестрёнку, которая сама не замечала, что выдала себя с головой своим поведением. Подразнить старшего брата Хани любил и не отказывал

себе в этом удовольствии.

Где поселили сестрёнку, он не знал, но шёл, полагаясь на интуицию. Столкнувшись с ней возле лестницы, Ханинелю пришлось сдержаться от порыва её обнять, так как они были не одни. Образ, выбранный Хэни, ей до ужаса не подходил. Северяне отличались суровым выражением лица, а Хэни постоянно улыбалась. Она светила радостью, что у неё всё получилось.

Шепнув ей нежные слова, он поспешил домой, чтобы отчитаться перед родителями, которые так же, как и он, переживали за свою дочь.

Трибор недоумевал, стоя за колонной, он следил за, казалось бы, дружеским общением, но откровенные взгляды, нежность в голосе сбивали с толку.

Старший Ясил прижался лбом к прохладному мрамору. Все тревоги тяжелого дня были для него разом забыты. Куда сложнее было принять странное поведение родного брата. Не хотелось верить, что Хани испытывал запрещённые чувства к юнцу, который даже не вошёл в пору своей мужественности. Неужели вновь влюбился? Или это и есть его тайная любовь, о которой он страдал несколько десятков лет? А на лице брата была неприкрытая любовь. Ведь так ласков Ханинэль был лишь с Хэни.

— Хэни?! — изумлённо шепнул Трибориндил.

Вновь рассматривая юношу в зелёной куртке, который так дерзко вёл себя на плацу во время соревнований. Осанка, положение головы, его улыбка — всё было знакомо. А чего стоила одна улыбочка, подаренная лично ему, Трибору. Ну как он мог не узнать! Но сомнения оставались. Дождавшись, пока Ханинэль удалится, Трибор направился выяснять отношения.

Тантрион

Оба Ясила не заметили ещё одного заинтересованного взгляда. Тантрион стоял в тени балкона, наблюдая за совершенно необъяснимым поведением братьев. Один общался с северянином, лучась улыбкой, второй хмуро подглядывал, словно ревнивый муж за изменницей женой. Что, вообще, происходило в семье Ясил? Владыке хотелось прояснить ситуацию. У них дочь сбежала и домой возвращаться не собиралась! Младший сын оказывает знаки внимания другу детства Хэни, к которому сам владыка успел её приревновать, но оказывается и старший сын советника тоже равнодушен к Зрамину? Или же они принимают юнца за будущего мужа Хэни? Поэтому так к нему равнодушны?

— Мир сошёл с ума! — тихо шепнул он, поглядывая на своих охранников, которые не могли видеть, что именно привлекло внимание владыки, почему он остановился, притаившись, зорко вглядываясь вниз.

Ясилы спустились вниз по лестнице, сначала младший, за ним поспешил старший, а Зрамин вошёл в коридор, который вёл в крыло охраны. Решив подумать над тем, чему он стал свидетелем, владыка направился в свои покои. Всё с этим северянином было странно. Мастер Каятон хоть и назвал его своим учеником, но отношение самого Зрамина показывало истинное положение дел. Не были они знакомы до прибытия во дворец, но мастерство юнца не могло не прельстить мастера признать его своим учеником. Многие не чужаются присваивать себе чужие достижения.

Войдя в спальню, Тантрион дождался прихода слуги, который помог ему раздеться, готовя ко сну. Выпив вина, владыка постоял на балконе, пытаясь узнать у мира, где же

рыжая Ясил. Его взгляд упал на балкон, где юный северянин, разминая спину, потягивался, сцепив руки в замок и поворачиваясь из стороны в сторону. Он тоже заметил владыку и, улыбнувшись, помахал рукой. Затем, испуганно ойкнув, сбежал в комнату. Тантрион, держа в руках бокал, пытался найти объяснение. Одно простое объяснение — почему с появлением этого Зрамина весь мир перевернулся с ног на голову. Почему все мысли владыки теперь занимал он, этот юнец и тайны, связанные с ним. Столько разных почему и всего одна причина!

Играя вином, Тантрион смотрел на пустой балкон, где ещё недавно был северянин. Раздражённо выдохнув, Древний провёл рукой по белоснежным волосам. Ему нужно было узнать где Хэни, а не заниматься личным охранником, которого он взял, сам не зная почему. Необъяснимый порыв, желание хоть на ком-то сорваться. Это было так несвойственно владыке, но ему вдруг захотелось посмотреть на провал северянина. Глупое желание, свойственное тёмным, но не как не светлому владыке.

— Завтра надо отправить его домой. Так спокойнее, — тихо шепнул себе король и выпил вино залпом.

Хотя он знал, что спокойного сна ему не предвидится, поэтому и вино, чтобы хоть немного расслабиться.

Утро! Как же я люблю утро! Когда первые лучи солнца окрашивают небосклон малиновой акварелью, когда птицы стряхивают со своих пёрышек росу. Я, пританцовывая, пела и прибиралась, готовясь к утренней тренировке. Заправила кровать, приняла душ и была бодра и полна сил. Нарядившись в очередную зелёную замшевую куртку северян, встала у зеркала, гордо выпятив грудь и подмигивая себе, красавцу. Нет, определённо, я красавчик! Даже краситься не надо, ну очень выразительные глаза, а брови, пусть и густоваты, но точёные, ровные. Эх, была бы я так же прекрасна девицей! Не надо никаких масок по утрам, чтобы кожа блестела. Дунула, пытаюсь убрать со лба непослушные локоны. Но они упорно не хотели убираться. Пришлось сходить и намочить их, чтобы уложить, а то портят весь мой мужественный вид. Косицы у виска не захватывали их и заколкой не зацепить, не поймут. Вернувшись к зеркалу возле шкафа, осталась собой довольна.

Немного полюбовавшись на своё отражение, вышла на балкон, напевая любимый мотивчик. Облокотилась о перила, поглядывая на балкон владыки. Как вчера глупо получилось. Я не смогла сдержаться, по привычке махнула рукой. Надеюсь, он ничего не заподозрил, а то ведь отправят меня домой, а мне так хотелось с ним побыть подольше. Я витала в своих мечтах, поглядывая наверх, туда, где был балкон, и расстояние-то до него небольшое. Огляделась, кажется, никого нет ни на улице, ни на соседних балконах. Только я так рано встала. Закусив губу, прислушалась к своим мыслям. Очень хотелось взглянуть на него, хоть одним глазком. Это ведь так соблазнительно — узреть своего короля, обнажённого, на золотых простынях.

— М-м-м, — замычала я и чуть не затопала ногами. Нет, нет. Так нельзя. А вдруг он проснётся! А вдруг он не один! Эта мысль пронзила меня, пришили к месту. Точно! А вдруг он не один!

Больше не сомневаясь, я легко забралась на перила, раскачавшись, прыгнула вверх, цепляясь за карнизы, перескакивая, добралась до вожделенного балкона. Прежде чем запрыгнуть, прислушалась. Тишина! Вскарабкалась на перила, прошла по ним, осторожно заглядывая в открытую дверь. Как неосмотрительно со стороны любимого, а вдруг воры! Я вспомнила, что я личный охранник короля и уже смелее направилась к развивающимся шторам. Оправдание у меня есть, если вдруг он не спит. Любопытство распирало! Я бесшумно проникла в спальню владыки и еле удержалась от вздоха. Как он прекрасен с растрёпанными ото сна волосами, разметавшимися по подушке. Сглотнула, встала на носочки и пробралась ближе. О, какие у него длинные реснички! А как светится белая кожа. Одеяло прикрывало голый торс. Я рассматривала крепкие мышцы бедра левой ноги, которая не была укутана. Я сжала руки в кулаки. Как же удержаться и не затронуть его, не прикоснуться к этой гладкой коже, к его соблазнительным губам. Хочется провести пальцем от переносицы до самого кончика носа, погладить брови.

А каковы его губы на вкус? Я слышала от подруг, то есть бывших подруг, что губы возлюбленного слаще мёда. Меня бросило в жар, когда я представила, как целую моего короля. Я прижала ладошки к пылающим щекам.

Как он безмятежно спит. Умаялся, бедненький, государственные дела — это не мечом махать. Даже морщинки пролегли между бровями.

— Ну и долго будешь ещё меня рассматривать? — чуть недовольный голос владыки застал меня врасплох. Я метнулась к балкону и взвизгнула, когда крепкая рука схватила меня за плечо и развернула. Король так стремительно сорвался с кровати, что я даже ничего не успела сделать!

— Ой, — выдохнула и зажмурилась. Он голый! Голый абсолютно! Совершенно не прикрытый ничем!

— Что за ой? — зашипел на меня владыка. — Что за манеры у тебя? Кто позволил тебе врывать в мою спальню? Ты что о себе возомнил?

Тантрион меня тряс за плечо, а я боялась открыть глаза. Взгляд даже сейчас был направлен вниз, туда, где у мужчин всё самое интересное. Я вчера себя в том месте детально рассмотрела, правда, не прикасалась. И теперь я могла увидеть это самое самого короля!

— Юнец, да что с тобой! Подними голову, а то пол закапаешь кровью! — рывкнул на меня Тантрион.

Я испуганно вздрогнула. Он никогда на меня не кричал! Вообще никогда! Это было неприятно и обидно. Холодные пальцы больно схватили меня за подбородок, заставляя запрокинуть лицо.

— Если болен, надо было сразу и сказать. Отправил бы тебя домой, — ворчливо отчитывал меня король.

— Нет, я здоров. Не надо меня домой, прошу, — взмолилась я и даже глаза открыла, жалобно глядя на любимого. Тут во дворце интереснее, чем дома!

Белый платок закрыл мне нос, а владыка внимательно, даже цепко рассматривал меня. Я замерла. Опять я сделала что-то не так! Ещё и кровь носом пошла. А Трибор меня не предупредил, чтобы не пялилась на короля. Но это того стоило, даже если отец выпорет. Я стояла так близко от короля! Он держал платок у моего носа. И он голый! О нет. Не надо было думать об этом! Закрыла глаза, чтобы опять не опозориться.

— Господин Зрамин, а вы знаете юную госпожу Ясил? — голос короля вновь стал певуч и ласков.

Я улыбнулась и кивнула головой, от чего чуть платок из рук короля не выбила.

— Вы встречались с ней? — зачем-то спросил меня Тантрион.

— Нет, — осторожно ответила. — С детства не видел, — уточнила на всякий случай.

Тантрион замолчал, я тоже. Мы смотрели друг другу в глаза, и для меня мир перестал существовать. Я смутилась от того, как громко билось моё сердце. Щёки опять заалели.

Мой король придвинулся ближе, и я потонула в голубом океане его глаз. Как же хочется узнать вкус его губ. Я сжимала кулаки всё сильнее, больно впинаясь ногтями. Слезы выступили на глазах. Я так давно мечтала быть с ним так близко, а можно ещё ближе. Совсем чуть-чуть. Я привстала на носочки. Платок сорвался вниз. Тантрион провёл пальцем по моим губам, я облизнулась, чуть задевая языком подушечку указательного пальца. Лазурь его глаз потемнела, как небо перед грозой. Меня тянуло к нему как магнитом. Я качнулась к нему, желая поцеловать. Прикоснулась пальчиками к холодной коже на его широкой крепкой груди.

Но Тантрион меня легко толкнул пальцем в лоб, улыбаясь.

— Даже не думай, — шепнул он. — Мои поцелуи предназначены лишь одной единственной.

Я отшатнулась, понимая, что чуть не сделала. Рванула прочь, легко сорвалась вниз с перил, под громкий окрик владыки. Позор! Что я натворила! А что я чуть не натворила!

Ворвавшись в свою комнату, зажала рот тыльной стороной ладони. Нет, прав Трибор, у меня ветер в голове. Заблудилась в волосах и пробрался через ухо в мозг! Я смотрела на балконный проём, боясь, что владыка войдёт. Стыдно было до ужаса. Обернувшись к зеркалу, ужаснулась алым щекам на мужском лице. Нет, я точно с головой не дружу. Ведь зареклась делать глупости! Я же чуть его в этом образе не поцеловала. О, богиня, что же он теперь обо мне думает!

А как он ответил мне? Его поцелуи принадлежат одной единственной! Интересно знать кому! Кто она?! Почему только ей! А я!

Я, как раненый зверь, металась по комнате, пока не схватила меч и лук со стрелами и рванула на тренировочную площадку. Ревность во мне клокотала. Единственной! Значит, даже поцелуев я недостойна. Кто успел завоевать его сердце?! Я прокручивала в голове всех вертихвосток, которые давно увиваются за моим королём. Моим! Он мой и точка! И поцелуи будут принадлежать мне. Найду, кто она и все волосы выдеру! Она станет страшной уродиной, и он разлюбит её. Я представила себе эту таинственную красотку и стреляла в неё, стреляла точно попадая в красный центр мишени, желая уничтожить! Он принадлежит мне! Он мой! Кто посмел отобрать его у меня?

Слёзы сорвались с ресниц, и я упала на колени, разрыдалась, крепко стиснув пальцы на луке. Почему не мне принадлежат его поцелуи? Зачем, вообще, я решилась на этот маскарад? Если бы была благоразумной, то оставалась бы в святом неведении, а теперь я готова была белугой реветь. Почему так больно?

— Эй, юнец, — позвал меня голос Тантриона.

Я быстро вскочила на ноги и вытерла рукавом слёзы. Оборачиваться не стала, так и стояла спиной к владыке, нервно сжимая лук.

— Ты не дослушал. Я знаю, что ты друг детства юной Ясил, она сбежала из дому, негодница, — ласково отругал меня король. — Так вот, — опять строго произнёс, — если вдруг встретишь её, передай, что я беспокоюсь о ней. Моё сердце беспокойно без её улыбки.

Я моргнула, не веря своим ушам. Медленно обернулась, но владыка степенно шёл ко дворцу. Он был одет лишь в серебристую тунуку, без камзола, как обычно, расплетённые волосы свободно ниспадали на спину. Он уходил, а я глупо улыбалась, закусив губу. Он беспокоился обо мне? Его сердцу беспокойно без моей улыбки.

Да что же это?! Признание или очередной самообман? Я слышу то, что хочу? Я пыталась успокоить своё сердце, чтобы не радовалось так уж сильно. Но ведь владыка зачем-то мне это сказал. Он скучает и хочет, чтобы я вернулась? Или просто хочет, чтобы я вернулась, потому что без меня скучно?

Даже за завтраком не могла решить — радоваться или горевать. Кто та единственная — стало как-то уже неважно. Возможно, она его бросила. И казалось мне, что мой побег из дома куда больше волнует владыку, чем единственная, которой принадлежат его поцелуи.

Тренировка выбила из меня все мысли, так как Гасар на мне решил отыграться. Как он только надо мной не измывался, заставляя постоянно быть лидером среди охранников, но даже когда после полосы препятствий я приходила к финишу первой, он лишь фыркал и отворачивался.

Не люблю таких предвзятых мужчин, нет бы оценить мои способности по достоинству, а он отворачивается. Но на этом мои злоключения не закончились. Ближе к обеду у ворот дворца образовалась толпа стражей! Они вели тёмного эльфа, и мне не надо было его рассматривать, я и так знала кто это. Он или глупый, или самоубийца. Я столько на него сил

потратила, исцеляя, а он вместо того что бы уйти из нашего леса, сам пришёл прямо во дворец.

— Эй, юнец!

— Тс, — я скривилась, пытаюсь сделать вид, что тёмный вовсе не меня зовёт. Даже пару шагов сделала, чтобы сбежать, но тёмный был упорный, как горный баран или козёл, кто их там, парнокопытных, разберёт.

— Юнец, не уходи. Я пришёл к тебе, отдать долг жизни, — крикнул тёмный мне вдогонку.

И ладно бы дорога до дворца была безэльфна, но удача от меня сегодня отвернулась. Навстречу мне спешили охранники и заинтересованно поглядывали на тёмного эльфа, который не перестал звать меня, не желающую признаваться. Но вот когда из дворца вышел король и отец, я поняла — надо что-то с этим делать.

— Стой же, юнец. Я пришёл с миром! Я должен отдать тебе долг жизни.

От его громкого голоса меня начало уже трясти. Вот зачем он привлекает ко мне внимание? Встревоженный владыка спешно шёл ко мне навстречу. Я развернулась и, строя тёмному страшные лица, пригрозила ему кулаком. Но этому темнолицему были безразличны мои знаки, он упал на колени и на тёмноэльфийском наречии стал давать мне, бегущей к нему, клятву. Ветер поднялся, развевая его белые волосы, чёрная свободная туника затрепетала под его напором, а жёлтые глаза наполнились нестерпимым светом.

Да он издевается надо мной! Какой ещё раб?! Он самолично сделал себя моим рабом!

Я еле успела подскочить к нему и накрыть ладошкой рот. Стражи расступились при моём появлении, да и приближение владыки заставляло всех склонять головы.

— Ты что творишь? Я не для того тебя спасал... спас, — еле успела исправиться, — чтобы ты пришёл на встречу со своей смертью! — зашипела на него, гневно сверля взглядом.

— М-м-м-м, — промычал в ответ тёмный из-под моей ладошки с улыбкой в глазах.

— Что? — не поняла я ни слова и убрала руку, а противный закончил клятву и самодовольно улыбался.

— Я твой раб, — слишком дерзко для раба произнёс он. — Моя жизнь в твоих руках, госпо... — тёмный мягко улыбнулся, от чего его жёлтые глаза заискрились смешинками, — господин, — с придыханием закончил он.

Это что за наёмки? Я отшатнулась от него. Тяжёлые ладони опустились на мои плечи. Я обернулась. За моей спиной стоял владыка. Тёмный кафтан был отражением злости на лице нашего короля. Серебряный обруч малой короны стягивал волосы и переливался белым крупным самоцветом на лбу. Тантрион разительно отличался от того, кого я видела сегодня утром в спальне. Сейчас он был величественным Древним, который до боли сжимал мои плечи и гневно смотрел на тёмного эльфа. Тот встал на ноги, надменно бросая вызов нашему королю, сложив руки на груди.

— Тёмным не место в моём королевстве, казнить его! — холодный, полный стали, голос любимого заставил меня заслонить собой желтоглазого самоубийцу.

— Нет, прошу, не надо. Он не агрессивный. Он сбежал из дома, так как ему надоело быть рабом Паучихи, — зачастила я, испуганно глядя, как медленно наступает на меня владыка. Он возмущённо поджал губы и, казалось, готов был накричать, как тогда, в спальне.

За моей спиной тёмного стражи схватили за руки и завели их за спину, надевая кандалы. Хотя он и до этого не сопротивлялся, и сейчас спокойно стоял, пока надевали антимагические браслеты. Он лишь с насмешкой произнёс:

— Моя жизнь в твоих руках, молодой господин. И только тебе решать — умирать мне или нет. Ты уже третий раз заставляешь меня жизнь дальше, и значит, я буду жить, ради... — он опять издевательски мягко закончил, — ... вас.

— Да может ты помолчать! — развернулась я к эльфу, который даже будучи пленённым, нисколько не выглядел покорённым.

Но меня дёрнули за плечи, и спина владыки заслонила желтоглазого.

— Твоя жизнь зависит от меня. Это я решаю, кому жить из тёмных, а кто умрёт самой мучительной смертью, — угрожающе произнёс Тантрион. Я хотела вмешаться, но Хани, предатель, уволок меня от владыки подальше.

— Ты идиотка, Хэни. Что тебе велели? Три дня на расстоянии держаться от короля. Три дня! Так сложно потерпеть? И что это за эльф?

Брат набросился на меня с упрёками, стоило нам оказаться под тенью Ели-заступницы. Тёмный не отводил от меня взгляда, нагло усмехаясь в лицо нашему владыке, показывая, что для него значат его слова. Сам владыка только мимолётно посмотрел на меня и сосредоточил всё внимание на строптивом пленнике. Стражники шептались, провожая нас с Хани любопытными взглядами, особенно мне не понравилось выражение лиц северных.

— Я спасла ему жизнь, — тихо шепнула брату. — Дважды.

— Зачем? Ты должна была его убить, — строго отчитал Хани.

Я кивнула и понуро опустила голову, сцепив руки в замок.

— Я не смогла. Он был без оружия, и я его ранила. Он не нападал. Я просто не смогла. А второй раз ветер заставил. Привёл и умолял его спасти.

— Ветер? С каких пор ты починаешься стихии, а не она тебе? — ярился брат.

Я пожала плечами. Сама понимала, что сделала глупость. Вот только забрать жизнь конкретно у этого эльфа, рука не поднималась.

— Прости, я не знаю, что сказать в своё оправдание. Всё как-то само получилось.

— О, Хэни, — расстроенно выдохнул брат, зарываясь рукой в волосы. — Сколько продлится твой маскарад? Чего ты вообще им пытаешься добиться?

Я очередной раз пожала плечами. Не знала я ответов на его вопросы, как-то не подумала, когда перестану притворяться юнцом.

— Отец ругается, ты бы хоть домой заглянула сегодня. И с этим эльфом. Его казнят, допросят и казнят, а ты не лезь, поняла? Тебя это не касается.

Неожиданно сильный порыв ветра ударил Хани в лицо, а меня толкнул в спину.

— Вот видишь, — буркнула я, убирая волосы от лица.

Хани кивнул, но ничего не сказал. А владыка уже уходил, и тёмного вели за ним. Жёлтые глаза лучились улыбкой, да и на его губах она играла. Я схватила Хани за руку, с жалостью глядя на спасённого.

— Хэни, я сказал, тебя это не касается, — строго произнёс брат, прижимая меня к своей груди, пряча от взгляда жёлтых глаз. Я навсегда запомню их, и его улыбку. Я мысленно оплакивала тёмного, вспоминая его слова. Он хотел быть свободным, хотел избавиться от рабства. А сам пришёл и отдал свою жизнь мне.

— Хэни, — тихо позвал меня брат.

Я с трудом подняла на него глаза.

— Хэни. Ты должна вернуться домой. Поиграла и хватит. Жизнь очень сурова, особенно жизнь мужчины. Мы забираем жизни, а вы, женщины, создаете её, понимаешь? Ты женщина и тебе сейчас тяжело понять решение владыки.

Я кивнула. Я всё прекрасно понимала, только вот тёмного всё равно было жалко. А затем стало жалко себя, когда подошёл старший брат и строго произнёс:

— Хэни, сегодня же возвращаешься домой! Это приказ! Раз решила поиграть в стражей.

— В личного охранника, и ты мне не начальник, — буркнула, понимая, что притворяться, будто я не я, не было смысла.

Брат так укоризненно на меня глядел, Хани тоже, нет бы заступиться, молчал и сверлил недовольным взглядом. А я пинала носком сапога землю и, слушая упрёки брата в том, что он чуть не поседел, когда узнал, что я участвовала в смотринах. И я должна Пресветлой Богине утренней Звезды молиться, что обошлось без травм и ран. Ведь могла, как ледяные, попасть к целителям.

Я попыталась возразить, что, вообще-то, это я их туда отправила, но брат ругался, а если он начал, то лучше молчать и ждать, когда из него пар выйдет. Благо его основная стихия земля, а не огонь. Ель, думаю, не выдержала накала страстей, которые сконцентрировались под её ветвями.

Трибор поправил мундир, тяжело вздохнул после того как высказался. Но я тоже молчать не стала:

— Я не вернусь домой. Я теперь служу охранником и должна быть рядом с владыкой.

— Ты меня, вообще, слышала? — зашипел Трибор, наступая, но Хани оттолкнул его от меня, преградив рукой путь. — Если Тантрион узнает, что его охраняет дева, как он себя будет чувствовать? Он сильный воин и прятаться за твоей юбкой ему позорно!

— Да нет у меня юбки! И он не узнает! Я постараюсь не мелькать у него перед глазами! — не выдержала и тоже стала на него шипеть. — Я все сделала, чтобы занять эту должность! Я не вернусь домой, моё место рядом с ним! Я люблю...м-м-м! — замычала я, дёргаясь в руках Хани.

— Маленькая моя, не кричи, если кто-то узнает, что ты девица, то домой ты отправишься прямо сейчас, — тихо шепнул он мне над ухом. Я успокоилась, гневно переглядываясь с Трибором. Подумаешь, я дева, и что теперь не могу защищать того кого люблю? Да я лучше всех тех, кого они набрали в охранники!

— Отец не знает о твоём маскараде, но ты должна понимать ту степень ответственности, которую взвалила себе на плечи. Ты должна блюсти своё имя и девичью честь, понимаешь? — строго шептал старший брат. — Мать узнает, поседеет от твоей вульгарной выходки! Ты дева, мы и так слишком многое тебе позволяем.

— Времена такие, — заступился опять за меня Хани. — И поверь, я любому докажу, что малышка чиста и невинна, она лучше всех ряженных дев, которые корчат из себя неприступность, а сами, сам знаешь, чем по вечерам занимаются, а наша спит! Она и мужчину голым ещё ни разу не видела, так ведь? — Хани обернулся ко мне.

О, как зря он это у меня спросил. Я закусила губы, выпучив глаза. А лгать брату нехорошо, как и подглядывать за голыми мужчинами.

— О нет! — застонал Трибор.

— Хэни! — обиженно шепнул Хани.

Я робко улыбнулась, тихо шепнув:

— Я не удержалась. Я только одним глазком, мимолётно.

— Кто он? — набросился на меня Трибор, но Хани спрятал меня за своей спиной.

— Кто, я спрашиваю? Да я отрежу ему всё, если он тебя хоть пальцем тронул.

Я покачала головой.

— Не надо владыку калечить! — возмутилась. — Он не виноват. Это я решила посмотреть, а он там был.

— Домой сегодня же! — еле сдерживаясь, рявкнул на меня Трибор, затем перевёл взгляд на брата. — А ты, Хани, сам её за ручку приведёшь. Это приказ, как начальника, понял меня? Ослушаешься, и отправлю на границы, пора разлучать вас.

Я вцепилась в мундир Хани, прижимаясь к нему со спины, в первый раз испугавшись Трибора. Но Хани усмехнулся и покачал головой:

— Не посмеешь, брат. Иначе она останется одна и такое устроит.

Я покивала головой, соглашаясь с Хани. Да, да, устрою. Истерику такую закачу, мало Трибориндилу не покажется.

Старший брат порывался что-то добавить, но останавливался, лишь тыкал пальцем то в меня, то в Хани.

— Спелись! — наконец выдохнул он и ушёл в сторону дворца.

Я с облегчением перевела дыхание. Чуть до икоты не напугал! Хани развернулся, положил руки мне на плечи, склоняясь, заглянул мне в глаза и строго произнёс:

— Ты сегодня же возвращаешься домой. Это становится не смешно, Хэни. Ладно, спасла тёмного, он умрёт и все забудут об этом, но подглядывать за владыкой! Хэни, разве так поступают скромные девы?

— Брат, просто у него дверь на балкон была открыта, а я же охранник. Вот я и решила проверить, вдруг на него напали! А оказалось, он там голый спал.

Хани запрокинул голову и страдальчески замычал.

— Малышка, ну конечно открыта дверь на балкон, чтобы наслаждаться ночной прохладой! А утром он ещё купается, а потом отдыхает. Он не любит жару, не заметила? Поэтому и обнажённым спит! Так что не делай так больше, прошу, нет, умоляю. Хэни, будь благоразумна.

— Хорошо, я постараюсь, — буркнула, понуро опуская голову.

Да откуда я знала, что он не любит жару? Обычно одевается так, будто мёрзнет. Я же даже один раз порывалась ему носки связать, да в нитках запуталась.

— Вечером за тобой приду, — пригрозил Хани. — Постарайся ничего не натворить. Я пока по делам, а ты?

— У нас обед, потом тренировка, — расстроено шепнула ему. Вот не задался день с самого утра, а я же была так ему рада. Ну почему всё наперекосяк?

— Хэни, не переживай, — шепнул брат и потрепал по волосам.

Ну вот, теперь и он причёску испортил. И так долго возилась с локонами. Зачесала их рукой и направилась в сторону крыла охранников. Столовая располагалась на первом этаже, и было самое время заесть обиду, расстройство. Пусть потолстею, под мороком не видно. Не понимаю я Хани, то домой, то постарайся ничего не натворить. Как будто я это делаю специально! Неприятности сами меня ищут, а не я их! Что мне теперь, дома сидеть и вздыхать у окошка, ждать, когда владыка сам за мной придет! Усмехнулась, да у него столько дел государственной важности, если сама не буду напоминать о себе, забудет! А так вот помелькала, он и помнил о моей улыбке.

В столовой было многозёльно — самый разгар обеденного времени. Я опять решила составить компанию Мэнателю. Мне настроение испортили, пусть и он терпит.

Ученик старшего брата с улыбкой поглядывал на моё кислое лицо.

— Ну и учудил ты, Зрамин. Откуда знаешь тёмного?

— Да в лесу валялся, не смог пройти мимо.

— Так добил бы.

— Так не напал он, даже оружия не было. Может, и добил бы, если бы напал, а он лежит — умирает. Как тут было мимо пройти?

— Наивный ты и добрый, — тихо отозвался Мэнатель. — А чего Ясилы на тебя кричали? Вы знакомы?

— Да, со всей их семьёй, — кивнула в ответ, взяла ложку и без энтузиазма попробовала овощной суп с зеленью.

— Понятно, — отозвался Мэнатель. — А про сестру их слышал?

Кивнула. И чего им всем от меня надо? То дружить со мной никто не хочет, то вопросами закидали, переживают. Я мысленно ёрничала, чуть кривя губы. Так я поверю, что кому-то есть до меня дело.

— Говорят, сбежала из дома. Учитель так переживал вчера, сегодня злой ходит. Как бы чего с ней не случилось. Говорят, красивая.

— А ты что, её не видел? — удивилась я.

Столько раз встречались, и что же, не помнит меня?

— Нет, где я её мог видеть? Я же кроме казармы и кордонов нигде не бываю.

Я открыла рот от изумления. Если логически рассуждать, то он во мне никогда не видел девы? Я столько раз появлялась и на тренировочных площадках и в лагерях у кордонов, и он не замечал меня, или видел, но не думал, что я младшая Ясил?

— Тс, — расстроено цокнула языком, — красивая, красивая, только короля любит.

— Это я слышал, как и то, что не светит ей король. Вроде у него помолвка скоро.

— С кем!? — изумленно ахнула я.

— Не знаю, но слышал, что он кольца заказал гномам, — поделился со мной новостью Мэнатель. — А ты-то чего переживаешь? Нам-то какая разница кто будет женой короля? Это политика, а мы просто личные охранники. Кого прикажут, того и охраняем.

Аппетит пропал, а вот желание выяснить, кто же эта таинственная особа, которая уже не просто украла у меня поцелуй любимого, но собралась за него замуж, никуда не делось! Я вскочила со своего места и стремительно вышла из столовой, а затем и побежала. В голове был хаос. У кого спросить, у кого узнать правду? Я случайно заметила принца и рванула к нему. Он шёл, общаясь со своим охранником, вдоль тенистой тропинки в парке. Я быстро поздоровалась и, схватив Ириадила за руку, потребовала ответа:

— Мой принц, это правда, что король собрался жениться?

Наследник попытался отцепить от себя мои пальцы, охранник толкнул меня в плечо, но я резко вывернула ему пальцы, чтобы отстал от меня.

— Это очень важно, Ириа! — взмолилась я.

Недоумение на лице принца сменилось холодностью и надменностью.

— Юнец, я наслышан о твоих манерах, а точнее, об их отсутствии. Поэтому и прощаю тебя на первый раз, на первый и последний. Не смей ко мне приближаться впредь и отпусти мою руку.

— Мой принц, это вопрос жизни и смерти. Просто ответьте, наш король собрался жениться? На ком?

Ириадил усмехнулся, склонив голову набок, окинул меня брезгливым взглядом, но всё же я дождалась ответа, хотя лучше бы оглохла:

— Да, женится. А кто она — это секрет и никому его не разглашают.

— Но вы-то знаете? Не можете не знать! — возмутилась. — Кто она? Хотя бы имя.

— Да ты наглец, северянин, — усмехнулся Ириадил и ударил в солнечное сплетение, правда, я выставила блок, но от руки его отцепилась. А он, поправив рукав, манерно поджал губы и повернулся к своему охраннику.

— Пойдём к озеру.

Он позвал не меня, но я шла с ними рядом.

— Мой принц, только имя. Я молю, только имя.

— Как тебя там, Зрамин, кажется, так вот, Зрамин, ты здесь ненадолго, но в это время веди себя как должно. И государственные секреты не для твоих ушей, ясно?

Я сжала кулаки, затем поклонилась и пошла прочь. Никогда он мне не нравился. Нос к небу постоянно задирает, и всё время ко мне цепляется. Манеры ему мои не нравятся, поглядите-ка на него, а как по лесу на пауках со мной кататься, так этикет ему всё позволял. Как у гномов бороды стричь, пока те спят, так тоже всё в порядке, а тут ответить не может, лопнет от своей гордости. Закусив губу, направилась к себе в комнату, надоело всё. И маскарад этот, и тайны эти. Что делать с любовью, от которой больно в груди, я не знала. Я так глубоко ушла в свои мысли, что не сразу сообразила, что угодила в ловушку. Хилмидир преградил мне дорогу. Оставалось-то мне всего ничего — одна лестница и поворот. За спиной оказался Лесновэль, и лица у обоих были, мягко сказать, пакостными.

— Поговорим? — обманчиво ласково спросил меня Хилмидир.

— Поговорим, — отозвалась, вспоминая, как Хани так же не раз вызывали на поединки, причём без правил и запретов. Двое на одного, как мило. Интересно, а они сразу вдвоём нападут, или всё же по одному?

И вот стоим в коридорчике. За окном солнце светит, птички поют, а я тут не знаю — бояться или жалеть их. Зла во мне было много, очень много, захлебнуться можно. Разминка мне не помешала бы, да и урок преподать соседям тоже. И хоть бы одна живая душа вышла в коридор, давая шанс избежать неприятностей. Ведь Хани меня просил, а я слово дала, но, видимо, не судьба мне быть эльфом своего слова. Не сдержу его очередной раз. Грустно вздохнула, развернулась к Лесновэлю, жестом приглашая его на улицу. На плацу самое место помахать мечами. Северяне шли ровным шагом, словно меня под конвоем вели в укромное место через парк, потом мимо озера, пока не оказались на небольшой поляне.

Там-то Хилмидир и толкнул меня в спину, а Лесновэль, выхватив меч, начал говорить. Поговорить же пришли, а оружие в руках — это для убеждения.

— Мы заметили, ты любишь мужчин. А мы таких, как ты, терпеть не можем. У нас на севере таких топят сразу, чтобы не позорили эльфов. А ты смеешь осквернять нашего владыку.

— Что? — удивилась я, не понимая, чего им от меня надо. — Я думал, ты из-за бедра злишься. При чём тут владыка?

— При том, что ты сальными глазками на него смотришь, а с другим вообще обнимаешься, мило воркуя.

— Думаешь, мы не заметили, как ты то с одним, то с другим, — надменно начал обвинять меня Хилмидир. — Теперь ещё и к владыке захотел!

Северяне на меня кричали, сжимая рукояти своих мечей, а я отступала от них, недоумевая.

— Слушайте, я вас не могу понять. Вам чего надо от меня? Реванш? Давайте, я не против доказать, что вас сильнее. При чём тут обнимаешься и владыка? Вы о чём, вообще?

Он вам что, нравится? Влюбились в него?

Я, если честно, не готова была к таким конкурентам. Видимо они тоже поняли, что владыка не для них, но оскорбились и бросились на меня вдвоём, ругаясь гномьими крепкими словечками. Я же выхватила меч, встала в стойку, сделала первый шаг и побежала навстречу.

То же самое утро

Утро добрым не бывает, — так гласила мудрость Древних. Тантрион в поту проснулся, с трудом вырываясь от липких лап кошмара, который преследовал его всю ночь. Рассвет только занялся у самого горизонта, а владыка уже искупался в бассейне. Мысли о Зраmine навеяли страшный кошмар, в нём Тантрион, как обычно, целовался с Хэни на склоне у северного побережья. Только там были такие живописные места: кругом океан, куда ни кинь свой взгляд, малиновые закаты, крики чаек и каменистые скалы.

Владыка, как обычно, держал свою невесту в объятиях, лёгкими поцелуями покрывая её розовые губки, как вдруг Хэни превратилась в дерзкого северянина, который с таким же восторгом смотрел на него, как и невеста. Владыка испуганно оттолкнул от себя ледяного эльфа и тот сорвался с обрыва. Тантрион в ужасе глядел, как вниз падал уже не Зрамин, а его Хэни. Громко крича, она звала его, а он... Он прыгнул за ней следом, протягивая руку в попытке дотянуться до неё, но высокие волны первыми приняли её в свои объятия, и на этом сон оборвался предсмертным криком Хэни, а сам владыка подскочил на кровати в холодном поту.

Беспокойство за юную Ясил всё больше сneiderало душу Древнего. Куда она запропастилась? Хорошо одно, что она в столице, раз Хани никуда не уехал. Но отчего не хочет вернуться домой? Из-за родителей, из-за осуждения? Если бы не память о почившей жене, то Тантрион давно бы привёл Хэни во дворец, как хозяйку своего сердца. Но Ириадил ревновал отца, не верил, что любовь молодой Ясил продлится вечность, как ему обещал отец.

В изнеможении упав на кровать, Тантрион прикрыл одеялом живот, прислушиваясь к ранним пташкам. К ним присоединился чей-то высокий мужской голос. Он красиво выводил ноты, отгоняя прочь сонливость. Владыка не слышал ещё ни разу этого голоса, но певец вскоре замолчал. Приподнявшись на локте, Древний прислушался — больше никто не пел, кроме птиц. Откинувшись на подушки и прикрыв глаза, он решил немного понежиться в кровати до прихода слуги. А так как солнце только приступило раскрашивать мир, наполняя его светлыми красками после ночной мглы, то времени было у владыки много.

Неожиданно странный шорох со стороны балкона привлёк внимание Древнего. Прозрачные и практически невесомые шторы не могли скрыть от владыки фигуру того, кто испортил ему сон. Лёгкие шаги принадлежали беспардонному юнцу, который зачем-то вздумал войти в спальню к владыке. Мысль, что он убийца, отрезвляла.

Тантрион затаился и немало удивился, когда юнец томно вздохнул, замирая возле его кровати. Жадный взгляд ощутимо прошёлся по телу Древнего. Тот возмутился, осенённый мыслью, что юнец просто был влюблён, и кого он посмел избрать объектом воздыхания, его! Короля лесных эльфов! Каков наглец. А сон был вещий!

Такое уже происходило и не раз. Тантрион привык, что некоторые мужчины восхищались им не меньше женщин, но никаких вольностей он им не позволял и сразу отсылал от себя подальше.

Рассматривая юнца сквозь занавес ресниц, Тантрион ждал действий от него. Но тот лишь протяжно вздыхал. Скромник, не просто ничего не предпринимал, но, кажется, выпал из реальности. Такую реакцию владыка часто наблюдал у Хэни. Она могла часами на него смотреть, лишь улыбаться и хлопать ресничками. Хэни, где же ты, Хэни! Владыка понял, что пора прекращать это представление. Он дал юнцу достаточно времени запечатлеть его неотразимый образ, чтобы тёмными вечерами млет, лёжа в кровати. Хватит с него лицезреть то, что принадлежит лишь одной взбалмошной рыжей Фэйари, которую пора было найти и вернуть родителям, или себе. Тантрион пока не решил для себя, куда доставит Хэнтариэль, как только найдёт, но точно займётся этим сегодня.

— Ну и долго будешь ещё меня рассматривать? — это первое, что он решил узнать у юного эльфа.

Вот только не ожидал он такой прыти, с которой Зрамин бросился на балкон. Развернув к себе юнца, Древний в который раз заметил странную ауру вокруг ледяного, и рука словно проваливалась каждый раз, кожу покалывала чужая магия. Если вчера Тантрион списал этот эффект на защитные чары, то сегодня всё оказалось куда более забавным и интригующим. Приложив белый платок к лицу Зрамина, он цепким взглядом стал рассматривать поплывшее дымкой лицо юного эльфа. Словно фарфоровая маска, скрывающая истинный лик. Плетения древнего, забытого нынешними эльфами, заклинания вспыхнули перед глазами владыки. Тысячелетнее сердце радостно забило в груди. Тантрион, наконец, разгадал загадку, навеянную сном. Малышка Хэни решила спрятаться под чужими чарами. И кто же помог ей в этом? Кто-то древний и хитрый, любящий интриги и друг семьи Ясил — мастер Брентиэль. Он дал понять, что Хэнтариэль грозит опасность. Завуалированный намёк спрятать её ото всех.

Тантрион задумался и сам не заметил, как пальцем провёл по розовым лепесткам юных губ, вспоминая свой странный сон. Горячий язык коснулся его пальца, и тело Древнего пронзила искра, пробирая до костей. Юная, невинная Хэни не понимала, как действовала на владыку, как тяжело было ему удержаться от поцелуя.

Он видел, как затуманились её глаза под маской морока, как доверчиво она тянется к нему. Но она выбрала себе роль юнца, и он хотел заставить её объясниться. Она должна сама открыться перед ним, иначе обидится. В этом была вся Хэни. Поэтому Тантрион указательным пальцем оттолкнул от себя юную Ясил, которая сейчас была не менее юным Зрамином. А опуститься до поцелуев с мужчиной владыка не мог.

— Даже не думай, — шепнул он. — Мои поцелуи предназначены лишь одной единственной.

Боль в глазах Хэни словно острой стрелой впиалась в сердце владыки, он не успел схватить её, не успел остановить. Он оттолкнул её от себя, и, как во сне, она сорвалась с перил балкона. Испуганно замерев, Миали проводил взглядом легко скользящую по карнизам фигуру юного эльфа. Она не разбилась, она не упала, но она обиделась. Не поняла, глупая, о ком он говорил. Вернувшись в спальню, Тантрион открыл шкаф и вытащил то, что под руку попало, какую-то серую тунику, брюки. Он спешил одеться, нужно было объясниться с Хэни. Вот истинный смысл сна. Нельзя было её отталкивать, да и мастер Брентиэль никогда просто так ничего не делал.

Но как бы ни спешил владыка, нашёл он свою невесту на тренировочной площадке по стрельбе, горько рыдающую, сидя на земле. Тантрион приложил ладонь ко лбу, пытаясь придумать, что ей сказать. Не мог он сломать всю игру, что она затеяла. Просто не мог. Маленькая Фэйари использовала свою силу, владыка чувствовал, что не преодолеть ему этот странный запрет. Она хотела быть его личным охранником, и она им будет, пока сама не откажется от этой затеи. Теперь ему был понятен странный порыв пойти на поводу у вздорного юнца.

Прикрыв глаза, Миали успокоился, прежде чем заговорить с той, что была слишком прямолинейной, очень открытой и совершенно бесхитростной. Сам владыка не раз предлагал советнику заказать для дочери мастера по чтению душ. Умение читать по мимике, по глазам очень важно, слышать скрытый смысл тоже. Именно этим решил заняться владыка, пора было учить Хэни понимать хотя бы прозрачные намёки.

— Эй, юнец, — позвал он, еле сдерживаясь от того чтобы не заключить печальную фигуру в крепкие объятия. Она нуждалась в утешении, в уверенности и в любви, в конце концов. Его любви!

Зрамин подскочил на месте, шмыгая носом. Владыка осмотрелся: никто кроме них не решил прийти сюда в такую рань. Внимание короля привлекла мишень, ошестинившаяся опереньем стрел. Поломанные древки лежали на земле. Хэни славилась своим умением стрелять, уступая лишь своим братьям. Но со временем она наберётся опыта и заткнёт за пояс и их. Переведя взгляд на напряжённую спину в зелёной короткой куртке, Тантрион неожиданно для себя стал разглядывать обтянутые брюками очаровательные изгибы бёдер. Морок не мог больше скрывать от Древнего истинную фигуру невесты. Она стала взрослой, её тело сформировалось, лишь душа оставалась мятежной, наивной и дерзкой. Он так ждал первого совершеннолетия Хэни, когда все девы, считая себя уже полноценными женщинами, начинают грезить любовными историями. Юная Ясил не была исключением, он видел, что она ловит его взгляды. Но она грезила не самой историей, не встречами под луной, а им! Ей был нужен только он, а где и как — неважно. Это и отпугивало её родителей, поэтому и держали её подальше от владыки, но на то она и Хэни, чтобы найти способ быть к нему ближе. Тантрион не мог прямо здесь и сейчас разрушить её старания. Он принимал правила её игры, готовый ждать столько, сколько ей потребуется. В двести лет любой эльф становился самостоятельным от родителей и мог покинуть отчий дом. Правда, мало кто на это решался. Но в случае с Хэни Тантрион был уверен, она придёт к нему. Она уже готова быть с ним, не считаясь с общественным мнением, с правилами приличия и не обращая внимания на разницу в возрасте. Владыка не торопил её, но ждал с нетерпением.

— Ты не дослушал, — громко произнёс Миали, чтобы быть услышанным невестой. — Я знаю, что ты друг детства юной Ясил, она сбежала из дому, негодница, — Хэни вздрогнула, поднимая голову. Тантрион улыбнулся, она, наконец, слышала его! — Так вот, если вдруг встретишь её, передай, что я беспокоюсь о ней. Моё сердце неспокойно без её улыбки.

Посеяв зерно надежды, Тантрион направился во дворец. Он ждал, что Хэни его остановит, но она промолчала. Владыка усмехнулся, всё же она не та юная эльфийка, которая, дёргая за рукав, требовала объяснений, если ей что-то не было понятно.

После утреннего инцидента настроение у владыки было приподнятое, и разговор с будущим тестем имел слегка ироничный оттенок. Начал его сам советник. В кабинете короля, как обычно, были только двое, он и Арганон, они решили сделать небольшой перерыв, да и время близилось к обеду.

— Хани нашёл мою дочь, — зашёл советник издалека. — Но представляете, она отказывается возвращаться домой. Трибориндил беснует, беспокоясь о ней, говорит, она во дворце. Вы не видели её?

Брови короля чуть приподнялись вверх, а улыбка зазмеилась на губах.

— Разве ты не встретил её?

Арганон покачал головой.

— Она сменила облик, как мне сказали сыновья.

— Не узнал собственную дочь? — изумился король, но смягчился, добавляя, чтобы друг не расстраивался: — Я тоже не сразу сообразил, что это она. Но поверь, она в безопасности. Я пригласю за ней.

— Вы не собираетесь её отправлять домой? — удивился советник. — Я думал, что как узнаете, то сделаете это.

— Она не хочет, — отозвался Тантрион.

— Мой король, — порывисто вскричал Ясил, понимая, что Хэни останется во дворце, — вся надежда на вас, вы должны приказать ей вернуться домой. Она же может испортить свою репутацию. Она ещё юна, чтобы задуматься над этим, хоть мы и повторяем ей каждый раз, что она должна блюсти свою честь. Вы должны её отправить домой, вас она послушается. Наши слова она уже не слышит.

В словах любящего отца была горькая правда. Репутация, честь семьи — король должен был думать об этом. Ясилы были первыми клинками столицы, да и королевства, после наследника и самого короля. Но взрывной характер семейства был знаменит не меньше, чем острота их мечей. Скандалы, связанные с их именем, давно не были сенсацией для королевства. Правда, кидать тень на и без того изрядно подмоченную репутацию Хэнтариэль Тантрион не мог себе позволить.

— Я подумаю над этим.

Шум из открытого окна отвлёк их от тяжёлого разговора. Тантрион кивнул Арганону, чтобы он узнал, что происходит, почему такое оживление.

— Тёмного лазутчика поймали, — отозвался тот через несколько секунд, когда выглянул из окна.

— Тёмного? — удивился владыка. Стражи, отправленные добивать нападавших, вернулись с донесением, что живых не осталось. Тантрион приблизился к окну, и его глаза расширились, когда он услышал голос лазутчика.

Развернувшись, король поспешил вниз, на ходу прицепив ножны. Он махнул стражам, приказывая усилить охрану дворца. Советник не отставал, тихо раздавая чёткие распоряжения, чтобы поскорее выполнили приказ короля.

Тантрион стремительной походкой шёл по дороге, которая вела к воротам. Он готов был пуститься в бег на глазах подданных, как это сделала Хэни, испугавшись его появления. Она бросилась к тёмному, который громко её звал, а сердце владыки леденело от ужаса. Знакомые жёлтые глаза извечного врага смотрели на него с победным блеском, белая ладонь Хэни накрывала поганые уста, запечатав их. Фэйари даже не представляла, в какой опасности находилась, и если бы владыка не слышал слов заклинания тёмного, то уже отрубил бы голову непрошеному гостю.

АхраШеррот, Древний, который когда-то бок об бок бился с Тантрионом в землях Зорь, защищая эльфов от чудовищ, пришедших из ниоткуда и уничтожающих всё на своём пути. Бывший соратник, собрат по мечу, оказавшись в этом мире, резко изменился, подавшись

тёмному и злему влиянию страшной богини, которая сумела проникнуть в Ислардию вместе со своими сёстрами.

Спрятав от него свою любимую за спину, Тантрион пытался просчитать, зачем Ахр отдал свою жизнь Хэнтариэль. Вид тёмного вызывал жалость, не было в нём былого величия и силы. Магическое истощение, да и сам он был измождённым, держался из последних сил, на одной гордости. Ещё предстояло узнать, как он сумел проникнуть в столицу. Его должны были задержать у городских врат, а не у дворцовых. Приказав увести его темницу, Тантрион отыскал взглядом Хэни, которую увёл младший Ясил. Зрамин на фоне Хани уступал тому в росте, а виноватое лицо и опущенная голова делали его ещё ниже. А Ясил коршуном нависал над ним, отчитывая. Ревность снова кольнула сердце владыки. Он пока не мог так же свободно с ней общаться, как остальные. Он не должен привлекать к ней чужого внимания. Но, видимо, все усилия скрыть дар Хэни были впустую, не верилось владыке, что Ахр не ведает, кто стал его госпожой.

Подземелья дворца были оснащены прекрасными, чистыми, но, тем не менее, погруженными в сумрак камерами. Дождавшись, когда тёмного затолкают в самую первую из них, владыка вошёл следом, нисколько не страшась АхраШеррота.

— Зачем ты здесь? — уточнил у него Тантрион, вышагивая по кругу, осматривая тело врага. Руны подчинения белой вязью окутали руки и шею эльфа. Сумасшедший не просто сделал себя рабом Фэйари, а отдался ей в абсолютное подчинение. Что могло произойти с ним такого ужасного, что он решился на такой отчаянный шаг?

— Сначала хотел умереть, — сразу отозвался Ахр, словно ждал этого вопроса, — но не получилось сразу. Солнце не сумело выжечь глаза и кожу. Затем решил прийти к тебе в гости, но был ранен одним из твоих подданных.

Тантрион видел, что тёмный веселится, рассказывая свою историю, но веселье его напускное, а в душе у пленника царил ледяной мрак.

— Но юное создание слишком сердобольное — не добило, оставив мне жизнь.

— Зачем хотел встретиться со мной?

— Предупредить о нападении, но не успел, а потом и смысл потерялся в нашем свидании, Тантрион. Думал, у степняков найду свою смерть, пока Паучиха меня не нашла, но лес стал вытягивать из меня силы. Знаешь, она очень жестокая.

— Кто? — настороженно спросил король, останавливаясь напротив Ахра.

— Моя госпожа Фэйари, — дерзко улыбаясь, прошептал тёмный лишь губами.

Тантрион прикрыл глаза. Он выхватил меч, замахиваясь, но смех тёмного его остановил.

— Давай, Тантрион, давно пора положить нашему знакомству конец. Подари мне смерть! — с вызовом кричал тёмный, выпятив грудь, чтобы меч короля пронзил её.

— Зачем ты хотел увидеться со мной? — повторил вопрос владыка, еле сдерживая гнев. Он не опустил меч, просто ждал ответа.

— Уже не с тобой. Я пришёл к тому, кто подарил мне жизнь, очистив кровь от яда Паучихи.

Тантрион изумлённо оглядел тёмного, выискивая изменения. Так вот как он прошёл через ворота! Его кровь больше не была отравленной.

— Как она смогла? — тихо шепнул тот, кто тысячелетиями искал спасения своих братьев. Были те, кто сбегал из подземелий, но выжить без яда они не могли, проживая короткую жизнь при свете солнца, сгорали в агонии, уходя за грань.

— Не знаю, — отозвался АхраШеррот, — но она это сделала. Ведь она наследница

Фэйари, так ведь? И теперь я служу ей.

— Вот только не надо пафоса. Тебя казнят. Даже если она тебя исцелила, всё равно...

— Ну конечно, всё как всегда. Всё, что не касается твоего королевства, всё, что находится за границами твоего леса, тебя не интересует. Даже если весь мир сгорит в огне, главное, чтобы твой лес оставался нетронутым, так ведь! — взорвался тёмный, но закашлялся, упав на колени.

Тантрион смерил склонённую фигуру презрительным взглядом и, убрав меч в ножны, присел на корточки.

— Если бы у тебя была хоть капля благоразумия, то и ты бы понял, что я прав. Лучше беречь то, что есть, а не хвататься за всё сразу. Нельзя завоевать весь мир и не умереть. Всё равно найдётся тот, кто предаст тебя и свергнет, захватив то, на что ты потратил всю свою бесцельную жизнь. Разве нет, король хрустальных гор. Разве не ты захотел власти, разве не ты впустил в наш мир исчадия мрака и ужаса. Тебя казнят, так что прощай.

— Я не могу умереть, — заявил тёмный, нагло улыбаясь владыке.

Тот сощурил глаза, поднялся, не желая находиться с ним рядом.

— Сможешь, без головы ещё никто не выживал, — пообещал он напоследок.

— Она велела исправить свои злодеяния.

— О, Хэни, — расстроенно выдохнул Тантрион, понимая, что тёмный прав. Умереть он не сможет, извернётся, но будет жить, пока не сделает то, что ему повелела Фэйари.

— Красивое имя, — отозвался Ахра, подмигивая владыке.

— Она... — дернулся Тантрион, желая врезать по ухмыляющемуся лицу.

— Она что? — подначивал его тёмный. — Она твоя? Нет, — насмешливо шепнул он, сверкая жёлтыми глазами, — не твоя. Она моя.

Тантрион собрал тунику на груди АхраШеррота и приподнял его над полом.

— Она моя. Можешь даже не мечтать о ней. Я знаю, что ты пришёл за ней.

— Да, ты угадал. Ты сам виноват, надо было лучше её прятать. Ведь Фэйари истребили именно из-за их дара!

— Заткнись! — отбросил о себя тёмного Тантрион. — Она не покинет моего королевства, и ты останешься здесь, раз нельзя тебя убить, то искупай свои грехи в темнице.

— Нет, нет, она именно сказала — исправляй.

— Так почему же ты тут?

— Потому что здесь тот, кто поможет мне исправить мои ошибки. Поверь, всё можно исправить. И ещё, сними кандалы, моя госпожа в опасности.

Тантрион оглядел руны на руках тёмного, которые краснели на глазах. Сам тёмный начал шипеть, развернувшись спиной к владыке, подставляя руки.

— Освободите его, — приказал владыка.

Стоило браслетам упасть на пол, как камера оказалась пуста — ни тёмного, ни светлого Древнего, только бегущие по коридору стражи, не успевающие за своим владыкой.

АхраШеррот

Яркое солнце медленно сжигало тело. АхраШерроту уже было даже не больно. Силы покинули его. Из раны на спине кровь продолжала сочиться, мир перед глазами кружился. Жестокий юнец оказался не так уж и глуп. Мучительная медленная смерть всегда ужаснее быстрой, мгновенной. Тёмный звал смерть, глядя вверх, наблюдая за каруселью зелёных листьев. Он умирал, но умирал свободным, как и мечтал. Чужой мир так и не принял эльфа. И сейчас сам лес враждебно шумел, склоняясь над распростёртым и поверженным Ахром.

Когда-то, впервые вступив на эти земли, эльф восхитился девственной красотой этих мест. Его душа возликовала, но тёмная сторона шептала, что это всё должно принадлежать ему. Поддавшись порыву, Немель воздвиг прекраснейший замок у подножия южных гор. Морской бриз по утрам врывается в спальню владыки Хрустальных гор, солнце освещало, согревало. Как же это было давно. Словно сон, далёкий и прекрасный. Ахра лежал и вспоминал, как потерял всё. Его руки были по локоть в крови. Он сам лично уничтожал прекрасных созданий, хозяев этого мира, фэйари. Одного за другим, чтобы захватить эти просторы себе. Одну за другой, уничтожая их из-за их силы. Они не сопротивлялись, они не ведали зла. Они пытались поговорить, договориться, но Немель был крайне решительным. Он хотел завоевать весь материк себе. Война с тёмными монстрами осталась за гранью этого мира. Больше не нужно было бояться исчадий ужаса, которые были сильнее самых сильных магов и воинов эльфийского народа. Поэтому АхраШеррот и занимался благоустройством своего королевства, захватывая всё, до чего мог дотянуться. Но ему помешали, точнее, пытались образумить, как говорил тогда Тантрион.

Это он, нынешний король лесных эльфов, нашёл путь в этот мир. Он привёл сюда всех, кого сумел спасти. И он стал защитником фэйари, которых так сильно испугались остальные эльфы. Он даже женился на их королеве, и та родила ему наследника, но судьба отвернулась от бывших хозяев этого мира. Эльфы вырезали практически всех фэйари, включая и королеву. Они стали легендой, героями забытых песен. В этом мире появились новые боги и новые хозяева.

Тёмный усмехнулся, вспоминая тот миг, когда понял, что натворил. Он долго не мог понять свою алчность. А причина была — укус Паучихи во время последней битвы в родном мире. Один незначительный укус, а такие последствия. Тёмная богиня прорвалась в этот мир, в тот миг, когда портал закрывался, и не одна. Завязался бой. Последние силы были брошены на уничтожение тварей, но им удалось скрыться, пусть не всем, но самую главную так и не удалось уничтожить. А она спряталась под землёй, копила злость, плела сети. Её яд отравлял кровь раненых ею эльфов. Она подчинила себе многих. Эльфы менялись на глазах. Брат шёл против брата. Забывались заветы, клятвы и обещания. Предательство и злоба разрастались. И не было больше единого народа.

Из горестных воспоминаний тёмного отвлёл голос юного эльфа, того самого, которого он встретил у водопада. Забавный малый. Открыв глаза, Немель не узнал его. Мир вращался перед глазами, вызывая тошноту. Волосы у юнца оказались светлыми и голос грубее. Хотя, может, Ахра тут лежал уже много времени, и юнец успел подрасти и возмужать. Мысли

путались в голове. Язык не слушался, еле шевелился. Последние капли жизни утекали из бренного тела. АхраШеррот был рад, что умрёт не в одиночестве. Одиночество пугало своей пустотой.

Но эльф поспешил с выводами, и жестокий юнец взорвал его мир, наполняя своим светом. Магия заструилась по иссохшим венам, причиняя нестерпимую боль, а затем пришла тьма, та, что как мать укрывает тёплым пледом на ночь, принося успокоение не только телу, но и душе. Ласковая, добрая тьма.

Проснувшись, Ахра первым делом подумал, что его похоронили живьём. Он с трудом выбрался из тугого кокона, который образовала обычная трава. Озираясь, тёмный пытался понять, что с ним произошло. Он умирал и видел свет в конце тоннеля. Он был уверен, что в этот раз точно умрёт, но снова очнулся. Рана на спине его больше не тревожила. Всё вокруг перестало быть враждебным. Лёгкий ветер ластился, играя взлохмаченными и спутанными волосами. Немель вспомнил юнца, его голос, его слова. Странное видение склоняющейся над ним фэйари всплыло в сознании. Её свет, её приказ. Эльф осознал, с кем столкнулся в лесу светлых эльфов. Это был вовсе не юнец, так как у мужчин никогда не было такой власти, как у представительниц слабого пола. Фэйари приказала ему жить и исправлять свои злодеяния. Она повелевала им, подарив взамен жизнь. Какая она была по счёту у тёмного? Он запутался в том, сколько раз был у грани, но смерть была к нему равнодушна.

Ахра опустил взгляд на свои руки, который сжимали фляжку. Он усмехнулся, поражаясь наивности фэйари. Спасти врага от смерти, напоить его, исцелить, врага, который придёт за её жизнью, врага, который подарит взамен лишь боль и смерть. Глупые создания, ничему не учит их время. Даже разбавленная кровь и та остаётся слишком чистой для зла.

Прохладная родниковая вода леденила внутренности, пока не опустилась в желудок. Эльф поднялся, разминаясь. Магический резерв был пуст, зато где-то рядом была та, с чьей помощью можно восстановиться. Усмехнувшись, АрхаШеррот смял фляжку, ощущая возвращение силы. Маленькая крошка, рыжая фэйари, источник силы и власти.

Немель покачал головой, улыбаясь. Ну кто откажется от такой соблазнительной возможности получить всё и сразу. Тёмный эльф прислушивался к себе, чувствуя, что организм очистился от яда Паучихи. Фэйари была очень сильна, молода и наивна.

— Это будет забавно, — шепнул он лесу.

Ветер поднялся, протестуя, разметал траву у ног АхраШеррота, дёргал его за волосы.

Но тёмный эльф не придавал этому значения и медленно побрёл в сторону светлоэльфийской столицы. Украд плащ у торговцев, Немель примкнул к их обозу и прошёл через городские ворота, ожидая, что сработают защитные чары. Но гром его не поразил, а стражники не заметили серую кожу и жёлтые глаза под иллюзией, на которую едва хватило сил. На остатки он создал поисковик с привязкой к фляжке, единственное, что оставила фэйари ему на память. Он шёл за золотистой нитью, прижимаясь к изгородям домов, прячась в тени растений. Светлые эльфы чувствовали исходившую от него угрозу, они обеспокоенно оглядывались, не понимая до конца, что заставляет их это делать. Ахра ухмылялся, но шёл за нитью поисковика, который вёл его в глубь города, неприступной крепости, столицы светлоэльфийского королевства. Правда, как оказалось, не такая она и неприступная и проникнуть в неё намного проще, чем слагают об этом песни славные менестрели.

Дойдя до дворцовых ворот АхраШеррот беззвучно рассмеялся. Конечно, как он не подумал, где же может находиться маленькая фэйари. Конечно же, во дворце, под

крылышком Тантриона. Войти в улей диких пчёл, во дворец короля светлых эльфов, это было бы поистине верхом безумства. Но нужно было найти одну единственную, пока силы оставались держать поисковую нить. Эльф просчитывал варианты, мысленно прокручивая свои действия, но всё выходило к одному. Много крови и как финал — его смерть, а приказ фэйари держал, заставляя искать другой выход. Скинув капюшон плаща, тёмный смело приблизился к стражникам, которые, заметив, что к ним идёт тёмный эльф подняли тревогу. Нужно было привлечь к себе внимание, чтобы сердобольная малышка сама нашла его.

План удался на славу, стражники обступили его. Светлые эльфы сбегались к нему, как воды горных ручейков, а Немель искал среди светлых макушек ту, что отмечена маяком и нашёл! Все спешили поглазеть на него, а одна единственная фигура старалась укрыться от его взора.

— Эй, юнец! — крикнул тёмный в спину своей спасительнице.

Фэйари вздрогнула, замерла на миг, но продолжила свой путь ко дворцу. Ахра почувствовал укол страха. Он не думал, что спасительница трусливо сбежит, поджав хвост. Тёмный оглядел стражников, которые не давали ему и шагу ступить, держа в плотном кольце.

— Юнец, не уходи! — крикнул тёмный, привлекая внимание собратьев спасительницы к ней. Заинтересованные взгляды стали искать, к кому обращался Ахра. — Я пришёл к тебе, отдать долг жизни!

Волшебные слова были произнесены. Все в изумлении зашептались. Долг жизни — благое дело, почётное, требующее к себе уважения. Мысль об этом пришла к тёмному, когда он стоял возле дворцовых ворот. Другой возможности заполучить фэйари он не видел. А так он привяжет её к себе самыми крепкими узами. Добровольные узы рабства не мог разорвать никто, пока долг жизни не будет отдан полностью, или смерть не заберёт раба за грань!

Слова заставили спасительницу остановиться вновь, но она так и не обернулась. Тёмный настойчиво зывал к её совести.

— Стой же, юнец. Я пришёл с миром! Я должен отдать тебе долг жизни.

Наконец она обернулась, с искажённым злобой лицом. Грозила кулаком и шла к нему. Теперь всем стало понятно, к кому обращался тёмный, а Ахра Шеррот решил не терять времени даром. Вслед за фэйари спешил сам лесной король. Тёмный упал на колени, и древние слова заклинания сорвались с его уст. Магия проснулась, окутывая его, связывая невидимыми нитями подчинения с хрупкой юной эльфийкой, в чьих жилах текла кровь фэйари.

Последние заключительные слова застряли на языке Немеля, когда тёплая, ласковая ладошка накрыла его рот. Он вздрогнул от этого прикосновения, ожидая боли. Но ничего не было, кроме приятного тепла. Яростный шёпот с трудом был различим. Фэйари была очень раздосадована, но не стоило её бояться и ждать от неё побоев. Она светлая, чистая, глупая.

— Ты что творишь? Я не для того тебя спасал... Спас, чтобы ты пришёл на встречу со своей смертью! — запнулась та, что скрывалась под искусным мороком юнца.

Даже сейчас Ахра не видел того рыжего нескладного подростка, с которым он встретился у водопада. И если бы не видение, если бы не сила, которая держала его, заставляя вершить благие дела, он бы засомневался. Шипение продолжилось, как и стремительный шаг короля светлых эльфов.

— М-м-м-м, — промычал тёмный из-под тёплой ладошки, дерзко глядя в гневные серые глаза юнца.

— Что? — переспросил наивный светлый эльф и убрал руку, давая возможность закончить клятву.

— Я твой раб, — произнёс Ахра, видя, как ещё больше разозлилась спасительница. — Моя жизнь в твоих руках, госпо... — тут тёмный решил поиздеваться, показать, что тайна госпожи ему известна, — господин, — с придыханием произнёс он.

В этот момент Тантрион, наконец, подошёл, возвышаясь за спиной фэйари, но было уже поздно, дело сделано, и руны начинали проявляться на тёмной коже.

После первых выпадов я поняла, что погорячилась. Ледяные использовали стиль стальной осы и атакующей кобры. Стили сами по себе очень разные, но эльфы привыкли работать в паре и безошибочно чувствовали друг друга. Это порознь они были слабы. После первой раны, когда я еле успела уйти от меча Хилмидира, решила, что играют мальчишки нечестно. Двое на одну меня, да ещё и с явным желанием убить — они сами напросились. Но я должна была их предупредить, прежде чем войти в боевой транс.

— Парни, я даю вам последний шанс уйти отсюда живыми, — сообщила я ледяным зарвавшимся соседям, зажимая рану на руке. Это был незначительный порез, но кровь нужно было заговорить. Хотя мне придется принести кровавую жертву смерти, раз уж по-хорошему мужчины не хотят от меня отстать.

— Ты должен заплатить за то, что пятнаешь всех честных эльфов своей грязной душонкой, — выплюнул в ответ Лесновэль.

Нет, так нет. Я вздохнула, вспоминая наставления Хани. Никто не должен знать, чему он меня научил. Использовать только в крайнем случае, когда жизни угрожает опасность. А сейчас именно такая ситуация. Они не отпустят. Они озлобленные, решительные. Им нужна моя жизнь, непонятно, конечно, чего они злятся, подумаешь, проиграли в битве, с кем не бывает. Но, видимо, это был сокрушительный удар по их гордости и чести.

Открыв глаза, кивнула им, позволяя наброситься скопом. Музыка зазвучала в голове, голос Хани отсчитывал такт, произносил название ударов и блоков. Всё чисто, технично, ни грамма чувств и эмоций. Никто не узнает, чему научил меня брат, некому будет рассказывать. Я остановилась, смахнула с меча кровь и спокойно вложила его в ножны. Расстроено вздохнула, чуть морщась от разочарования. Как представлю, что придётся прятать тела. Хотя я ни в чём не виновата в принципе, они первые начали. Обернулась, рассматривая поверженных врагов. Всё же было их жалко. Молодые совсем... были.

Неожиданно на поляну выскочил тёмный и владыка. Они резко остановились, глядя то на меня, то на тела ледяных эльфов.

Вот тут я испугалась. Сглотнула и жалобно выдала, хотя хотела произнести гордо:

— Они сами виноваты. Я предлагал им уйти, но они напали вдвоём!

Мой король с каменным лицом быстрее, чем я успела отпрянуть, приблизился и обнял меня, прижимая голову к своей груди.

— Хэни, ты цела! — выдохнул он, прижимаясь щекой к моей макушке.

Я была в шоке. Он меня обнял! Он сам меня обнял! Я была в ступоре. Слезы навернулись на глаза. Он меня обнимал и что-то там шептал так нежно. Я решила обнять его в ответ, но опоздала. Король отстранился, а я схватила лишь воздух.

Тантрион поднял моё лицо, прижимая к носу откуда-то взявшийся платок.

— Хэни, слышишь меня? — звал меня мой король.

Я закивала, улыбаясь. Конечно, я слышу его. Бесконечно готова слушать и стоять так же близко от него, обниматься. О, как же он красив, а глаза его такие глубокие и голубые. Они затягивали, и я терялась в них. Голова даже закружилась.

— Она ранена, — услышала я голос тёмного. Недовольно обернулась на него, не желая, чтобы он нарушал идиллию.

— Хэни, всё будет хорошо, — встревоженно шелестел голос владыки, а мир закружился перед глазами. Боль в боку неожиданно остро прострелила, заставляя ахнуть и выгнуться.

Я закашлялась, чувствуя вкус крови на губах. Но главное — глаза любимого. Яркие, как летнее небо.

— Хэни, всё будет хорошо, — обещал он.

Я улыбнулась. Боль накатывала, как морской прибой, но я пыталась не думать о ней, я летала. Я парила на руках владыки, радуясь и млея.

Небо над головой сменилось на белый потолок, аромат лекарств и трав, резкий и едкий, навязчиво вторгся в мои лёгкие.

Лицо королевского целителя появилось надо мной, сдвигая любимого.

Я схватилась за руку короля, боясь, что он уйдёт навсегда.

— Я тут, с тобой, — услышала его голос.

— Нужно его раздеть, — произнёс целитель.

— Это не он, а младшая Ясил, — строго ответил король, затем лёгкий ветерок пронёсся по моему телу, и глаза целителя расширились в изумлении.

Слабость во всём теле всё больше давила. Грудь с трудом поднималась, проталкивая в лёгкие воздух. Веки тяжелели. Но я держалась за горячую большую ладонь, боялась её отпустить.

— Я с тобой, Хэни. Всё будет хорошо. Поспи немного, ты устала.

Да, устала. Боевой транс каждый раз выжимает меня до нитки, как ты Хани не бился со мной, не умею я экономить силы. Немного посплю, самую малость. Больно дышать и тяжело думать. Лучше отдохну, главное, что он рядом и держит меня за руку.

АхраШеррот

Разговор с владыкой был весьма занимательным, Немель видел, как он бесится в бессилии. Тёмный прекрасно понимал светлого, такая рыбка уплывала из его рук. Ведь девчонка пока слишком мала, чтобы вступить в игры Древних. Так считал король, но не Ахра. Фэйари вошла в силу, она была достаточно могущественна для того чтобы перекраивать мир под себя или же под того, кто будет ею управлять. Хитрый светлый король растил её для себя, но тёмный сумеет отобрать. Обмениваться любезностями им помешали. Жжение рабских меток требовало немедленно спасти госпожу от смертельной опасности.

Когда он мчался через парк, то посмеивался над владыкой лесных эльфов, так как тому приходилось следовать за ним. Ахра выбежал на поляну первым и замер, удивлённо оглядывая место битвы, не веря своим глазам. Фэйари, всё ещё в облике юнца, манерно стряхнула меч и вложила в ножны. Затем развернулась и поморщилась. В этот момент на поляну ворвался Тантрион, пугая своим появлением юнца. Трупы двух светлых эльфов и для него стали сюрпризом. Руны продолжали жечься. Немель оглядывал морок, отмечая запах

крови, смешавшийся с ароматом листвы и цветов.

— Они сами виноваты. Я предлагал им уйти, но они напали вдвоём!

Оправдывалась фэйари, отступая от короля, но он заключил её в объятия. Аромат крови усилился. Ахра обошёл трупы, отмечая особенность ран. А малышка не так проста, как казалось тёмному, — запрещённый у светлых и вполне легальный стиль боя с мечом тёмных. Откуда она знала его? Кто мог научить её стилю Древних «Порхающая смерть»?

— Хэни, ты цела! — шептал Тантрион.

Тёмный видел, какими влюблёнными и преданными глазами смотрела на него фэйари. Истинные чувства отражались на лице морока. Ахра в раздражении выдохнул, не в силах смотреть, как рушились его планы, и вновь оглядел трупы. Приторно сладкий, знакомый ненавистный аромат тревожил его обоняние. Взгляд его отметил окровавленные клинки, и он резко оглянулся на парочку. Тантрион прижимал к носу юнца носовой платок. Его белизна стремительно алела.

— Хэни, слышишь меня? — встревоженно шептал Тантрион.

Юнец закивал головой, всё так же преданно глядя на короля. Но взгляд его уже не был ясен, а ноги ослабли.

— Она ранена, — подсказал Ахра королю лесных эльфов. Фэйари обернулась на него и оскалилась, приподнимая верхнюю губу, кривляясь.

Древний давно не видел столь непосредственного эльфа, пусть и юного, но не испытывающего к нему и толики страха и уважения. Словно она знала, что с ней никогда и ничего плохого не случится. Неосмотрительно со стороны родителей и самого короля столь яро оберегать не видевшую настоящей жизни девчонку. Выстроенный хрустальный мир рухнет, когда она окажется лицом к лицу с жестокой реальностью. Она сама сломается.

АхраШеррот прищурил глаза, наблюдая за королём, который поднял на руки истекающую кровью фэйари. Тёмный надеялся сманить её, а тут такая любовь, что третий будет лишним. Хотя попытаться стоило завоевать, сломать радужный мир, подарить свой.

На поляне через считанные секунды стало оживлённо. Начальник дворцовой стражи с небольшим отрядом оцепили периметр кровавой расправы, ещё один эльф из Ледяных пределов в немом горе приблизился к телам своих братьев.

— Не подходите, — резко приказал тёмный.

Король уже ушёл, спеша во дворец со своей драгоценной ношей.

Начальник дворцовой стражи махнул головой своим стражникам, и те увели северянина к деревьям, а ещё пара приблизилась к самому тёмному.

— Что здесь произошло? — строго спросил его Гасаритон.

— Мне-то откуда знать? — насмешливо ответил Немель. — Вызывай следаков. Тут явно была стычка интересов. Напали двое на одного. Юнец еле живой. У этого, — Ахра указал на эльфа с широким лицом, — яд Паучихи в крови. Как он проник на территорию дворца?

— А ты как? — дерзко бросил ему Гасар, который хоть и был зол, но отдал распоряжение срочно призвать на поляну следственный отряд.

— У меня в крови яда нет, — с ещё большим превосходством отозвался Ахра, — и мне пора оставить вас, досточтимый. Мой господин нуждается в уходе. Кто, как ни раб, должен исполнять его любую прихоть.

Ласковые прикосновения к волосам меня разбудили, но не выпустили из сладкой неги. Открывать глаза не хотелось. Любимый аромат окутывал, споря с ароматом горьких полевых трав. Я была в лазарете. Я помнила, почему тут оказалась — смертельный поединок. Я выиграла, забирая жизни, отдавая в ответ плату кровью. За всё надо платить, а за чужую жизнь своей собственной кровью, иначе придёт откат страшный и сокрушительный, если боги не получают достойную жертву.

Так всегда учила нас мать, и Хани повторял мне много раз, что «Порхающая смерть» требует жертвоприношения. Что если не дать смерти испить своей крови, то можно поплатиться за игру в вершителей судеб. Не нам решать, когда и кто должен закончить свой жизненный путь. Мы не боги, но порой другого выбора у нас нет.

— Раны незначительные, просто переутомление. Госпожа игнорирует полноценный обед, а может, и ужин. Она не отличается от дев своего возраста. Всё стремятся быть стройными, чтобы ветром сдувало, — ворчал где-то по близости знакомый голос королевского целителя.

— Но она столько крови потеряла.

Я радостно улыбнулась, услышав обожаемый голос, растекающийся по моим венам патокой. Сразу вспомнилось, как мы с любимым стояли обнявшись. Он узнал меня даже под мороком! Я помнила мимолётный холод ветерка, когда Тантрион снимал с меня чары мастера Брентиэля, освобождая от чужого лица, и мне стало легче дышать.

— Не так и много, мой король, просто вам так кажется. Все мы беспокоимся за тех, кто нам дорог. Она должна скоро прийти в себя. Заставьте её поесть. И никаких тренировок, пока не восстановится.

— Как скажете, господин Айторин, — выдохнул мой король, мой любимый, мой самый нежный и внимательный. Он не ушёл, как я того боялась, был рядом, хотя, наверное, у него было много дел. Но ему я была куда важнее.

— Она улыбается, так и должно быть? — врезался в мой мир безмятежности надоедливый до икоты, доставший до самых печенок голос тёмного. Ну почему он постоянно лезет и всё портит!

Я открыла глаза, обернулась к нему, состроив угрожающую мину. Он ответил мне наглой улыбкой. Тёмный неуловимо изменился. В глазах его появился огонь жизни, на серой коже шее змеились белой вязью руны Древних. Он всё так же был в плаще и с забранными в высокий хвост волосами. Только сейчас я заметила серьги в его ушах. Драгоценные камни хищно блеснули, я знала, что каждый из них амулет. Я видела такие у тёмных пленных. Трибор запрещал к ним прикасаться, так как они могли и убить любопытного и жадного до чужого добра. Затем повернула голову в сторону моего любимого. Оба эльфа сидели с разных сторон от кровати, словно у одра смертельно больного. Обеспокоенные голубые глаза окутали своей нежностью. Густые брови сошлись на переносице, прокладывая две морщинки. Его губы шевелились, зовя меня по имени. Я поплыла. Пальцы короля ласково прошли по моей щеке. Я любовалась водопадом белоснежных волос. Серебро одежд владыки, как и прежде, переливалось на свету. И этот идеал склонялся надо мной, только мой.

— Надо её накормить и пусть ещё поспит, — напомнил о своем присутствии хозяин лазарета.

— Хэни, Хэни, ну что ж ты так неосторожна? — ласково поругал меня мой король.

Я пожала плечами. Ну я же не виновата.

— Они сами на меня набросились, — сипло отозвалась, пугаясь своего голоса. Словно простудилась. Пришлось прокашляться, чтобы продолжить. — Я защищалась.

— Знаю, любимая, знаю.

Меня как молнией поразило. Любимая! Он назвал меня любимая!

— Ваше величество, — тут же заворчал лекарь, появляясь в поле зрения, всё такой же молодой и полный сил, в извечно бордовой тунике. — Что же вы делаете? Ещё нервного срыва мне не хватало. Госпожа Ясил, вам пока нельзя нервничать, — запричитал господин Айторин, но мне было не до него.

Сердце в груди забилося, радостно и быстро. Любимая, он назвал меня любимая! Да это самый лучший день в моей жизни! Я, кажется, плакала, так как мой король пальцами вытирал мне щеки.

— Не стыдно издеваться над ней, — сухо произнес тёмный. — Она же поверит, что ты её любишь.

Король поднял взгляд от меня, холодной яростью окинул его, я тоже обернулась, чуть приподнимаясь на локте. Боль в боках терпимо резанула по нервам.

— Не вмешивайся в то, о чём не знаешь, — предостерёг его мой любимый.

— Чего это я не знаю? — рассмеялся тёмный. Я молчала, так как голос меня ещё не слушался, но высказаться хотела. Чего это он такой дерзкий! Раб называется.

— Я не знаю того, что она нужна тебе только из-за уникального дара, позволяющего подчинять всех себе?! Конечно, откуда мне знать, ведь это я причина смерти твоей первой жены...

— Замолчи! — крикнул Тантрион, вскакивая со своего места. — Не смей упоминать о ней своим поганым ртом.

— Не замолчу. Ты же растишь её, — тёмный указал на меня, а я вздрогнула, испуганно оборачиваясь к моему королю в поисках опровержения, — как замену той, ушедшей за грань.

Тёмный замолчал. Я в шоке смотрела на двух мужчин, которые, нависая над кроватью, с ненавистью глядели друг на друга. Я была между ними и не знала, что мне делать. Кому верить? Что, вообще, происходит? Только что я плыла от счастья, а теперь было холодно и страшно.

— Ты ничего не знаешь о любви, тёмный. Ты тот, кто разрушает всё, до чего способен дотянуться. Не тебе говорить о том, что для тебя непостижимо.

— Да конечно, куда уж мне, тёмному, понять твои хитрые планы.

— Перестаньте! — неожиданно строго крикнул на них королевский целитель. Хоть он и был добрее всех в Златолесье, но всегда требовал дисциплины в лазарете.

Я часто бывала у него здесь, так как ушибы и ссадины преследовали меня на каждом шагу в детстве. А добрые и полные мудростью многих веков зелёные глаза господина Айторина помогали моим слезам иссушиться, а боли уйти. Его мягкие тёплые пальцы не снимали усталость и хворь. Его обожали пациенты, особенно пациентки, я даже слышала, как одна настойчивая и предприимчивая особа специально приезжала во дворец, чтобы подвернуть ногу на балу и угодить прямиком в лазарет к господину Айторину. Но, видимо, сердце целителя та ещё крепость, коль он до сих пор живёт своей работой.

Я цеплялась за мысли о судьбе постороннего мне эльфа, чтобы не упасть в чёрную яму, разверзнувшуюся подо мной. Слова тёмного били прямо в сердце. А король, он вспылел. Я всегда знала, что наш владыка горевал о потере своей жены. Но это было так давно. Да, мне никогда и рядом не стоять с той красавицей, портрет которой украшал зелёную гостиную

дворца. Ириадил меня частенько туда водил, объясняя, что его отец не забудет никогда мать. Никогда. И сейчас я слышала боль в голосе любимого.

Никогда — страшное слово. Я подняла взор на своего владыку, который отдал приказ увести тёмного в подземелье, говоря, что в камере ему самое место. Никогда — это даже дольше чем вечность. Я несмело взяла Тантриона за руку. Жалость во мне затмила боль. Значит, растил, чтобы я заняла её место. Стать ему равной. Стать любимой женой.

Тантрион сжал мои ледяные пальцы, согревая своим теплом, поцеловал их. Он сел возле меня, склоняясь, заслоняя от всего мира.

— Хэни, не слушай никогда своего раба.

Опять это слово. Никогда — это невозможно бесконечно.

— Он прав? — тихо отозвалась в ответ. — Я нужна вам из-за моего дара?

— Хэни, не слушай никого. Ты никогда никого не слушала, решения принимала сама и сейчас не изменяй себе. Только знай, что я дождусь тебя. Я столько лет ждал, что уже не в силах отступить. Столько лет горел этим чувством, которое ты возродила во мне. От прошлого не убежишь, любимая, оно постоянно будет преследовать, как бы я ни старался тебя от него оградить.

Я, вглядываясь в лазурь его глаз, слушала успокаивающий голос и боялась разрушить, казалось бы, тонкое, хрупкое стекло, искрящееся в лучах солнца. Мы словно оказались одни в этом мире, вокруг нас разрасталась хрустальная красота, столпами тянущаяся до самого неба. Переливаясь лучами, радуги раскрывали свои веера. Мне слышался звон колокольчиков, пение прибоя. Этот мир был для нас, мы были созданы друг для друга. А прошлое, от него никуда не деться, но главное, это будущее, которое мы сами построим для себя.

— Всё будет хорошо, я обещаю, — шептал Тантрион, а я верила.

Хотела верить ему и доверчиво кивала головой. Я нужна ему, а он мне. Я люблю его так безгранично, что готова ему подарить этот мир из хрустальных стен, которые оберегали нас. Среди этих скал гулял вольный ветер, и мы могли летать, стоило лишь подняться вверх по ступеням, туда, где радуги образовывали невесомые мосты.

— Я тоже обещаю, — шепнула в ответ, улыбаясь.

Мне было так легко и приятно находиться с ним рядом, видеть его, слушать его голос. Меня переполнял свет, песнь ветра, зов моря. Я была счастлива просто смотреть на него. Я была согласна быть ему заменой кого угодно, только бы он продолжал гладить меня по волосам, говорить со мной так сокровенно, откровенно рассматривать, не таясь чужих взглядов и осуждающего шёпота. Я обещала ему мысленно, что у него будет всё хорошо. У нас с ним будет всё хорошо.

— Ваше величество, ей нужно поесть, — напомнил о себе целитель.

Я ещё шире улыбнулась, заметив тень раздражения в глазах любимого. Он не хотел отрываться от меня, как и я от него.

— Владыка, — настойчиво позвал целитель.

Тантрион отошёл, освобождая ему место. Я села на подушках. Установив на моих коленях столик, господин Айтарион стал читать нудную лекцию о здоровой еде. Я ела пресную кашу, состоящую из протёртых овощей. Но мой взгляд был устремлён на прямую спину владыки, который встал у окна, краем глаза наблюдая за мной. Он не улыбался и был предельно сдержан. Руки, сцепленные за спиной, выдавали крайнюю степень задумчивости.

— Меня накажут? — тихо спросила у владыки.

Мне не нравилась его решимость, сквозящая во взгляде.

— Нет, Хэни, конечно же нет, — успокоил он меня чересчур поспешно.

— Госпожа, не отвлекайтесь, — ворчливо вернул меня к работе ложкой целитель. Я проглотила порцию, чуть не скривилась от противного вкуса. Варёную морковь не люблю с детства.

— Но вас что-то тревожит, или это из-за слов тёмного? — продолжила я допрос. — Или из-за того что я стала вашим личным охранником? Мне Трибор говорил, что вы разозлитесь, обидитесь.

— Хэни, я не могу на тебя ни злиться, ни тем более обижаться. Просто не получается. Конечно, я беспокоюсь из-за твоих выходов. Но в этом вся ты. Меня интересует, почему на тебя напали.

— Я тоже не поняла. Обвиняли, что обнимаюсь со всеми, что на вас нацелилась. Не поняла ничего. Словно сами хотели быть к вам ближе. Жаль, уже не спросить. Хотя я им предлагала разойтись по-хорошему. Но они были настроены очень агрессивно.

Я попыталась объяснить любимому, что я не виновата. Затем спохватилась, вспоминая, что король меня ни в чём и не винит. Это было приятно. Полное доверие, значит, и я ему должна ответить тем же.

— Что тёмный говорил о моём даре? — решила прояснить этот момент.

Тантрион обернулся, глянул на целителя, затем на меня.

— Я всё расскажу, когда тебя отпустит господин Айтарион. Тебе пока нельзя нервничать. А разговор этот серьёзный, любимая. Очень серьёзный и долгий.

— Да, только после того как поедите кашу и поспите, только тогда смогу быть спокоен, — опять напомнил о гадости в тарелке целитель.

Если первые ложки я ещё могла в себя затолкать, то последние лезли с зубовым скрежетом. Ну неужели нельзя было посолить? Хотя немного?

Я под пристальным надзором целителя доела, столик убрали, а Тантрион сел на стул, где раньше располагался тёмный.

— Отдохни, Хэни. А как проснёшься, мы с тобой всё обсудим, и нашу помолвку тоже.

Рот у меня распахнулся от изумления. Помолвка! Моя с ним!

— Владыка! — гневно крикнул целитель. — Ну что вы, в самом деле. Она только успокоилась!

Я вцепилась в руку владыки, который улыбался, как нашкодивший юнец. О боги, я сейчас умру от умиления. Да что там слёзы, кровь пойдёт носом. Как же он красив в своём очаровании.

— Мой король, — шепнула ему в ответ.

— Спи, Хэни, сладких снов, — шепнул он, погружая меня медленно с помощью чар в глубокий сон. Я не обиделась на него, понимала, что целитель и так на него ругается, а мне нужно поспать, чтобы поскорее настало утро. Помолвка! Неужели мои мечты сбудутся!

Тантрион

В кабинете владыки собрались все мужчины семьи Ясил. Король сидел и слушал донесение старшего сына советника. Тёмные опять зашевелились, стягивая к границам свои войска. В этот раз они решили идти не подземными тоннелями, которые завалило

устроенным владыкой землетрясением, а по старинке — через лес. Значит, нападение нужно ждать в ночное время. Плохая новость, как, впрочем, и то, чем пришлось королю поделиться с советником и его сыновьями. Гасаритон Хриантэль запаздывал на совет, так как выяснял, при каких обстоятельствах ученику мастера Каятона получилось пройти через ворота города и дворца, обходя защитные чары, наложенные самим владыкой.

— Откуда она знает стиль «Порхающая смерть»? — спросил Владыка, смерив советника пронзительным взглядом.

— Она дочь первых клинков королевства. Она много чего знает и умеет, — не думал оправдываться Арганон, хотя тревога в нём была.

— И много запрещённых знаний в её голове? — уточнил владыка.

— Нет, — ответил за отца Ханинэль, — мой король, она не так многому успела научиться. Только тому, что я посчитал нужным её обучить.

— Почему «Смерть»? — жёстко спросил Тантрион, он догадывался, кто натаскивал Хэни, ведь не мог советник столько времени посвятить своей дочери, занимаясь государственными делами.

— Потому что с ней она выживет при любом раскладе, — смело ответил младший Ясил, взрывая терпение владыки.

— Она истекала кровью! — зашипел Тантрион. — Почему ты не научил её уворачиваться от клинков противника?

— Мой король, это дань за отнятую жизнь, — тихо произнёс советник. — Вы разве не знали об этом? Когда решаешься забрать...

— Знаю! — выдохнул король, сжимая пальцы в кулаки. — Но она не наёмник и не воин, который должен отдать дань!

— Все должны отдавать. Перед смертью все равны, — возразил Арганон. — Моя дочь выполнила все условия, и смерть оставила ей жизнь. Этот стиль самый эффективный и выбор Ханинэля верный.

Спор прекратил стук в дверь. Тантрион, прикрыв глаза, пытался справиться с раздражением. Вид окровавленной Хэни до сих пор сводил его с ума. Словно история повторилась, как много лет назад. Его первая любовь, его огненный мотылёк, отдавшая жизнь во спасение. Свою отдала, принимая смерть Тантриона. Её кровь король долго не смывал со своих рук, как память об утраченной любви.

Хриантэль вошёл в кабинет владыки в обществе командира следственного отряда — Ельтриора. Седовласый эльф, прошедший многие битвы, нёс на своём лице следы от клинков врагов. Его светлые глаза не отражали чувств, а губы больше никогда не улыбались. Тёмный камзол придавал его облику ещё больше мрачности. Сам Гасар был уставшим, мундир изрядно помятый, а сапоги в пыли. Гостевые кресла были заняты, поэтому вновь прибывшим пришлось взять стулья возле небольшого стеклянного столика.

— Мой король, — начал Ельтриор, — мы выяснили, что ученики мастера выловили госпожу Ясил во дворце, затем провели её в парк. Есть свидетели, что она, пребывая в облике юнца Зрамина, не сопротивлялась. Никто поэтому и не обратил внимания на них. На месте происшествия никаких следов магии нет. Поединок шёл без её применения. Они напали на госпожу Ясил одновременно, но были повержены ею. Госпожа понесла небольшие ранения из-за своего морока. Так как по данным свидетелей госпожа была плотнее, нежели на самом деле. Если бы она дралась в истинном облике...

— Достаточно, — остановил его Тантрион. Он и так знал, что если бы не морок, то

Хэни была бы мертва.

Ясилы молчаливо слушали доклад командира. Ханинэль побледнел, Трибориндил, до этого сидевший хмурый, потемнел лицом ещё больше, а советник опустил голову.

— Теперь вы понимаете, отчего я злюсь? — обратился Тантрион к Ясилам. — Ханинэль, ты должен был больше уделять внимание уворотам. Она юркая, гибкая. Её преимущество в этом, а не в силе и скорости.

Хани кивнул, желваки на его скулах заходили. Гнев искрился в глазах.

— Гасар, что у тебя? — обратился к нему король, давая время Ясилам понять, что Хэни они могли потерять.

— На теле Лесновэля нашли сильный экранизирующий артефакт. Эксперт по артефактам сказал, что семейные чары оберегали юношу. Укус свежий, чуть больше недели назад. В это время на Ледяные пределы была организована вылазка тёмных разведчиков.

— Я читал отчёт, — кивнул Тантрион.

— Лесновэль участвовал в той битве, — продолжил Гасар твёрдым голосом, без тени эмоций, — вернее всего тогда и был укушен пауком, но артефакт сдерживал действие яда. Также специалист выдвинул предположение, что именно из-за действия артефакта охранные чары врат не сработали. Просмотрев отчёты стражников, выявил, что ворота странно среагировали на Лесновэля, но не так, как на тёмного и врага. Юноша не замыслил что-то против вас. Он хотел стать вашим охранником без злых намерений, это была его искренняя мечта.

Тантрион рассматривал перстни на своих пальцах и думал, как усилить охранные чары. Войска тёмных на границах. Отравленный воин проник во дворец. Тёмный Древний томился в темнице. Хэни чуть не погибла из-за своей самонадеянности. Словно тучи сгустились над королевством Златолесье. На душе короля притаилась тревога.

Подготовка к нападению тёмных велась до самой глубокой ночи. Были подняты все отряды, призваны отставники. Тантрион связался с госпожой Ясил, наместницей Ледяных пределов. Она тоже отметила странное затишье. Предупредив госпожу наместника, Тантрион явился в лазарет, но Хэни всё ещё спала, а рядом с ней сидел Ханинэль.

— Простите, мой король, я виноват перед вами и сестрой.

Тантрион махнул рукой, останавливая не нужные никому извинения.

— Я виноват, что она такая, — расстроено шептал юный эльф, — забыл, что она хрупкая дева. Бесстрашная моя Хэни. Я виноват перед тобой, прости. Больше ты у меня оружия в руки не возьмёшь, будет вышивать платочки, как все нормальные благородные дочери леса.

Тантрион раздражённо выдохнул, но Хани опять не обратил на своего короля внимания. А стоило бы, ревность разыгралась в Древнем.

— Зачем вообще полезла против северян? — продолжал вопрошать Ясил у спящей Хэни. — Почему не позвала на помощь? Глупая моя сестрёнка. Прости, я плохой для тебя учитель.

— Господин Ясил, вам пора на службу, — напомнил ему король.

Тот поднял на него затуманенные горем глаза, придающие красивому юному лицу щемящую ранимость. Хани удручённо кивнул и покинул лазарет, поцеловав на прощание сестрёнку в лоб.

Тантрион, прикрыв глаза, пытался унять неуместную ревность и зависть. В семье Ясил давно сложились столь трепетные чувства. Выходцы из земель Зорь, они не утратили старые

традиции. Одной из них был личный круг, куда входили те, кому они безоговорочно доверяли и любили, самоотверженно берегли. Но они же бесстрастно отнимали жизни у чужих. Хэни не была исключением, истинная дочь первого клинка королевства. Владыка не видел и тени раскаяния в её глазах, ни там, на поляне, ни после того как она очнулась здесь.

Приблизившись к кровати, которая в лазарете занята была единственная, король склонился над юной эльфийкой. Кожа так и не восстановила здорового румянца. Густые ресницы отбрасывали тени на её бледные щёки.

— Спи, Хэни. Спи, набирайся сил. Не будешь ты вышивать платки, обещаю. Сам тебя научу всему, что захочешь, — обещал Тантрион, мысленно представляя, как уже не нужный братец будет стоять и обиженно за ними наблюдать. — Спи, моя фэйари.

Он склонился ещё ниже и коснулся розовых лепестков её губ, даря им тепло своего поцелуя. Ресницы Хэни дрогнули, но она так и не сумела проснуться. А Тантрион прикрыл глаза, наслаждаясь мягкими губами своей избранницы. Совсем скоро она сможет отвечать ему на его порывы. Очень скоро она будет его. Открыв глаза, владыка усмехнулся, ласково провёл по рыжим волосам. Никакие потуги тёмного не способны отобрать её.

Мне снился сказочный мир из хрусталя. Я парила, легко перескакивая с одного искрящегося в лучах солнца прозрачного уступа на другой, весело смеясь, убегая от моего короля. Он с ленцой нагонял меня, улыбался, ловя мой взгляд. Я не могла ускользнуть от него, он появлялся то тут, то там, играя со мной. Я веселилась, как заяц прыгала, но белый лис, владыка, был стремителен и быстр. Меня не могли от него укрыть ни белёсые облака, ни разноцветные радуги. За одну из них я спряталась, украдкой выглянула, выискивая Тантриона. Неожиданно крепкие руки обняли меня за талию, я восторженно взвизгнула. Владыка развернул меня к себе лицом. Я рассмеялась, довольная тем, что он меня, наконец, поймал в свои объятия.

Тантрион долго всматривался в моё лицо, дождался, когда я успокоюсь, а затем... Наши губы встретились и тут же я услышала:

— Опять улыбается, — усмехнулся где-то рядом тёмный.

Я отстранилась от владыки, держась за его плечи, недовольно взглянула на обнаглевшую заразу. Тёмный стоял чуть поодаль, возле хрустальной стены, подпирая её спиной, всё в той же чёрной тунике, ткань которой обтянула сложенные на груди сильные руки. На сером лице показное омерзение и прищур жёлтых глаз.

— Завидно? — дерзко бросила ему.

— Просыпайся давай, — усмехнулся тёмный, и стекло под ногами затрещало, а затем и вовсе рассыпалось, а мы с моим королём упали вниз.

Я резко вскочила на кровати, крича от страха.

— Ну, наконец-то, — проворчал тёмный.

Он был, как и во сне, в чёрной тунике, видимо, другой одежды ему никто не предложил. Я не понимала причину его недовольства. Атмосфера в госпитале всегда отличалась от всего остального мира. словно в этом крыле время останавливалось. Накрахмаленные простыни холодили кожу, аромат лекарств, заставлял погружаться в неприятное безразличие. Но это оцепенение слетело, стоило услышать раздающиеся за окном странные пугающие звуки. Я долго пыталась вспомнить, что там так могло гроыхать, рассматривая залитый светом проём окна.

— Тебе что в темнице не сидится? — недовольно пробормотала, не желая отвлекаться на тёмного. Тревога всколыхнулась от того, что происходило на улице. А там было что-то ужасное, так как диск солнца закрывал белый туман.

— Он рассказал тебе кто ты, госпожа? — спросил он у меня, а я откинула одеяло и бросилась к окну, так как, наконец, поняла, что могло так гроыхать. На город напали големы!

— Ты слышишь меня или нет? Он рассказал тебе кто ты и что можешь? — яростный голос тёмного раздался за спиной.

Я обернулась к нему. Наказ короля я помнила, поэтому и оттолкнула от себя мужчину, направляясь на выход из лазарета.

Удивительно, почему здесь было так тихо, словно все вымерли. Ни одного целителя не было, даже в коридоре. Я шла, как была, в белой тунике пациента, босая, к себе в комнату. Нужно было срочно переодеться.

— Эй, госпожа, куда собралась? — не отставал от меня мой раб, который, кажется, не понимал своего положения, или не принимал его. — Госпожа, ты должна знать, что ты очень сильная волшебница, и ты можешь остановить то, что сейчас происходит возле стен города.

Я закрыла уши руками, пытаюсь выполнить наказ короля. Не слушать тёмного, не слушать, чтобы он мне не говорил.

— Ты можешь спасти своих родных и короля. Это големы! Понимаешь? Каменные глыбы. Они разнесут стены города и погибнут мирные граждане. В тебе столько силы, госпожа, что тебе подвластно абсолютно всё!

От мраморных стен отражались чуть слышные шаги, приглушенные ворсом гобеленов. Навстречу нам шёл Мэнатель в чёрной кольчуге поверх зелёной куртки. Он был вооружён. Волосы заплетены в боевые косицы, заканчивающиеся острыми железными наконечниками. Всегда мечтала научиться этому стилю боя, но Хани запрещал даже думать, говоря, что я слишком медлительна для косиц, могу себя поранить. Оглядев меня с головы до босых ног, Мэнатель нахмурился, затем остановился и склонил голову.

Я отняла руки от ушей, так как дело это было бесполезное, всё равно всё слышу, как ни старалась.

— Только прикажи и големы будут тебе повиноваться, — шепнул тёмный.

Я опустила голову, злясь. Близость раба раздражала. Он специально соблазнял речами. Нельзя его слушать. Тантрион велел не слушать, а ему я доверяю безоговорочно.

— Наш владыка послал меня охранять вас, госпожа Ясил, — учтиво объяснил своё присутствие мой напарник.

— Благодарю, но ты должен охранять владыку, — возразила я.

Если мы здесь, то кто прикрывает сейчас спину моему любимому? Нужно срочно спешить к стенам!

— Да, да. Я сам смогу охранять свою госпожу. Знаешь ли, опыта у меня больше, — тёмный попытался своим презрением ранить Мэнателя, но тот пристально рассматривал меня.

— Узнал? — улыбнулась я ему, повертевшись перед ним, чтобы со всех сторон обозрел. — Или до сих пор не помнишь, что виделся со мной на кордонах.

— Госпожа, там големы, возможно, вашего короля прихлопнули, а вы тут перед юнцом красуетесь в просвечивающей тунике, — ехидно вставил тёмный, а я готова была зарычать на него. — Он вас в жизни не вспомнит, так как пялится в разрез горловины. Интересно, что он там потерял? — продолжал издеваться над нами мужчина. За что был пронзён нашими угрожающими взглядами — моим и Мэнателя.

— Король сказал не слушать вашего раба, — бесстрастно поделился со мной ученик моего брата.

— Да, мне тоже.

— Ах вот оно что! А я думал — ты оглохла. Я так понимаю, что он опять промолчал о твоём даре, и очень зря. Но ничего, я восполню пробелы в твоём образовании, госпожа. Дар у тебя очень специфический, ты может пожелать всё что угодно и всё это что угодно сбудется. Вот о чём ты желала в последний раз, помнишь? А теперь вспомни, оно сбылось?

Я смотрела в серые глаза Мэнателя и чувствовала холодный пот, стекающий вдоль позвоночника. Смотрела и не видела ничего. О чём я мечтала? О Тантрионе. Сбылось? Неясно пока, но он назвал меня любимой. Я сопоставляла многие факты моей жизни. И эти

мысли пугали меня. Я всегда получаю что хочу. Почти всегда. Ставлю цель, иду напролом, пока не получу желаемого. Так было всегда, с самого детства.

— Не слушайте его, — схватил меня за плечо Мэнатель, встряхнув. — Он тёмный...

— Я раб госпожи, — стал оттеснять от меня напарника тёмный. — Я не причиню ей никогда вреда. Я связан клятвой и долгом жизни, юнец. Что ты знаешь о долге жизни, чтобы клеймить меня позором? Да, я тёмный, кожа, знаешь ли, от яда посерела. Но и ты может таким же стать, стоит Паучихе каждый день впрыскивать в твою кровь свой яд.

— Замолчи! — приказала я рабу, не больно надеясь на успех, но он взял и замолчал, лишь скалясь, как волк, на Мэнателя. — Как тебя зовут?

Тёмный поклонился, прижимая руку к груди.

— Моё имя АхраШеррот Немель, моя госпожа Хэни, — издевательски ласково шепнул тёмный, выпрямляясь. — И я ваш раб.

— Ты заноза в пятке, а не раб, — раздражённо ответила ему. — Откуда ты, вообще, знаешь о моём даре.

— Как откуда? — усмехнулся тёмный, протягивая ко мне руку, но я ударила по ней, чтобы не наглел. Жёлтые глаза предупреждающе сощурились, но голос источал лишь ласку и немного иронии. — Ваши волосы, моя госпожа, это верный признак. И я знаю очень много об этом мире и землях Зорь.

Я вздрогнула, понимая, что передо мной один из Древних. Мэнатель ловко встал между мной и тёмным.

— Отойди от неё и не разговаривай.

— Меня владыка освободил как гарант того, что она останется жива и невредима. Долг жизни, знаешь ли, — безмятежно отозвался АрхаШеррот, ну и имечко у него.

А затем я вскрикнула, так как стремительные движения тёмного я не успела даже отследить, а Мэнатель уже лежал на полу, и на нём сверху сидел АхраШеррот, белозубо улыбаясь. Затем подмигнул и, зловеще шипя, произнёс:

— Вы, детишки, ничто против меня.

— Отпусти его немедленно! — крикнула, бросившись на выручку Мэнателю, но тёмный, послушный моему приказу, чуть кривясь, подчинился. Рабская вязь вспыхнула на его коже, но тут же угасла.

Мэнатель плавным движением поднялся с пола, его лицо кривила злоба. Я почесала бровь, понимая, что мужчин надо разводить, или же дать подраться, выяснить отношения. Хотя у Мэнателя была старая рана на душе, ведь он хранил чужой меч, значит, затаил жажду мести, которая ведёт его.

— Так, я одеваться, а вы тут не убейте друг друга.

Я развернулась в сторону лестницы, но тёмный, как приставучая колючка репейника, остановил, преградив дорогу.

— Госпожа не хочет услышать о своём даре?

Вот дался ему мой дар. По глазам вижу, что его распирает мне всё рассказать, и, наверное, присутствие Мэнателя только и сдерживает от желания сделать это прямо сейчас.

— Хочу, но не от тебя, — высокомерно отозвалась, сложив руки на груди. — Мой король сказал, как только я проснусь, он мне всё сам расскажет. Так что я и собираюсь идти к нему прямо сейчас. Не стой у меня на дороге, тёмный.

Раб самоустранился, прижимаясь к стене с явной злостью.

— Ты можешь опоздать! — резко бросил он.

— Вот поэтому я и спешу, — кинула через плечо и припустилась в бег в свою комнату.

Там, за закрытой дверью, я облачилась в плотную кожаную стёганую куртку и брюки, закинула на плечо колчан, достала оба меча, крепя ножны на поясе. Когда вышла из комнаты, оба эльфа — и тёмный, и светлый — ждали меня в коридоре.

Я покачала головой, направляясь к лестнице. Во дворце слышалось оживление. Появились первые раненые. Мы посторонились, пропуская воинов, несущих в лазарет на носилках своих товарищей, и целителей, отдающих указания.

Я в страхе осматривала тех, кого несут, боясь увидеть знакомые лица.

— Ты можешь остановить големов, просто приказав им. Прикажи големам пойти против тёмных эльфов, и они подчинятся, — тихо шептал АхраШеррот.

Я слушала его, не могла не услышать. Взглянув в жёлтые омуты его глаз, почувствовала груз ответственности, который тёмный на меня взвалил. Он ждал от меня действий, верил, что я могу это сделать. И глядя на окровавленные руки целителей, на тревогу в глазах собратьев, я понимала, что должна попробовать, должна постараться. Не имею морального права отмахнуться от слов тёмного.

Молчаливо я бросилась вниз по лестнице. Неслась к тому, кто улыбался мне так, как никому другому, мечтая поскорее оказаться рядом с тем, кто приходит ко мне во снах. Я стремилась к моему любимому. Он обещал рассказать, он должен дать подсказку как мне быть. В городе царил беспорядок. Эльфы бежали к воротам, чтобы сдержать атаку големов. Тупые каменюки, с ними было тяжело сражаться. Практически неуязвимые. Я обернулась к тёмному, прокричав на бегу:

— Как вы ими управляете?

— Не мы! Паучиха подчиняет их своей воле и передаёт поводки своим жрицам, матерям домов. Тебе надо подчинить их себе, приказав. Скинешь подчинение Паучихи и спасёшь многих.

— А тебе не жалко тех, кто в этом случае погибнут. Это же твои братья.

Немель поджал губы, а затем и вовсе направил свой взор вперёд, на ворота. Стены города были достаточно высоки даже для каменных существ. Толстые, надёжные, они защищали нас столько тысячелетий и сейчас не поддавались под натиском устрашающих ударов. Земля дрожала под ногами, металлический привкус крови витал в воздухе. Я оглянулась на своего напарника. Мэнатель смерил тёмного задумчивым взглядом, бежал рядом, не отставая, проталкиваясь через собравшихся воинов. В небо взмывали стаи стрел, со стен големов поливали магией. Крики приказов заглушали пронзительные пiski пауков, лязг мечей. Битва была жаркой. Я терялась, выискивая короля. Трибор кричал, отдавая команды своим войскам, рядом Хани прикрывал брата. С другой стороны от ворот на стене командовал Гасар.

— Ну же, — рычал надо мной тёмный, а я растерялась. Я бежала чтобы увидеть Тантриона, а не найдя его, испугалась.

— Я должна поговорить с королём.

— Нет времени, госпожа. Смотрите, ворота скоро не выдержат.

Я проследила за рукой АхраШеррота. Он был прав: многовековые ворота трещали, прогибались железные скобы, лопались древесные волокна и охранные нити чар.

Я ещё раз оглядела стены, но тут было столько эльфов, и среди рыжих так много блондинов, а нужен был лишь один единственный. Где же он?

Я подбежала к стене, подальше от братьев, чтобы они меня не заметили. Выхватив

«Смерть орков», стала подниматься вверх. Тёмный ругался на меня, поднимался следом, не давая Мэнателю быть за моей спиной.

— Госпожа, вы тянете время! Нужно действовать сейчас! Ну же, прикажите им!

Я взобралась на стену и ужаснулась количеству тёмной армии, которая прорубила себе путь через лес, уничтожая вековые деревья. Не видно было даже рва под стенами города из-за полчищ тёмных, которые пытались взобраться вверх по осадным лестницам. Я насчитала восемь големов, паучьих всадников чуть больше сотни, а ещё были лучники и море пеших. Я обернулась на тёмного и в этот момент, наконец, увидела короля! Тантрион стоял в окружении личной охраны на стене с другой стороны от ворот и взывал к своей магии. Ветер развеивал рыжую ткань плаща, как знамя, теребя её, раздувая. Земля под ногами тёмных зашевелилась. Наши продолжали щедро поливать смертоносными заклятиями и острыми стрелами врагов. Но големы! Они были проблемой.

Я прикрыла глаза, решаясь. Нужно было понять, как, вообще, управлять этими камнями. Вокруг был оглушающий гул и грохот, мешающий сконцентрироваться. Я не раз была на полях сражений, и чувство самосохранения кричало об опасности. Нельзя стоять, нужно было двигаться. Среди этого гомона я услышала певучий сильный голос Тантриона. Он взывал на Древнем языке к матери-земле. Ветер шептал, что поможет, подбадривал меня, ластясь о щёки, теребя волосы, которые я не успела заплести. Но самый отчётливый звук, который я слышала, — это каменный скрежет. Так двигались големы. Нехотя, с трудом передвигая ноги, тяжело замахивались, чтобы обрушить всю свою мощь на городские стены. Я мысленно представляла големов, определяя их местонахождение по звукам, я пыталась слиться с ними.

— Госпожа Ясил! — крикнул Мэнатель.

Меня дёрнули в сторону, но я продолжала выстраивать линии, начав чувствовать, словно сам мир мне шептал. Я вскинула руку, как делал Тантрион, повелевая своей стихией. Слова сами сорвались с губ, я вложила свою волю, уверенность и команду к беспрекословному выполнению:

— Остановитесь.

Скрежет прекратился в один миг. Ветер радостно запел. Тёмный шептал одно лишь слово: «Молодец». Я боялась открыть глаза, чтобы не растерять решимость и концентрацию. Я чувствовала, как каменный холод щиплет кончики пальцев.

Сжав руку, приказала:

— Растопчите тёмных эльфов!

И скрежет возобновился, тяжёлые ноги поднимались, наступая на ставших враз врагами бывших хозяев. Страшный писк пауков взбудоражил кровь.

— Держись, — приказал тёмный.

Да, я чуть не отпустила нити, холод, который чувствовала в своей руке. Продолжала стоять с закрытыми глазами, слушая боевой клич светлых эльфов, весёлый смех ветра. В моем воображении големы ушли достаточно далеко, гоня прочь к нашей границе тёмных эльфов. Я отдала последний приказ:

— Вы просто камни, вы скалы, уснувшие навек, вы стражи, охраняющие земли светлых.

Моя рука устало упала. Опустошение накрыло с головой, я еле держалась на ногах. Открыла глаза, смотря сквозь дым на каменные глыбы, возвышающиеся над деревьями. Наши войска ринулись в атаку с боевым кличем. Наши флаги гордо реяли. У моих ног лежали мёртвые, невидящим взором глядя в небеса. На грубо отёсанных серых плитах,

омытые красной кровью лежали те, кто несколько минут назад были полны жизни. Тёмный обнимал меня за плечи, успокаивал. Меня трясло словно от холода, я пыталась согреться, чуть привалившись к крепкому мужскому телу, морщась от непривычного запаха. Мэнатель тоже был рядом, склоняя в почтении голову перед тем, кто приближался к нам. Мир перед глазами плыл, в ушах стоял гул сердца, которое перегоняло кровь в венах.

— Ты! — зашипел любимый голос, а затем моя опора исчезла, но упасть мне не дали — король бережно поймал в объятия. На миг прикрыла глаза, улыбнувшись. Мой король. Его сильные руки прижимали меня к себе, его аромат окутывал, ограждал. Наконец, мы вместе, как во сне. Я бросила короткий взгляд на АрхаШеррота, который прижимал руку к разбитому носу.

— Она ещё молода для таких нагрузок! — яростно кричал на него мой король.

— Ей пора учиться! — не остался в долгу тёмный.

Я быстро приходила в себя, прижавшись к любимому, ловя исходящий от него аромат гари, вспоминая, что мы стоим у всех на виду, и король, не стесняясь, держит меня, не давая упасть. Я даже не слушала о чём ругается он с тёмным. Умиротворение постепенно вытравило из сердца странную опустошённость после управления големами. Холодный металл его лат быстро согревался от соприкосновения с моей алеющей щекой, помогая ей остыть. Не ожидала, что мой возлюбленный не станет скрывать то, что стало откровением для меня ещё вчера. Владыка легко и спокойно показывал свои чувства ко мне, и я украдкой поглядывала по сторонам. Воины понимающе отводили взоры, чтобы не вводить меня ещё больше в краску.

— Не тебе её учить, тёмный! — кричал король, от чего его грудь ходила ходуном, а я ещё сильнее оказывалась прижата к ней.

— А кому? Ты же не доверяешь ей! Скрываешь от неё тайну! Она уже достаточно сильная чтобы властвовать!

Я взглянула в лицо короля. Тёмные брови хмурились, губы кривились от злости, а глаза блестели неприкрытой ненавистью.

— Замолчи, тёмный! Только твой долг не позволяет убить тебя прямо сейчас.

Слова короля в тёмном вызвали лишь смех. Он рванул вперёд, выхватывая у зазевавшегося воина меч, крича:

— А я могу!

— Не сможешь никогда! — вскинулась я, выплескивая свой страх за жизнь любимого.

Я заслоняла собой короля. Острый конец клинка сверкнул у самого носа. Но АхраШеррот со вздохом опустил руку.

— Почему каждый раз между нами возникает Фэйари? — насмешливо спросил он у короля, и в следующий момент его повалили стражники на каменные плиты. Я же обернулась к Тантриону, а он потрясённо глядел на меня. Его пальцы прикоснулись к моим волосам, а я прижалась щекой к его ладони, с облегчением глядя на нежность в голубых глазах короля.

— Хэни, — шепнул он, — маленькая моя Хэни. Что же ты творишь! Он же мог убить тебя!

— Я же его госпожа, — стала оправдываться в ответ. — Раб не может причинить вред своему господину.

— Он мог не успеть остановить руку!

— Он сказал, что опытный воин, успел бы, — отмахнулась я, радостно улыбаясь, хотя на

самом деле сама струхнула. Иногда меч ведёт, а не воин, так что вероятность быть пронзённой клинком у меня была. И это я понимала, как и Тантрион.

— Хэни, — укоризненно выдохнул он и уже смелее обнял, прижимая мою голову к своей груди. — Не делай так больше, прошу.

Я кивнула, чтобы не давать зыбких обещаний. Всякое в жизни бывает. И я не могу стоять и смотреть, как кто-то посягает на жизнь любимого. АхраШеррота увели вниз под конвоем, меня король повёл тоже вниз, туда, где собирались радостные жители, поздравляя воинов и благодаря их за отвагу.

Я заметила Трибора, который слушал донесения своих подчинённых. Он поднял голову, оглядываясь в сторону открытых ворот. В его взгляде сквозила тревога. Я оступилась, выискивая глазами Хани. Я хотела спросить у него, что случилось. Он всегда рассказывал мне о ходе битв, а проспала я большую её часть.

Трибор увидел меня, вздохнул с облегчением, затем кивнул командиру, а сам направился ко мне.

— Где Хани? — прочитала я по его губам и всполошилась. Последний раз я видела его возле брата, а теперь... Я стала оглядываться.

— Что случилось? — заметил моё состояние король.

— Хани не вижу, — тихо ответила.

Спустившись вниз, я побежала к старшему брату.

— Я видела его возле тебя.

— Он командовал отрядом зачистки. Но они возвращаются, а его нет.

— Что? — ахнула я и бросилась к воротам.

Пробежала по мосту, остановилась, всматриваясь в тех, кто возвращался домой. Я искала глазами, расспрашивала у воинов, но никто не видел Хани. Он словно сквозь землю провалился.

— Хэни, остановись! — приказал мне мой король, но я, обернувшись, прокричала:

— Я поищу его! Он, наверное, на третьем кордоне!

Я бежала через лес, цепляясь за надежду, что он там. Я продолжала спрашивать у всех, кто шёл мне навстречу, о брате. Но в ответ лишь усталые пожатия плечами. Его не было ни на первом, ни на втором кордоне. Они сильно пострадали, там стояла такая неразбериха, что я, быстро пробежавшись, поспешила к третьему. Был бы Хани, он бы сумел организовать воинов, которые оставались без командиров.

— Хэни! — продолжал звать меня голос Тантриона, ему вторил Трибор.

Я мотала головой, не в силах остановиться, тревога глодала душу. Где мой Хани? От третьего кордона практически ничего не осталось. Стены были разрушены до основания, уцелела лишь сторожевая башня. Везде пламя и чёрный дым. Остатки некогда непоколебимого отряда собирали тела мёртвых, чтобы отдать им последние почести. Но и здесь Хани не было, ни среди живых, ни среди тех, кто ушёл за грань.

— Хани! — не выдержала я и стала звать его во всё горло.

— Господин Ясил попал в плен к тёмным! Я видел, как его уносили пауки! — прокричал один из раненых, указывая в ту сторону, где замерли каменные големы. Я всмотрелась вдаль и увидела, что тёмные ещё недалеко ушли, и рванула, было, за ними, но крепкие руки схватили.

— Нет, любимая, нет! — шептал мой король. — Мы найдём его. Найдём.

— Он там! — кричала я, вырываясь. — Мы должны его спасти!

— Спасём, Хэни, мы обязательно его спасём, но не сейчас, — попытался успокоить меня мой король.

— Нет, надо сейчас. Они недалеко ушли. Я должна спасти Хани! Трибор, его унесли пауки! Если его укусят, он станет тёмным!

Брат стоял как изваяние, сжимая до белых костяшек рукоять меча. Он медленно повернул голову к нам.

— Трибор, нужна подготовка. Они сейчас только и ждут, что мы погонимся за ними! Мы не сумеем его отбить. Нужно организовать отряд! Ты же знаешь!

Тот кивнул, прикрыл глаз, а когда наши с ним взгляды встретились... Я никогда не видела старшего брата таким обречённым. Он отошёл от нас, приказывая воинам собраться.

— Хэни, мы должны вернуться во дворец. Соберём отряд, и обязательно спасём Ханинеля, — твердил, как заведённый, король.

К нам подвели коня, я безудержно ревела, умоляя спасти Хани. Я не понимала, почему не сейчас. Вот же они, так близко. Но король шептал, что нужен отряд, подготовка. Наскоком моего брата не отнять. Нужен проводник в подземелья.

Я взглянула в лицо Тантриона. Вытерла слёзы, начиная понимать, о чём толкует король.

— Мой раб подойдёт?

— Конечно, Хэни. Он-то нам и нужен. Дальше начинаются степи и голодные орки. Вход в подземелье где-то на их территории. Пока будем искать, потеряем время. А Ахранитель обязан тебе помочь. Он же твой раб.

Я с удивлением услышала, казалось бы, знакомое имя.

— Ахранитель? Он сказал, что его зовут АхраШеррот.

— Это сейчас его так зовут, — отозвался король, трогая ногами бока лошади, — а раньше у него было светлое имя.

Белоснежный конь домчал нас до столицы в считанные удары сердца, стремительно пронёсся по улицам города и остановился, пританцовывая, возле дворца.

Тантрион легко спрыгнул на землю, протягивая мне руки. Я засмотрелась на него, облачённого в серебристые латы, украшенные тугими колечками в виде веточек Вечного Древа. За спиной оранжевые всполохи дорогого плаща. Яркий самоцвет в малой короне, обхватывающий белый лён волос Тантриона, искрился в лучах солнца. Потянулась к нему и, взлетев, оказалась в надёжных объятиях.

— Я обещаю, что мы найдем Ханинеля. Слышишь? Мы спасём его.

Я кивнула, хотя сердце было не на месте. Сколько уйдёт времени на подготовку, что ждёт моего братика в плену у тёмных? Я отгоняла мысли о смерти. Нет, нет. Только не думать об этом. Он жив и здоров. Я обязательно его спасу, мы обязательно его найдём.

АхраШеррот

Как часто доброта и благие дела выкладывают прямую дорогу в мир боли, отчаяния и страданий. АхраШеррот знал, что светлые эльфы стремятся к лучшему, блюдут добродетель, помогают слабым и страждущим. Совесть светлых эльфов. Как ни упиралась маленькая фэйари, но и она не могла бездействовать, видя, как гибнут её собратья. Доброе сердце, наивный взгляд — ею очень просто управлять. Она подчинилась ему, воспользовалась силой. Тёмный сам не ожидал такой мощи в хрупкой эльфийке. Он знал, на что способна

кровь фэйари, но никогда не видел, ведь прежние властители мира никогда не использовали свою силу во вред.

Стоя рядом с источником непостижимой для него силы, АхраШеррот не мог не восхищаться. Прекрасная эльфийка с волосами цвета заката, вскинув руку перед собой, сжимала кулак. От напряжения тонкие пальцы дрожали. Порывы ветра разметали её волосы, пряча от всех побледневшее лицо. Эльф стоял, не в силах отвести от девчонки взгляд. Он хотел то, чем владела она. Она та, кто мог противостоять тварям, пробравшимся из другого мира. Хрупкая, юная, с возвышенными мечтаниями, с чистым и открытым сердцем. В её власти было уничтожить Паучиху, и он должен был заполучить её, должен ради будущего своего народа, ради тех, кого он обрёл на вечное рабство у страшной богини.

Заслоняя собой госпожу от острых стрел, Немель уже представлял, какие великие дела будут свершаться их совместным тандемом. Улыбка гуляла на серых губах, и песнь сражения, словно эхо будущего, подбадривала тёмного. Таких, как она, в прежние времена уничтожали. Он сам был среди тех, кто вёл войну против фэйари, завоёвывая этот мир. А теперь он раб одной из них, он тот, кто поведёт наследницу. Он поможет взойти ей на верховный трон пантеона, стать равной богам. Своё место он выберет сам, ведь кукловода обычно никто не видит, как и невидимых зрителям нитей, что дёргает он, заставляя двигаться кукол.

Ахра замечтался и пропустил момент, когда один из пауков сумел добраться до верха стены. Несколько эльфов бросилось ему наперерез, срубая тонкие мохнатые лапы. Звон металла, пронзительный писк вернули тёмного в реальность. Он отточенными движениями привычно вспорол брюхо пауку. Чёрная кровь брызнула в разные стороны, пачкая самого эльфа и его меч. Стрелы пронзили всадника. Маг успел перед смертью бросить огненный шар, который чуть не попал в госпожу, но её вовремя спас Мэнатель.

Скинув останки паука вниз, Немель увидел, что ещё несколько пауков также в последнем порыве добрались до самого верха. Одному удалось даже схватить светлого, прежде чем упасть вниз. Паук неуклюже встал и бросился прочь от стен. Светлые эльфы открыли ворота, решившись на атаку. Везде добивали серокожих воинов. Он видел удивление в жёлтых глазах соотечественников. Видел и гасил в себе ярость. Это всё ради них же. Скоро всё изменится. А пока нужно было сражаться на стороне светлых, предавая своих. За его спиной была госпожа — спасение тёмных, да и всего мира, от злобы Паучихи.

Утеревшись рукавом, тёмный обернулся к своей госпоже, которая шаталась, как лист на ветру. Подскочив к ней, Ахра заметил, что к ним устремился сам король. Густые брови хмурились, голубые глаза предупреждающе сверкали гневом. Тёмный усмехнулся ему, прижимая к своему плечу эльфийку. Меч в руке Тантриона сверкнул в лучах солнца. Светлые эльфы не успевали сторониться, освобождая путь своему владыке. Но тот словно не видел их. АхраШеррот ждал его приближения, уткнувшись носом в рыжую макушку, дразня Древнего.

Тот вскипел! Никто не ожидал от всегда сдержанного владыки такой ярости. Удар, которым наградил тёмного король, отбросил того от наследницы фэйари. Немель от неожиданности выпустил её из своих рук. А когда сумел подняться на ноги, заметил лукавую улыбку на её губах. Она, словно молодой побег вьюна, ластилась к груди Тантриона, цеплялась за него, как за самое дорогое во всём мире Ислардии. В её глазах была радость. Ахра взбесился, глядя, как надежда на исполнение его мечты млеет в руках того, кто вечно опережал его. Тантрион всегда получал лучшее, не особо прикладывая сил. Женские сердца

всегда велись на его прекрасное лицо, которое нельзя было назвать смазливym, но притягательным, соблазнительным.

Тёмный дёрнулся, но воины, держащие его, с силой подтолкнули к лестнице. Спускаясь, Немель пытался усмирить себя. Магический резерв как был исчерпан до конца, так до сих пор не наполнялся. Можно было убить во имя Паучихи и получить вожаденную магию, но нельзя дать слабину. Нужно держаться. В нём больше нет яда, а значит, надо искать другие пути. Например, попросить у сердобольных светлых эльфов. Уж они-то должны помочь ему.

Ахра схватился за сердце, захрипел, закашлялся, прикусив губу, сплюнул кровь на землю. Он оглянулся на свою госпожу в желании взмолиться ей. Но девчонки, как и короля лесных эльфов, не оказалось ни среди тех, кто остался на стенах, ни среди тех, кто собирал тела раненых и поил их, облегчая им муки. Зато стражи, держащие его, ускорились, волоча его вдоль по улице, обгоняя носилки с ранеными, телеги и прочих жителей города.

— В госпиталь! — крикнул один из них стражам у дворцовых ворот.

Ахра смотрел на кроны деревьев над головой, усмехаясь. Даже не посмотрели, ранен он вообще или нет. Зато с ветерком доставили до дворца.

Его занесли в соседнюю комнату с той, в которой в своё время лечилась его госпожа. Целитель, молоденький эльф, осмотрел его, сверкая зеленью тёплых глаз, водил руками над грудью тёмного. Стражники вышли, чтобы не мешать другим целителям, каждый из которых был занят лечением ран и спасением жизни воинов.

Немель резко схватил целителя за руку, прижимая её к своей груди, с придыханием шепнул:

— Я горю! Изнутри горю!

Зеленоглазый юноша испуганно смотрел на тёмного эльфа и не понимал что происходит. Отчего силы уходят из него, а пациент корчится от невыносимой боли.

Отобрав руку, он бросился звать главного целителя. А Ахра притих, слушая, как чужая магия успокаивается, наполняя его силой. Заклинание, которое использовал тёмный, называлось «Живоглот». Древнее и достаточно страшное. Таким способом можно было выпить очень многих, но тёмный не собирался выдавать себя, да и портить своё положение тоже. Его всё устраивало.

К нему подошёл хозяин лазарета, хмуро окинул взглядом, и Немель понял, что такого не проведёшь. Блондин, как и прочие светлые, но его отличал отпечаток мудрости в добрых и всё понимающих глазах. Не укрылись от тёмного и следы усталости на узком вечно молодом лице, красоту которого портил длинноватый нос.

— Крикни стражу, пусть уведут его в камеру. Здесь ему уже точно делать нечего.

— Эй! — обиженно крикнул тёмный. — Имейте сострадание. Там плохо кормят!

Королевский целитель покачал головой. Его ученик поспешил в коридор и вернулся оттуда с двумя стражами.

— Если у вас есть антимагические браслеты, то наденьте на него, — холодно посоветовал мастер Айторин.

Ахра зло бросил на него взгляд, но не стал сопротивляться, протягивая руки. Теперь на нём были не только рабские метки, но и браслеты, как у настоящего пленника. Но тёмный пообещал себе не унывать. С такой госпожой он быстро выберется из камеры. Главное подождать, когда она узнает, где он и в каком ужасном состоянии. А он ей покажет всё своё актерское мастерство и бесхитростная девчонка пожалеет, что сразу его не на свою кровать уложила, а оставила в камере гнить.

— И сожгите его одежду, на ней кровь паучихи, и вымойте, воняет, — отдавал распоряжения целитель, закрывая за стражниками дверь в лазарет.

После постыдной процедуры мытья с помощью магии, тёмный эльф переоделся в зелёную тунику, брезгливо огляделся. Без зеркала было сложно судить, как он выглядит, но знал что смешно. Зелёный цвет, девчачья вышивка листиков по горловине и рукавам, обтягивающие брюки и коричневые сапоги. Что могло быть ещё более унижительным, чем стоять голым перед двумя стражами и поворачиваться под струями устроенного для него ледяного водопада? Одеться в одежду светлых эльфов! Тёмный злился на стражников, правда, те оставались равнодушны к его грозным взглядам. Зато после всех издевательств ему дали тарелку с едой, без ложки и чашку с родниковой водой и проводили до мрачных апартаментов.

Оглядев свою темницу, Немель лёг на лежанку, закинув руки за голову. Жёлтые глаза отлично всё различали даже в крошечной тьме, поэтому эльф видел обстановку камеры словно солнечным днём. Даже запах сырости не удручал его. Все удобства были в углу и самоочищались, устраняя любой неприятный запах. Стены его узилища были сложены из больших грубо обработанных камней, явно вырезанных из монолита. Поверх серого камня струились, плавно двигаясь, светящиеся нити защитных чар. Выбраться без посторонней помощи отсюда не удастся. Ахра прикрыл глаза, ухмыляясь. Магия приятно согревала его сердце. Резерв хоть и не наполнился даже наполовину, но придавал уверенности в своих силах. Исчезло чувство немогущности.

Как и думал Немель, не дали ему после скудного обеда вздремнуть. В камеру ворвалась наследница фэйари в чёрной курточке, обтягивающих брюках и небольших мягких сапожках. Одежда на ней, прямо сказать, была необычна для светлых эльфов, особенно здесь, в столице и во дворце. Ахра не видел столько дерзкого наряда ни у одной леди. Волосы стянуты были в тугую косу, на конце которой поблёскивали острые металлические шипы. У госпожи в руках, облачённых в кожаные перчатки с обрезанными пальцами, были вещи и явно мужские. За её спиной неслышно появился король лесных эльфов без своей извечной короны, в чёрной куртке, словно путник. Нехорошие подозрения роились в голове у тёмного эльфа. Что-то произошло и теперь он как-то причастен к этому. Если даже невиновен. Ведь светлые скоры на расправу. С этими мыслями он встал, рассматривая группу поддержки в числе пятерых стражников, которые оставались в коридоре и в камеру не вошли, но следили за ним зорко.

— Вставай, надевай, — приказала госпожа, и рабские метки защипали кожу.

Девчонка была взвинчена до предела и зла.

Тёмный усмехнулся и принял из её рук одежду. Сначала разложил куртку с брюками на лежанке, затем, понимая, что никто уходить не собирается, приступил к раздеванию. Скинул зелёную тунику.

— Эй, ты что делаешь? — возмутилась госпожа. Но Ахра заметил, как заалели её щеки.

— Поверх одевай!

— Так будет жарко, — возразил ей АхраШеррот, чарующе улыбаясь.

— Под землёй не вспотеешь, — возразила та в ответ. Улыбка на серых губах угасла.

— Под землёй? — переспросил он, обращая свой взор к королю.

— Да, ты проведёшь нас в царство Паучихи, в самое сердце и так, чтобы нас не поймали, — строго ответила госпожа. И каждое её слово, как осиные укусы, обжигало кожу, откладываясь в мозгу тёмного эльфа.

— Вот как? — всё также смотрел Немель на короля, который продолжал молчаливо стоять за спиной наследницы фэйари.

— Да, вот так вот! — гордо заявила рыжая эльфийка, задирая нос. — Это мой приказ! И ты его исполнишь, ценой собственной жизни будешь защищать нас, как приведёшь, так и выведешь на поверхность тайными тропами, живыми и невредимыми.

Ахра перевёл взгляд своих жёлтых глаз на госпожу, пытаюсь не кривиться от магии подчинения. Он приблизился на шаг и склонился над ней, заглядывая в серые глаза.

— Позвольте узнать, зачем тебе, малышка, в подземелье? Что он хочет там найти? Уж не войной ли пошёл на Паучиху?

Эльфийка оскалилась, смешно морща нос, и огрызнулась:

— Не твоего ума дело, что мы там собрались делать, ты мой раб и подчиняешься мне! А я приказала тебе отвести нас в подземное царство тёмных эльфов и ты это сделаешь. Так что потеплее одевайся.

Немель усмехнулся, выпрямляясь. Затем взялся за штаны и резко стянул их вниз. Король дёрнулся, прижимая за плечи к себе рыжую эльфийку. Но сама фэйари оставалась спокойной, смотря исключительно в лицо тёмному эльфу и с насмешкой заявила, разочаровывая шутника:

— У меня два брата, что думаешь, я не подсматривала за ними в душе? Поверь, я их видела абсолютно голыми и не только их. Так что тебе особо гордиться нечем.

Тантрион проказливо улыбнулся, приподнимая бровь, молчаливо спрашивая у тёмного: «Съел?»

— Ну что за молодежь пошла? Никакой скромности! — сокрушённо вздохнул Ахра и взялся за чёрные брюки, такие же, какие были на короле и девчонке. Куртку накинул, уже выходя за ними следом из камеры.

— А помнишь, Тантрион, какие раньше благородные леди были. Оголённое плечо покажи и они сразу в краску.

Тантрион обернулся на Немеля, всё так же улыбаясь.

— Мир меняется, и мы с ним.

— Это верно, — согласился с королем тёмный, грустно вздохнув.

Мир меняется быстрее, чем эльфы, которым приходится подстраиваться под нынешнее время, отпуская старые привычки, нормы морали, правила поведения. Мир не стоит на месте, а вместе с ним всё, что находится в нём.

Совет

Мы вернулись во дворец, и Тантрион сразу созвал на совет моего отца и Трибора. Мэнателя впустили как личную охрану короля. Также присутствовал Ириадил и его охранник. Принц сейчас и спорил с отцом, называя всю нашу идею с походом безумством.

Я сидела рядом с Тантрионом по другую сторону стола от родственников, рассматривала свои руки, так как в глаза отца и брата смотреть было тяжело. В них я видела отражение своих чувств — боль и страх. Я пыталась не думать о матушке, для которой известие о пропажи Хани будет самым настоящим ударом.

Кабинет был большим. Я сначала рассматривала карту нашего материка, висящую на стене напротив, но, понимая, как обширна территория степняков, боялась подумать, сколько времени уйдёт на прочёсывание её в поисках входа в подземное царство тёмных эльфов.

Никто не знал, где он может быть, так как это могло быть где угодно!

Я украдкой взглянула на первых мужей королевства, отмечая, как они устали после боя. В грязных одеждах со следами крови они явились по первому приказу Тантриона.

— Я сказал, значит, так тому и быть! — грозно осадил сына король. Все молчали, не встречая в разгоревшийся спор между отцом и сыном. Я вздрагивала от громкого голоса наследника и понимала его страх за короля, который решил не отпускать меня одну. — Ты уже достаточно взрослый для того чтобы взять на себя ответственность за королевство!

Я украдкой взглянула на принца: черты лица его стали жёсткими, кожа местами испачканная, волосы в пепле. Одежда на нём в подпалинах от огненных шаров, которыми атаковали нас тёмные эльфы. Принц заметил мой взгляд и дерзко спросил, указывая на меня пальцем:

— Это всё из-за неё? Это ведь из-за неё ты бросаешь всё и собираешься отправиться в царство Паучихи? Она тебе настолько дорога, да?

Тантрион медленно поднялся со своего места, опираясь руками о столешницу, подался вперед, словно нависая над принцем и всеми, кто сидел по ту сторону от стола. Мне стало не по себе, хотя я находилась рядом с королем, какого же было мужчинам, даже представить не могла. Король умел убеждать, подавлять своей властной натурой.

— Ириадил, мы разговаривали с тобой о Хэни, повторять не буду, — я робко подняла на короля взгляд. О чём они говорили? Не из-за этого ли принц постоянно ко мне придирался? Отец так же, как и я, внимательно прислушивался к словам Тантриона, который продолжал давить на сына. — Память твоей матери всегда трепетно будет храниться в моём сердце, и не очерняй её своими обвинениями.

Я тяжело вздохнула. Опять я во всём виновата. Я пальцем отковыривала грязь с куртки, боясь поднять голову. Теперь из-за меня поссорятся король и принц. Я никогда бы не пожелала такого ни тому, ни другому. Как бы я ни относилась к принцу, но я его уважала, прекрасно понимая, что он любит свою мать, которая давно покинула этот мир. Но для детей родители всегда живы, всегда любимы, и ревность принца была пусть и детской, но искренней.

— Отец, прошу, одумайся! — не выдержал Ириадил, вскакивая с кресла, с силой отталкиваясь руками от подлокотников. — Это опасно! Ради спасения младшего Ясила можно собрать лучших стражей и следопытов, зачем тебе самому лезть туда!

— Потому что они незаменимы здесь! — еще на полтона выше крикнул на него король. — Нужно усилить охрану границ, восстановить кордоны. Степняки нападут, если не будет достаточно сильных воинов на границах. Да и маленький отряд более незаметный и быстрый, чем целое войско.

Мой отец покивал головой, соглашаясь с каждым словом Тантриона, он сложил руки домиком, задумчиво поигрывая пальцами. Трибор смотрел на меня с явным желанием тоже возмутиться, как и принц. Он хотел идти вместо меня, но король даже слушать его не стал. Отмахнулся раздражённо, напомнив, что его место здесь.

— Отец, — позвал принц, и в его голосе было столько отчаяния.

— Я уже всё решил, — остановил его король, затем обошёл стол, снял со своей головы малую корону и надел на сына.

Я видела нежность в глаза короля, и обиду принца, которому ничего не оставалось, как подчиниться решению владыки. Подняв к себе лицо Ириадила за подбородок, Тантрион мягко произнёс:

— Она тебе к лицу, мой мальчик. Привыкай к её тяжести.

— Ты ещё не умер, — возразил принц.

Но Тантрион бросил короткий взгляд на меня. Затем обнял сына, пообещав ему:

— Это временно, не расстраивайся. Как только вернусь, сниму с тебя обязанности короля.

Первым встал мой отец, за ним Трибор и остальные, я тоже. Затем мужчины склонились перед принцем, кроме короля, я же неловко кивнула, не понимая, что происходит.

— Официальная часть завершена, приступим к основной, — возвестил Тантрион и вернулся на своё место.

Ириадил тяжело упал в кресло, чуть ли не с ненавистью глядя на меня в упор. Я не отводила глаза. Не собиралась пасовать перед ним. Никогда этого не делала и не сейчас начинать. Мой брат куда главнее, чем злость наследника.

— Давайте обсудим, что вам следует сделать, пока меня не будет, — предложил король, и началась мужская беседа. Я слушала их, запоминая на будущее, ведь не за горами тот день, когда я буду иметь право голоса в решении таких проблем.

Отец предлагал сделать упор на восстановлении третьего кордона — угроза нападения степняков нависла над приграничными поселениями. Король согласился, отдавая распоряжения Трибору. Принц понял, что умирать от угрызений совести я не собираюсь ни сейчас и ни позже, включился в беседу, выдвигая свои предложения. Я немного заскучала, тоскуя о Хани. Страх за его жизнь всё больше сжимал сердце в тиски.

Наконец собрание было закончено и мы в кабинете остались одни с королем и отцом.

— Хэни, — неожиданно тихо позвал меня отец. Я встрепенулась, оглядываясь на таинственных мужчин. Встала, чтобы оставить их одних. Понимаю, что работа их не ждёт, а тут я сижу, мешаю. — Хэни, ты должна узнать кое-что о себе.

Настороженно обернулась к королю. Кажется, я должна была о кое-чём важном поговорить с Тантрионом, а не с отцом. Король кивнул в ответ.

— Это его право как отца. Я потом дополню, — подбадривающе объяснил он, приглашая сесть.

Я опустилась в кресло, сцепляя руки в замок. Что-то не нравится мне напряжённость отца. Что-то плохое, наверное, хочет рассказать обо мне. Отец тоже сел, долго искал слова, рассматривая меня с какой-то необъяснимой болью. Словно её ему причиняю я! Тяжело вздохнув, я, наконец, услышала от него:

— Хэни, ты унаследовала дар своей матери, точнее, её рода. Фэйари не столько фамилия рода, сколько название расы, чья кровь в твоих жилах. Этой расы больше нет. Только смески как ты. Хотя в тебе больше эльфийского от меня. Я сам не знаю всей твоей силы и возможностей, но одна уже себя проявила.

— Позволь мне, — остановил его Тантрион.

Он взял мои ледяные пальцы в свою горячую ладонь. Я практически не дышала, страшась его слов. Кое-что мне тёмный уже рассказал. Надеюсь, это не запрещённая магия, и меня не осудят за то, что я сделала. Я ведь хотела спасти всех.

— Хэни, фэйари славились тем, что они были очень добрыми. В их сердцах никогда не властвовала злость, гнев, только любовь, добро и сострадание. Они были словно созданы самим светом. И они были могущественными как магически, так и духовно. Моя первая жена была королевой фэйари, ты уже знаешь об этом, и она открыла мне много своих тайн.

Одна из них в том, что женщины-фэйари выбирают себе мужей, влюбляются в них, и те отвечают им тем же.

Я сжала свои пальцы в его ладони, я смотрела в его глаза и таяла, оглушённая стуком своего сердца. Отвечают тем же! Значит, он любит меня. Любит так же, как и я его! Я зарделась, от чего щёки стали пылать, вспоминая, что рядом сидит отец и всё слышит. Хотя они с матушкой никогда не верили мне, и вот теперь всем станет понятно, что он мой! А я его уже давно. Мне никто не нужен, кроме моего короля! От его близости хотелось прикоснуться к его щеке ладонью, провести пальчиками по густым тёмным бровям, утонуть в лазури его глаз, попробовать на вкус эти соблазнительные губы.

— Хэни, — мягко позвал меня Тантрион.

— Да? — с придыханием ответила, мечтая, чтобы он поцеловал меня сам. Я боюсь, что не смогу правильно это сделать, по-взрослому. Видела, как это делал Хани и не раз, подглядывая за ним на конюшне, и это не так просто, как прикоснуться губами. Он знал какую-то тайну, поэтому с лёгкостью умел вскружить юным девам головы.

— Хэни, соберись, — с улыбкой шепнул Тантрион, и чудилось мне в его глазах невозможная нежность, от которой впору задохнуться, воспарить, утонуть в голубых глазах.

— Хэни! — строго прикрикнул на меня отец, и всё волшебство лопнуло. Я вздрогнула, прижимаясь к королю.

— Арганон, ну зачем же так, — тихо укорил король, поглаживая рукой меня по волосам.

— Разговор серьёзный, а она чуть ли не слюни пускает, — возразил отец. — Хэни, если будешь себя так вести, я тебя никуда не пущу!

— Простите, — потупилась я. Опять я какую-то глупость сотворила. Но что сделать, чтобы не выпадать в астрал, когда я смотрю в эти бесподобные очаровательные глаза цвета неба, что мне сделать, чтобы не желать прижаться к королю! Я отпустила руку Тантриона, села прямо и взглянула на отца. Тот хмурился, сердито на меня глядел, разве что пальцем не грозил.

— Ты идёшь в поход только из-за своего дара, родная, — заявил он. — Никакой слабину, никаких романтических бредней. Это опасный поход. Если ты не готова — сиди дома, иначе из-за тебя могут погибнуть остальные.

Я кивнула отцу, прекрасно осознавая, что он прав. Я должна собраться. Должна взять себя в руки и быть серьёзной. Да, мне нельзя быть размазнёй. От этого зависит в первую очередь жизни моих любимых мужчин — брата и любимого. Я опустила глаза, так как стало стыдно перед отцом. Бездумно рассматривала витую вязь по краю столешницы, покрытую золотом, вспоминала улыбку Хани, его голос. Я должна быть взрослой, закончилась детская пора. Я спасу его во чтобы то ни стало. И со мной будет мой король, а значит, у меня всё получится! Он будет для меня талисманом на удачу.

— Хэни, ты должна понимать, какая сила хранится в тебе, — вернул меня к разговору отец.

Я нахмурилась, ожидая объяснений.

— Фэйари — повелители этого мира. Им подчиняется всё в нём, — замысловато заявил король. — Ты уже успела вкусить сладость этой власти. Понравилось повелевать големами?

Я чувствовала, что он вопрошает у меня с сарказмом. Мастер Огневель часто поступал так же, когда я неверно отвечала на вопросы, поэтому отрицательно покачала головой.

Король усмехнулся, добавляя:

— Не увлекайся этой силой. Она искушает, манит к господству над всеми. Как бы ты ни была сильна, но менять судьбы в свою угодую ты не имеешь права, ты не богиня, но даже богам порой это запрещено. Судьба очень строга и любит собирать долги по счетам. Имей в виду, любимая, не заиграйся. Но, тем не менее, твоему слову подчиняется всё в мире Ислардия. Ты наследница фэйари, одна из немногих. Ради благих дел, чистосердечных порывов, для счастья всех, а не только своего, вот для чего дана тебя эта сила. Ты должна принять всю ответственность, так как твоё желание меняет жизни других.

Я слушала и чувствовала, как на душе становится тяжелее. Значит, тёмный прав. Любое мое желание исполняется. Любое, абсолютно, а я же порой хочу таких несусветных глупостей!

— Абсолютно любое желание? — ахнула я, вспоминая, как мечтала сорвать с неба звезду, как мечтала научиться летать, для чего сделала крылья и если бы не брат, обязательно сиганула бы с обрыва.

— Не могу с уверенностью сказать что любое, но, наверное, нет. Иначе чтобы было с этим миром, если бы каждое? — с улыбкой заговорщицки шепнул мне король, чуть подавшись ко мне.

Я с облегчением выдохнула. Это хорошо, что не каждое. От сердца отлегло, а то это получается, я всегда и во всём виновата буду, в любом несчастье? Нет, я так не хочу! Ой, я испугано замерла, прислушиваясь к себе и окружению. Надо научиться не желать. Ведь мои желания могут сбыться. Теперь нужно следить за своими мыслями и языком.

— А только те желания, что озвучены, исполняются или даже те, что подумала? — решила я уточнить этот момент у Тантриона.

— Кажется, озвученные, — успокоил меня король. — В эти слова ты должна вложить свою волю, желания, чувства.

— А! — с ещё большим облегчением выдохнула я и расслабилась. — Тогда легче. Я поняла, что надо язык держать за зубами, и тогда всё будет хорошо.

Король кивнул, протянул руку, погладил по волосам, чуть замирая, задержав взгляд на моих губах. Их тут же жутко защипало. Я даже их облизнула.

— Кхе-кхе, — строго прокашлялся отец.

Мы с королём повернулись к нему, я обиженно воззрилась, на отца, а он отвернулся.

— Дела не ждут, — напомнил он королю.

— Да, не ждут. Теперь ты за главного, Арганон, следи за моим сыном. Он дорог мне так же, как и тебе Хэни.

Я удивлённо подумала, что они с отцом, словно детьми на время поменялись. Тантрион в ответе за меня, отец за принца. Как же крепко сплелись наши корни с королевской семьёй!

— Я вас понял, — кивнул отец. — Хэни, вся надежда на тебя. Будь серьёзной, молю. Именно к такому тебя готовил Хэни: к серьёзным походам на врага. Мы первые клинки королевства, мы лучшие воины — не посрами нас.

Я вскочила и, прижимая правую руку к груди, порывисто произнесла:

— Клянусь нести славу семьи Ясил как знамя, приумножая нашу доблесть и храбро сражаться с врагом на благо Златолесья.

— Молодец! — довольно кивнул отец, который тоже встал с кресла, как и король.

— Арганон, тебе не кажется, что это слишком, — возмутился Тантрион.

— Нет, мы Ясилы, мы рождены служить королю. В этом нет ничего постыдного. И моя дочь воин, так мы её воспитали.

Я улыбнулась отцу, я была благодарна ему за всё. Я ни разу не обвинила его в том, что не растили меня как благородную деву. Вышивать платочки — скука смертная. Куда интереснее скакать по полю, слышать пение ветра, играть с братьями, охотиться бок о бок с ними. Другой участи я для себя не видела.

— Я откланяюсь, — с поклоном произнёс отец.

— Да, нам надо подготовиться, — отпустил его король. Я радостно повернулась к Тантриону, а он неожиданно больно схватил меня за плечи.

— Хэни, я не желаю видеть, что ты ради меня готова подставиться перед врагом. Поняла меня? Ничего подобного, что было сегодня! Я не переживу, если с тобой произойдёт что-то ужасное по моей вине. Ты слишком юна, чтобы уходить за грань. Поэтому не смей меня спасти ценой собственной жизни! Это мой приказ.

Я ступевалась под его гневным взглядом. Растерялась, не понимая, почему он так говорит. Разве это ни есть лучшее решение в опасных случаях? Спасти короля любой ценой так принято!

— Хэни, любовь моя. Взгляни на меня, прошу, — с мольбой шепнул Тантрион, обнимая меня за плечи, зарываясь одной рукой в волосы, заставляя поднять голову.

Я встретила с ним взглядом и в них плескалась такая боль.

— Я прошу сделать, как я приказал. Я Древний, моя жизнь длится дольше твоей. Я терял слишком много тех, кого любил, кто был мне дорог. Ты возродила к жизни моё сердце, оно бьётся ради тебя. Оно умрёт, если твоё сердце остановится.

Я прижалась щекой к кафтану из жёсткой серебряной ткани, улавливая запах пепла на ней.

— Я тоже не вижу смысла продолжать жить, если вас не станет. Я живу ради вас. Я не смогу стоять и бездействовать, если на вас нападут, я приложу все силы, чтобы защитить вас. Мой король, такова моя любовь к вам.

Тантрион отстранился, долго не сводил с моего лица своего напряжённого взгляда, а затем сделал то, о чём я так долго мечтала. Склонился к моим губам и поцеловал. Я задержала дыхание, боясь испортить момент. Закрыла глаза, ощущая горячие мягкие губы любимого. Всё внутри меня готово было взорваться от счастья. Я словно опьянела. Робко обняла короля за талию, привставая на носочки, потянулась за исчезающими губами. Король улыбнулся, а я разочарованно замерла. Это всё?! Почему так мало! Я же знаю, что целуются долго!

— Пойдём переоденемся, пора выдвигаться в дорогу, — предложил мне мой король, но я схватила его за руку. Во мне было столько решимости, что я готова была саму себя испугаться. Но я же знаю, что целуются влюблённые часами! И не просто прикасаются губами! Поэтому я сделал шаг, разделяющий нас, обхватила короля за шею, заставляя склониться, и сама поцеловала его.

В этот раз всё было иначе. Стоило моим губам коснуться его, как я оказалась сидящей на столе. Тантрион целовался упоительно. Я враз растеряла боевой настрой, растаяла под напором его губ, которые не отпускали мои. Я чуть ли не мурлыкала как кошка, когда мой любимый зарывался руками в волосы, гладил спину. Его язык мягко раздвинул мои губы. Я испуганно вздрогнула, а король, прикрыв глаза, отстранился.

— Прости, ты пока не готова. Я спешу. Совсем голову потерял, — сокрушенно прошептал он, отходя от стола, на котором я сидела.

Вот не поняла, что опять сделала не так. Ведь чувствовала, что я виновата. Я спугнула

его. Значит, язык должен был проникнуть ко мне в рот? В этом тайна, о которой умалчивал Хани? Нужно срочно его найти, хотя бы ради этого! Я должна у кого-то спросить. У Тантриона вряд ли получится в таком состоянии, он корил себя на чём свет стоит за несдержанность. Поэтому я решила его успокоить. Спрыгнула со стола, обняла за талию, прижимаясь щекой к груди.

— Это было лучше, чем мне приснилось.

Я почувствовала, как Тантрион подобрался весь.

— Во сне? — тихо переспросил он меня.

— Да. Мне снился сегодня самый чудесный сон, что мы с вами поцеловались, но это было ничто по сравнению с настоящим поцелуем.

Король усмехнулся, крепко прижал меня к себе, но напомнил о брате:

— Нам пора собираться, милая. Время дорого, а ещё Ахранитэля уламливать нам помочь.

Я удивлённо воззрилась на короля. Мы направились к двери из кабинета, шли, обнимая друг друга, как настоящие влюблённые. Хотя мы и есть влюблённые. Напоминание о тёмном привело меня в чувство. Отец приказал быть сильной.

— Он мой раб, он обязан подчиниться, — с твёрдой уверенностью в праве своих слов завил королю, но он покачал головой.

— Хэни, с ним так нельзя. Он слишком хитрый и злобный. Не доверяй ему никогда. Даже с рабской меткой он может обмануть.

— А если я как фэйари ему прикажу? — хотя прибегать к этой силе не хотелось. Я не забыла наставления короля.

— Только чётко формулируй свой приказ. Чтобы он не нашёл лазеек не подчиниться или выполнить не так, как ты хочешь. Но для начала пойдём переоденемся.

Тантрион привёл меня в оружейный склад. Он находился в подвале крыла охраны. Мне подобрали костюм, в котором Ириадил занимался, когда был совсем юным. Я оглядела себя в чёрной куртке, удивляясь, как этот цвет мне идёт, делая более боевой! Тантрион переодевался в соседней раздевалке, и когда он постучался в дверь, я радостно открыла и повертелась перед ним, чтобы он мог меня увидеть во всей красе.

— Ты бесподобна, — выдохнул мой король, а глаза его заблестели.

Он сжимал в руке боевые ленты, на концах которых были длинные острые шипы. Король не делал попыток приблизиться. Я чувствовала, как жар пробежался по телу от того, что его голубые глаза неотрывно смотрят на меня. Смутившись, решила хоть как-то нарушить молчание. Да и тема была для этого. Я тоже оценила его в чёрном наряде наёмника.

— Вам к лицу чёрный.

Волосы у него были заплетены в тугую косу. Было так непривычно видеть острые ушки его величества. Обычно они скрывались за волосами. Я закусил губы, чтобы глупо не улыбаться, но от мысли, что я первая, кто их увидел, меня распирало веселье и гордость собой. Да, я первая смогла полюбоваться на них. А может, даже выпадет шанс прикоснуться. О, надо обязательно это сделать. Прямо вижу — я и он на привале. Вокруг лес. Солнце только начинает выглядывать из-за горного хребта с заснеженными вершинами. На небе ни облачка. Птицы поют, ветер колышет кроны деревьев. Мы сидим на травке возле небольшого ручья. Я заплетаю любимому волосы. Белоснежный шёлк красиво ложится, переплетаясь между собой локонами. Мой пальчик робко касается остроконечного ушка. Я улыбалась, видя, как Тантрион вздрогнул и медленно оборачивается ко мне лицом.

— Хэни, — позвал меня мой король.

— Да? — с придыханием ответила, глядя в лазурь его глаз. Сердце замирает в груди.

— Я ленты принёс, сядь, заплету.

Что? Фантазия лопнула как мыльный пузырь. Я снова оказалась в раздевалке. Розовые мраморные стены, моя одежда, висящая на вешалке, зеркало на всю стену. И я стою напротив Тантриона. Он протягивает мне ленты. Он собрался меня заплетать боевыми лентами! Я взвизгнула от радости.

— Это мне! Это точно мне? Хани запрещает мне такое вплетать. Говорит, поранюсь.

Тантрион покачал головой, даря мне самую нежную и тёплую улыбку.

— Это зачарованные ленты. Амулет-охранка. Они будут защищать тебя. И никогда не поранят. Так что не бойся.

— Я не боюсь! — поспешно возразила в ответ и села на лавку спиной к королю. — Просто брат говорит, что они опасны. А я слишком легкомысленная, забуду, крутану своей пустой головой и изуродую своё личико.

— Ханинэль прав. Простые опасны. Но эти зачарованные. Так что опасны всем, кроме тебя, ну и меня, — тихо добавил Тантрион.

Он начал плести мне косу, а я блаженствовала. Да я эту косу никогда не распушу. Её мне заплел... Ой, только сейчас вспомнила, что жених перед свадьбой невесте косу плетёт. Значит, наша свадьба скоро? Или я опять себе лишнего напридумывала? Ой, как сложно-то!

Я пыталась держать себя в руках. Рассматривая свои пальцы с ухоженными короткими ногтями, каменный пол с тёмными прожилками, я пыталась представить, как бы мы смотрелись на крыльце храма Богини Плодородия. На мне обязательно будет розовое платье с красными цветами по подолу. Вышитый золотом пояс из красной парчи, с кисточками на концах. На голове венок из полевых цветов и коса, которую перед праздником заплетёт сам король, чтобы в брачную ночь расплести.

У, куда меня занесло. Брачная ночь! Это ещё таинственнее, чем поцелуи. Я не маленькая, понимала, откуда дети берутся, только не могла взять в толк как мужчина в женское чрево своё семя сеет. Судорожно вздохнув, прижала ладони к горячим щекам. Ну что за мысли у меня в голове? Я же благородная дева, всё, что надо, мне муж расскажет сам. Так всегда мама говорила, когда я спрашивала, о чём, собственно, влюблённые по ночам шепчутся и хихикают за закрытыми дверями.

— О чём так тяжело вздыхаешь? — тихий шёпот возле самого уха и горячее дыхание заставили замереть, а руки прижать к груди, чтобы сердце из неё не выпрыгнуло.

О, как же это приятно, вот так вот сокровенно услышать его голос. Если он со мной всегда так будет разговаривать, то я стану немой рыбой, которая только и может что рот открывать, а в голове ни одной мысли, кроме несвязных: он, я, одни, совсем одни, очень рядом, так близко, поцелуй!

Опустила руки на колени, обернулась, вглядываясь в любимые черты.

— О нас вздыхаю.

Лазурь его глаз чуть потемнела, а голос превратился в журчание горной реки.

— О чём конкретно?

Меня бросило в жар. Смогу ли я спросить у него смело? Я Ясил, а мы храбро смотрим в глаза своим страхам.

— О брачной ночи, — призналась. — Она же будет? — робко уточнила.

Тантрион мягко погладил меня по щеке, затем порывисто прижал к груди, тихо со

стоном прошептал:

— Будет, Хэни, всё будет. Только не сейчас.

— А когда? — решила идти до конца, и пусть от своей смелости становится трудно дышать, но лучше узнать всё сразу.

Тантрион тяжело вздохнул. Я слышала, как быстро бьётся его сердце.

— Не знаю, — честно шепнул мой король. — Ты не готова.

Я обиделась. Ну почему все всё решают за меня. Откуда другим знать, готова я или нет. Я отстранилась и твёрдо заявила:

— Я готова! Я уже взрослая. Честно!

Тантрион покачал головой:

— Нет, любимая. Пока нет.

Я встала со скамьи, расстроенная до невозможности. Ну почему опять не время? Когда же наступит этот самый день! Сколько можно ждать?

— Вы сами будете определять, готова я или нет? Есть какие-то особенные критерии? Можно мне узнать, какие?

Злые слёзы щипали глаза, хотелось позорно устроить истерику, как самая обычная лесная дева, а не как воин из уважаемой семьи.

— Хэни, ты не поняла. Ты должна узнать очень многое об отношениях между мужчиной и женщиной. Должна быть готова к тому, что... — король смутился, от чего кончики ушей покраснели. Я в изумлении смотрела на это чудо, но Тантрион недолго молчал: — Я боюсь тебя испугать.

— А не лучше ли сразу прыгнуть в воду, когда не умеешь плавать, чем по чуть-чуть заходить в неё, страшись неизвестности? — я горько спросила то, что знала по себе.

Хэни никогда не готовил меня долгими неделями. Один разговор, а потом всё остальное отрабатывала на практике. Слова порой пусты. Главное, только чётко рассказать основные моменты, а там уж сама дойду своим умом. Не глупая!

— Неужели, вы хотите, чтобы другие меня научили этому?

Король замолчал, словно погрузился в себя. Сжимая руки в кулаки, он смотрел на меня и словно не видел. А я теребила косу, которую он мне заплёл, ласково глядя острые шипы.

— Ты права, Хэни, — отмер через несколько мгновений мой любимый, а у меня от сердца отлегло. — С тобой по-другому нельзя. Хорошо. Сразу так сразу. Только знай, что обратного пути у тебя не будет. Только вперёд, только со мной.

Я бросилась в его объятия, щекой ощущая тепло чёрной куртки, снова погружаясь в его аромат полевых горьких трав, сорванных с солнечного луга.

— Конечно, с вами, хоть куда, хоть на край мира.

Я была готова на всё ради него. Я верила, что была рождена для него.

— Хэни, — ласково выдохнул Тантрион, — ты сама не понимаешь, что от меня просишь.

— Всё я понимаю.

Мы постояли немного, наслаждаясь умиротворением, которое царило между нами.

— Поспешим, любимая, — решился разрушить трепетный миг мой король.

Я вздохнула, нехотя убрала руки от его талии, вглядываясь в лицо любимого. Он видел моё нежелание разлучаться. И, кажется, он был со мной солидарен, так как подарил очередной поцелуй, и в этот раз я не отстранилась, позволяя его губам и языку властвовать надо мной. Я чуть не задохнулась от яркого удовольствия, крепко схватилась за его сильные

плечи. Ничего похожего в кабинете не было. Тантрион был воплощением страсти, тайного желания, порочного удовольствия. Я дрожала как лист под его руками, которые словно вырисовывали рисунок на моей спине, обжигая своим жаром. Моё сердце было переполнено светом. Я готова была поделиться им со всем миром, отдавая его.

Я замычала, когда тело пробила очень сильная дрожь, и горячая волна прошла по позвоночнику вверх. Пальцы Тантриона властно держали меня за волосы, не давая и шанса разорвать поцелуй. Он словно забирал это странное состояние, принося успокоение. Его пальцы мягко массировали затылок, губы ласково собирали влагу со щёк. Я тяжело дышала, опустошённая, с трудом стоящая на ослабевших ногах, прижатая к груди короля. Потрясённо смотрела на любимого, который лучился силой, обволакивающей его. Я видела её — светлую оболочку! Это была аура — то, что могли видеть сильные маги, переходя на магическое зрение! Я зажмурилась, затем открыла глаза снова, с облегчением выдохнула — прошло.

— Что это было? — тихо спросила.

Тантрион печально улыбнулся, легко целуя в нос.

— Сила фэйари пробуждается в тебе, любимая. Скоро ты станешь полноценной наследницей.

Тантрион

Глядя на своих детей, каждый родитель вспоминает своё чадо с самого младенчества. Его первое слово, первые шаги, щемлящая сердце первая улыбка, первые объятия. Так и сейчас, смотря на своего сына, Тантрион видел его совсем маленьким малышом, вспоминал его преданные взгляды, полные восхищения своим отцом. Вот только сейчас они смотрели с упрёком и обидой. Да, время пришло признавать, что сын вырос, стал взрослым, стал достойным наследником, который способен взять на себя ответственность за королевство.

И надев на него корону, Тантрион с теплотой смотрел на Ириадила, гордясь им и любясь. Страх сына за отца для владыки был понятен, но нельзя было дать слабину. У Тантриона было обязательство. Он чувствовал вину перед Хэни, когда каждый раз ревновал её к брату и мечтал разлучить их. И вот этот миг настал, и боль любимой, словно шипы розы, пронзила острыми концами. Он дал ей слово, что найдёт Ханинэля и обязан его сдерживать.

Отпустив всех, закончив экстренное собрание, владыка намеревался рассказать Хэни о фэйари. Он дал возможность советнику начать, но тот говорил совсем не о том, о чём стоило. Светлый король пытался лишней раз не упоминать, по какой причине фэйари больше нет как расы. Эту постыдную страницу истории народа первородных он всеми силами желал перелистнуть, чтобы ужасы того времени не проникали в настоящее. Поэтому он взял слово и стал рассказывать Хэни только то, что она должна знать о прекраснейшем народе.

И чем больше он говорил, тем больше Хэни увлекалась разговором, она задавала вопросы, и казалось владыке, что они с ней одни в кабинете. Руки дрожали, так сильно Тантриону хотелось прикоснуться к ней. Она, как зачарованная, смотрела ему в глаза. А у владыки кровь разгонялась по венам, и сердце билось сильнее. Его как магнитом манили розовые лепестки губ, чей вкус он помнил. Даже ароматы лазарета не могли испортить впечатления от лёгкого поцелуя. Владыке не нужно было рассказывать, как он действует на рыжеволосую эльфийку. По её лицу можно было читать как по открытой книге: все её мысли, все они были о нём. Но как же трудно сдержаться порой, когда сладкий плод сам просится в руки, только протяни их, и он сорвётся с ветки и упадёт. Тяжёлый взгляд друга жутко смущал, как и понимание, что для Арганона дочь очень ценна и любима им. Даже если она с детства твердила, что станет женой владыки, советник продолжал упорствовать, не принимая решения дочери.

Стыд за то, что он сорвёт этот плод, возьмёт в жены нежно любимую дочь друга, не отпускал владыку. Он неловко чувствовал себя, но, тем не менее, не собирался отступать. Глядя сейчас на Хэни, сидевшую на фоне не скрытого тяжёлыми шторами окна (из которого солнечный свет лился в кабинет, укрывая плечи юной эльфийки волшебным плащом), Тантрион понимал, что в нём просыпаются чёрные собственнические чувства к ней. Рыжие искры играли в её волосах, маня поймать их. Чарующий голос Хэни звучал с отголоском звонких колокольчиков. Владыка в ответ на её вопрос лишь кивнул, потеряв на миг дар речи. Сказочная нимфа сидела перед ним, и он протянул к её волосам руку, погладил, наблюдая, как искры разбегаются в стороны от его пальцев, и чудился ему их озорной смех. Тантрион

опустил взгляд на розовые ровные, чуть пухлые губы, теряя самообладание, и только присутствие друга не позволило ему сорваться.

— Кхе-кхе, — строго прокашлялся тот, обжигая владыку горячей волной стыда.

Светлый король с трудом перевёл взгляд от прекрасного видения на хмурое лицо советника.

— Дела не ждут, — напомнил он королю.

— Да, не ждут, — с облегчением выдохнув, взял себя в руки Тантрион. Он не мог поверить, что готов был поцеловать Хэни на глазах у друга. — Теперь ты за главного, Арганон, следи за моим сыном. Он дорог мне так же, как и тебе Хэни.

Тантрион взглядом и словом намекнул советнику, что ему пора отправляться к Ириадилу, а не сидеть здесь над душой. Всё же дружба порой, словно тюремные оковы, не давала свободы действия, отнимала лёгкость в общении по некоторым вопросам. Советник был проникательным эльфом и, дав дочери последние наставления, получил от неё порывистые заверения, что она готова жизнь отдать за жизнь короля.

— Клянусь нести славу семьи Ясил как знамя, приумножая нашу доблесть и храбро сражаться с врагом на благо Златолесья, — заученно выдала та, выпятив грудь, вытянувшись по стойке смирно.

— Молодец! — довольно кивнул советник. Тантрион вскочил со своего места и предупреждающе одёрнул зарвавшегося отца Хэни:

— Арганон, тебе не кажется, что это слишком!

Но советник покачал головой, несколько не смущаясь грозного вида Тантриона.

— Нет, мы Ясилы, мы рождены служить королю. В этом нет ничего постыдного. И моя дочь воин, так мы её воспитали.

От слов советника владыку чуть не вывернуло. Он не желал такой участи для Хэни. Только не повторения прошлого. Он не собирался терять и эту возлюбленную, которая, словно ласковый котёнок, смотрела на него с любовью и преданностью. И Тантрион боялся увидеть её мёртвой, в крови. Только не вновь оказаться неспособным защитить ту, что рождала пламя в сердце, только не бессилие от невозможности вернуть к жизни ту, что дарила дыхание весны и надежды на лучшее, светлое и чистое.

— Я откланяюсь, — с поклоном произнёс советник.

Тантрион кивнул ему, еле сдерживаясь от злости и неприятия позиций друга.

— Да, нам надо подготовиться, — тихо ответил он, имея в виду разговор с Хэни с глазу на глаз.

Хэни, проводив отца до дверей, радостно повернулась к владыке, а он порывисто положил ей на плечи руки, чтобы взять с неё слово, потребовать не совершать глупостей.

Но глупышка ничего не поняла. Она обиженно отвела глаза, склонила голову, не давая ему обещаний, промолчала. Владыка встряхнул её за плечи. Она должна была понять его. Обязана подчиниться. В конце концов, он владыка, и она обязана ему подчиняться. Страх, что Хэни только и ждёт, чтобы закрыть его собой от острого меча или стрел, терзал его душу. Тантрион прикрыл глаза на миг. Давить на Ясил было бессмысленно, слишком бесстрашная, слишком отважная. Тут нужна ласка, только так можно было достучаться до неё.

— Хэни, любовь моя. Взгляни на меня, прошу, — с мольбой шепнул Тантрион, прижимая её к груди, зарываясь одной рукой в волосы, заставляя поднять голову.

Красавица, вздорная, вольная, как лёгкий мотылёк. Поймать такую легко, но нельзя

сжимать кулак — сломаются крылья.

Заглядывая в глаза цвета сумерек в Вечном лесу, Тантрион, вкладывая в голос всю свою боль, взмолился:

— Я прошу сделать, как я приказал. Я Древний, моя жизнь длится дольше твоей. Я терял слишком много тех, кого любил, кто был мне дорог. Ты возродила к жизни моё сердце, оно бьётся ради тебя. Оно умрёт, если твоё сердце остановится.

Только все его слова были напрасны. Хэни уже всё для себя решила. Она не позволяла никому рушить свои представления о прекрасном и правильном. Она выбивала своими откровениями почву из-под ног владыки. И он, умудрённый опытом, терялся с ней. Боялся сломать своей волей, поэтому и пытался словами убедить.

Но стоило ей взглянуть ему в глаза, как все благопристойные мысли разлетались. Стоило ей задержать взгляд на его губах, как Тантрион терял голову. Сорвав поцелуй, он чуть не застонал от того, что, наконец, почувствовал сладость её губ. Так мечтал об этом и вот, наконец, он поддался соблазну, исчерпав другие доводы. Её осторожный отклик взбудоражил кровь Древнего ещё больше. Он готов был урчать от осознания, что она его. Собственническое чувство словно согрелось в лучах солнца. Владыка с неохотой разорвал поцелуй, любуясь на затуманенные глаза рыжеволосой эльфийки, для которой это был опыт в откровенных ласках.

— Пойдём переоденемся, пора выдвигаться в дорогу, — шепнул он.

Нужно было взять себя в руки, так как тело Древнего было полно мужской силы. Оно просыпалось от близости с податливой Хэни. Он знал, что если попросит, она согласится разделить с ним очарование ночи в его спальне. Подарить всю себя и не будет об этом сожалеть никогда. Он хотел этого, страстно желал ощутить бархатистость кожи под своими пальцами, утонуть в аромате юного тела, наполнить её своей любовью, выпить стоны. Сколько раз он себе это представлял, Тантрион пытался не думать. Он давно казался себе тёмным эльфом, чья кровь отравлена грязными мыслями, мечтающим об интимной близости с молодой непорочной девой.

И опять Хэни заставила его усомниться в своих силах и самоконтроле, когда властно развернула его к себе и решительно поцеловала. Она словно мысли его читала. Она не понимала, что была на грани, за которой Тантрион не сумел бы остановиться. Он целовал её, растворяясь в жаре, окутывающем всё его существо. Он хотел большего, желал заставить её язычок включиться в игру, чтобы ещё больше получить удовольствия, но робкий испуг в серых глазах отрезвил владыку. Он чуть не сгорел в пламени желания и стыда. Растерянная и такая трогательная Хэни сидела на его столе, и он чуть не начал срывать с неё одежды.

— Прости, ты пока не готова. Я спешу, — сокрушённо прошептал он, отходя от стола, от соблазна, который, ничего не понимая, смотрел на владыку, требуя объяснений. — Совсем голову потерял.

Хэни прыгнула со стола, приблизилась, обняла его за талию, прижимаясь щекой к груди. И снова тепло затопило сердце Древнего, и снова он потерялся в своих растрёпанных чувствах к рыжеволосой эльфийке, боясь того, что хотел с ней сделать. Она совершенно не была готова морально к таким отношениям.

— Это было лучше, чем мне приснилось, — шепнула маленькая искусительница.

Тантрион испытал лёгкое беспокойство. Когда это ей это приснилось, не сегодня ли?

— Во сне? — тихо уточнил он, хотя хотел спросить совсем другое. Понравилось или нет? Вот что было куда интереснее.

— Да. Мне снился сегодня самый чудесный сон, что мы с вами поцеловались, но это было ничто по сравнению с настоящим поцелуем, — нисколько не смущаясь, Хэни откровенничала с королём, который расслабился, удовлетворённый её ответом. Значит, ей не было противно. Это не могло не радовать Тантриона, значит, он не перегнул палку, значит, успел вовремя остановиться.

Он обнял девушку. Решил, что пора уже выдвигаться в дорогу. Он тревожился за жизнь Ханинэля, да и если они не успеют, то сможет ли она простить того, кто не пустил её спасать брата:

— Нам пора собираться, милая. Время дорого, а ещё Ахранитэля уламывать нам помочь.

Мысль о тёмном Древнем настроила Тантриона на серьёзный лад. Он до сих пор не смог понять мотивов бывшего друга. Эгоистичный, жадный до наживы, тот потерял доверие уже давно, как только первые изменения произошли в нём. Мало кто из нынешних Древних знает, кто повинен в потере родного дома. Ахранитэль первым был укушен паучихой, одной из тех, что прорвались в мир земель Зорь. Тот прорыв удалось закрыть, и тварей с большими потерями, но уничтожили.

С того момента всё пошло не так. Солнце для бывшего друга был не мило, счастливый смех и песни отравляли душу. Тантрион пытался понять, что с ним, пытался помочь, но не сумел вовремя разобраться. Тёмная богиня подчинила Ахранитэля, и он открыл портал, выпуская тварей хаоса. Гибли сотни, тысячи эльфов, а друг продолжал не осознавать, что натворил, он лишь продавал самое лучшее оружие государям, накапливая золото в своих подземных сокровищницах. Там-то и поселилась та паучиха, которая впоследствии пробралась в мир Ислардию.

Тантрион винил себя в этом. Не нужно было ехать за другом, но сердце требовало не оставлять его в умирающем мире. Если бы он тогда не возвращался за ним, то здесь бы не начался кошмар. Светлые эльфы, обездоленные и озлобленные, стали лёгкой добычей для Паучихи. На глазах у Тантриона дружба теряла силу, родственные связи переставали иметь ценность. Сын убивал отца, мать свою дочь. Хорошую жатву в ту пору собрала Тёмная богиня, она окрепла. Но Тантрион объединился с теми, кто оставался чист душой, и дал отпор Паучихе и её войску. Правда, он не сумел спасти фэйари. Как ни старался, но страх перед ними глубоко засел в душах эльфов, в самых тёмных её уголках.

Тантрион проводил Хэни в оружейную, где подобрал ей походный костюм. Он сам переоделся, а затем вспомнил об Ахранитэле. Нужно было обезопасить наследницу фэйари, а для этого лучше всего подходили боевые ленты. Семейная реликвия, которая не раз сохранила маленькому Ириадилу жизнь. Тантрион достал из резной деревянной коробочки артефакт, любовно погладил острые шипы, которые лично для него были безвредны. Он наложил на ленты дополнительные заклинания защиты. Владыка готов был ещё и не столько охранок навесить на молодую эльфийку, лишь бы ничто не могло причинить ей вред.

Постучав в дверь раздевалки, за которой он оставил Хэни. Владыка подождал, когда девушка ему откроет. Та предстала пред ним в короткой куртке и облегающих бёдра штанах. Древний засомневался, а так ли была хороша мысль взять её в этот поход и где найти куртку длиннее, чтобы прикрыть соблазнительные формы. Но всё это пронеслось в голове эльфа в один миг, а Хэни ждала от него комплимента, и Тантрион не смог ей приказать переодеться. Вдруг подумалось ему, что в пустынях кочевников холодные ночи, и что согреть Хэни будет отнюдь не костер.

— Ты бесподобна, — сорвалось с его губ.

Ответная реакция не заставила себя ждать.

— Вам к лицу чёрный, — произнесла она.

Тантрион улыбнулся ей, замечая привычное выражение лица: счастливую улыбку и мечтательный взгляд. Хэни опять перестала реагировать, словно впадая в транс. Тантрион ласково позвал её, смущаясь откровенного обожания, которое жило в любимой, и от этого некуда не было деваться. Но это всё пройдёт с возрастом. Первая влюблённость всегда сходит на «нет», уступая место более спокойным, но глубоким чувствам. Любовь, как пламя костра, взрывающегося вначале до самого неба, даря ночи пёстрые искры-мотыльки, которые тают. Затем огонь угасает, но жар остаётся даже и в тлеющих углях, в остатках чёрных головёшек теплится былое пламя.

Хэни села на скамью, позволяя Тантриону прикоснуться к своим волосам. Он осторожно распустил изрядно растрепавшуюся косу, любуясь игрой света в рыжих локонах. Словно живой огонь плясал в его руках! Владыка заплетал волосы своей любимой, мечтая окунуться в нестерпимое пламя их любви. Но предстояла трудная дорога, полная опасностей. От них он и пытался уберечь Хэни, шепча беззвучно одно заклинание за другим. Никто не посмеет даже прикоснуться к его избраннице, никто, кроме него! Тантрион замер, любуясь толстой рыжей косой. Он потратил много силы, и его резерв почти опустел. Это не портило настроения. Скорее подстёгивало быть более сдержанным и больше полагаться на силу своего тела.

Хэни тяжело вздохнула, владыка чуть склонил голову на бок, стараясь заглянуть ей в лицо.

— О чём так тяжело вздыхаешь? — тихо спросил.

Лучше бы он не спрашивал у неё ничего. Пока он предавался своим мечтам, Хэни терзали мысли о брачной ночи.

— Она же будет? — робко спросила она.

И столько в её голосе было надежды, что король невольно усмехнулся. Она, как всегда, спешила стать взрослой, но детская непосредственность никак не уходила из неё. Тантрион обожал эту откровенность и открытость. В ней не было жеманных ужимок, пока не было. Но придёт время, и возраст возьмёт своё. Жизнь научит её быть скрытной. Тантрион обнял любимую, не желая, чтобы это время настало, отгоняя тяжёлые мысли.

— Будет, Хэни, всё будет. Только не сейчас.

— А когда? — требовательно спросила искусительница.

Если бы она знала, как он жаждал этой самой ночи, как одинокими ночами представлял её взрослой в своей постели, с распущенными волосами, плащом укрывающими её точёные плечи. Мраморную кожу с лёгкой россыпью веснушек. Почему-то он представлял себе их, хотя у юной эльфийки была чистая кожа на лице. Но в своих мыслях он целовал их на плечах Хэни, как когда-то делал с другой. Да, у прекрасной фэйари были веснушки, а у Хэни их, возможно, и нет.

Тантрион тяжело вздохнул, пытаясь не сравнивать между собой ушедшую и новую любовь. Они были несравнимо различны. Одна степенная, как спокойная гладь лесного озера, другая, как быстрая горная река, которая захватила владыку и уносила прочь от его одиночества, смывая грусть, тоску и печаль. Её радостный смех рождал в нём брызги света. Она соблазняла его, но Тантрион боялся поддаться ей.

— Не знаю, — честно шепнул король. — Ты не готова.

Хэни вспыхнула, выплескивая боль и горечь на Древнего:

— Я готова! Я уже взрослая. Честно!

Тантрион покачал головой:

— Нет, любимая. Пока нет.

Она встала со скамьи, обиженно явля:

— Вы сами будете определять, готова я или нет? Есть какие-то особенные критерии? Можно мне узнать, какие?

Владыка видел её слёзы, но не мог позволить себе идти у неё на поводу.

— Хэни, ты не поняла. Ты должна узнать очень многое об отношениях между мужчиной и женщиной. Должна быть готова к тому, что... — владыка не мог подобрать слов. Он боялся произнести в открытую, к чему конкретно она должна быть готова. Да и есть ли такие слова, чтобы не спугнуть невинную деву предложением к совместной ночи со всеми взрослыми последствиями. Она была слишком молода, могла неправильно понять его, по-своему истолковать его слова. Поэтому оставалось лишь честно признаться: — Я боюсь тебя испугать.

— А не лучше ли сразу прыгнуть в воду, когда не умеешь плавать, чем по чуть-чуть заходить в неё, страшись неизвестности? — с серьёзным видом спросила она, успокаиваясь. Хэни нашла верный довод убедить владыку. Ударил по самому больному, по ревности:

— Неужели, вы хотите, чтобы другие меня научили этому?

Король сжал руки в кулаки, он смотрел на Хэни, а видел насмешку Ахранитэля. Этот тёмный неспроста привязался к Ясил. Хэни стояла, терпеливо ожидая слов владыки, который мысленно собственными руками душил соперника в лице тёмного. Обучать свою любимую он собирался сам, и не только использовать силу фэйари, но остальному. Он её растил для себя. Она только его! Тантрион понимал, что его засасывает в водоворот под названием Хэни. Он мысленно отцепился от ветвей, за которые держался, от здравого смысла, от благих намерений, от благородства. Он должен был увидеть в ней взрослую деву, иначе другой уведет её, сманив соблазном взрослой жизни.

— Ты права, Хэни, — произнёс Тантрион, открывая глаза. — С тобой по-другому нельзя. Хорошо. Сразу так сразу. Только знай, что обратного пути у тебя не будет. Только вперёд, только со мной.

Обратного пути не было и для него. Собственнические чувства уже взяли над ним верх. Любовь опаляла его сердце. Он должен был выпустить на волю эту птицу, запертую в клетке. Лучше умереть от любви, чем сожалеть о несбывшемся. Хэни крепко обняла его, жарко шепча ему в грудь:

— Конечно с вами, хоть куда, хоть на край мира.

Она была в этот миг такая счастливая и прекрасная, что владыка не попытался её остановить. Силы его были на исходе. Он хотел сделать её своей и так, чтобы весь мир об этом узнал! Но он должен был считаться с чувствами и желаниями самой девушки. А она хотела спасти брата. Тантрион повторял это раз за разом, умиряя свою алчную сущность, которая, как дикий зверь, кружащий вокруг жертвы, нашёптывал пометить её, попробовать, бросить вызов другим.

— Хэни, — ласково выдохнул Тантрион, — ты сама не понимаешь, что от меня просишь.

— Всё я понимаю.

Пробурчало рыжее недоразумение, которому предстояло многое узнать, прежде чем Тантрион позволит себе вкушать этот сладкий плод.

— Поспешим, любимая, — не мог больше искушать себя владыка объятиями с ней.

Хэни разочарованно вздохнула и взглянула на него так укоризненно, что Тантрион со стоном впился в её губы, чтобы успокоить себя. Он целовал её так, как мечтал, смакуя вкус её губ, смешивая их дыхания. Он увлёкся этим нектаром, которым мог наслаждаться часами, а может и днями. Он зарывался пальцами в рыжие волосы, зная, что коса не расплетётся, удерживаемая магически. Он чувствовал отклик Хэни и пьянел от своей власти над ней. Лёгкость поселилась в его сердце, томление — в груди, желание — в крови. Но вдруг что-то изменилось. Владыка услышал стон любимой, которая затрепетала в его руках. Он продолжал целовать её, когда почувствовал выброс энергии, которую поглощал с каждым ударом сердца. Он замер, в изумлении отмечая, что магический резерв наполнился практически полностью. Он чувствовал себя посвежевшим и даже помолодевшим.

Всматриваясь в потрясённое лицо любимой, боялся увидеть перегоревшего, опалившего крылья мотылька. Но Хэни словно светилась своей силой изнутри. Она магически стала сильнее. Её уровень поднялся на несколько порядков. Тантрион знал, что эмоциональный всплеск мог подтолкнуть к магическому выбросу. Что и произошло с малышкой Ясил. Владыка ждал, когда любимая придёт в чувство, прижимая её к себе, заглядывая в серые глаза, в которых видел своё отражение. Он лёгкими поцелуями покрывал влажные щёки любимой, покрасневшие, горячие. Кровь фэйари в ней становилась сильнее эльфийской. Скоро на неё начнётся охота, если хоть кто-нибудь узнает, что она легко может восполнить любой магический резерв и стать источником силы. Хэни зажмурилась, открыла глаза, начиная воспринимать реальность.

— Что это было? — тихо спросила.

Тантрион улыбнулся, игриво поцеловал любимую в нос, стараясь от неё скрыть тяжёлые думы.

— Сила фэйари пробуждается в тебе, любимая. Скоро ты станешь полноценной наследницей.

Он поддерживал Хэни, когда они шли в темницы, рассказывал об Ахранитэле, о том, как он коварен и как ловко может играть словами, искажая суть приказов. Он пояснял девушке, отвечая на всё её вопросы, понимая, что больше нет смысла что-то скрывать от неё. Фэйари не таили в своих сердцах злобы и чёрных умыслов. Но и благородные дела порой ведут на тёмную сторону. Это Тантрион знал по себе и пытался уберечь от этого Хэни. После поцелуя в любимой поселилось странное упорство, словно она решила доказать не столько себе, сколько владыке, что стала достаточно взрослой.

Войдя в камеру к Ахра, она сходу начала отдавать приказы, а Тантрион расплывался в улыбке, наблюдая за недоумением на лице Древнего. Он хотел смутить её, соблазнить своими телесами, да только выставил себя на посмешище. От слов Хэни Тантрион ещё больше развеселился. Ведь он помнил, как она впечатлилась видом его обнажённого тела, как алели красные щёки на юношеском лице, как кровь носом пошла. Незабываемые мгновения, нежно лелеемые владыкой. Хэни бесподобна даже в мужском облики. Тантрион до сих пор помнил, что готов был поцеловать её тогда, прикоснуться к мужским губам. Передёрнув плечами, Тантрион поспешил покинуть тёмные коридоры темниц. Искусительница шла, покачивая бёдрами, привлекая к себе внимание не только его, но и охраны, а также тёмного.

— Я думал, что она невинная дева, — проворчал Ахра за спиной у Тантриона. — Хотя она уже совершеннолетняя, наверное, ты с ней уже и того, — насмешливо добавил он, но не

закончил мысль, издеваясь над кристально чистым именем светлого короля, которого ни в чём порочном обвинить было нельзя. Раньше было нельзя.

Тантрион обернулся к тёмному и подмигнул ему, улыбаясь.

— Следить за собой надо, время берёт своё. Ты просто уже поизносился, — шепнул он бывшему другу, — потерял сноровку.

Ахра взбесился, это было видно по сверкнувшим в темноте подземелья жёлтым глазам.

— Хочешь пари? — прошипел он в спину королю.

— Никаких пари, Ахранитэль, — не согласился с ним король. — Прошли те годы, когда мы по-дружески спорили. Теперь мы не друзья. Теперь ты раб.

На этом разговор закончился.

Маленькая Ясил вела Древних во двор, где собралась десятка лучших теней из отряда Гасаритона.

Бравые эльфы в серых плащах стояли в полном вооружении. Освободив от оков антимагических браслетов, тёмному эльфу выдали только меч, самый обычный, из серебра, который обжигал пальцы тех, в чьих жилах текла отравленная ядом Паучихи кровь. Но Ахра лишь с усмешкой взвесил меч в руке, пару раз взмахнул им, примеряясь, и вложил в ножны, чтобы пристегнуть их на пояс.

— Итак, куда едем? — бодро спросил он у Тантриона.

Тот сажился на коня. Белого, как самый первый снег в горах. Рыжая эльфийка пристёгивала своё оружие к седлу, краем уха слушала, о чём разговаривали раб и король.

— Это ты должен сказать нам. Ты должен провести нас в подземное царство Паучихи, и путь этот должен быть очень коротким и безопасным.

— Нет такого пути, — возразил Ахра, одним слитным движением вскакивая в седло своего коня.

Ему подобрали серого в яблоках. Конь нервно фыркал, раздувая ноздри, косился на своего седока лиловым глазом и бил копытом. Ему не нравился тот, кого придётся нести на себе, но нежное поглаживание по шее успокоило скакуна.

У Хэни была тоже белая лошадь, молодая, резвая. Она в нетерпении топталась на месте, желая немедленно пуститься вскачь. Она застоялась в стойле, ей хотелось поскорее почувствовать свободу. Девушка погладила свою лошадку, тяжело вздыхая. Тантрион заметил странное поведение своей избранницы, прыгнул на землю и приблизился. Он тронул девушку за плечо, отмечая, в каком она подавленном состоянии.

— Хэни, не переживай, мы найдём твоего брата. Я же дал тебе слово, — шепнул он, понимая, как действуют на неё слова Ахра.

— Я должна вам признаться, — шепнула она так тихо, что королю пришлось склониться над ней, чтобы не упустить ни звука.

— В чём? — тихо уточнил он у девушки.

— Я солгала, — выпалила Хэни, заглядывая в глаза владыки, боясь увидеть в них осуждение. — А Хани всегда запрещал лгать. Это нехорошо, а я солгала.

— В чём солгала? — повторил за ней владыка, даже не представляя, о чём она говорит. В чём его малышка могла его обмануть? Она же такая искренняя и чистая.

— Я не подсматривала никогда за братьями. Мне отец бы уши за такое открутил, — быстро затараторила девушка, опуская голову. — Нет, я, конечно, пыталась подсмотреть за ними, но Эматаль постоянно появлялся как из-под земли и портил всё. Я вообще не понимаю, как он так бесшумно ходит. Даже лучшие тени так не могут. А он может. И

каждый раз словно знает, что я замыслила. Даже шанса не даёт подглядеть. Так что я солгала, сказав тёмному, что видела братьев голых. Я никогда их не видела без одежды, — выдохнула Хэни жалобно глядя Тантриону в глаза.

Король пытался держать лицо. У него пальцы дрожали от такого откровения. Он медленно выдохнул, прежде чем обнять рыжую непоседу. Каких только ужасов он не подумал, пока она говорила, в чём суть её лжи. От сердца у него отлегло, а на душе словно солнце взошло. Хэни просто не представляла, насколько ещё была невинна и чиста. Она обняла короля за талию и шепнула доверительно:

— Вы первый и единственный, кого я вообще обнажённым видела.

Тантрион прикрыл глаза, пытаюсь не застонать в голос.

— О, Хэни, а я уже думал, как тебя наказать за обман, а тут такое, — прошептал он, крепко прижимая её к груди.

Когда он открыл глаза, то дал обещание избраннице:

— Любимая, я обещаю, что даже повода тебе не дам рассматривать других мужчин обнажёнными.

— Эй, влюблённые, вы вроде в путь собирались! — нетерпеливо крикнул Ахра, указывая на клонящееся к закату солнце. — Такими темпами мы и завтра не доберёмся до прохода.

— Тс, — раздражённо цокнула языком рыжая эльфийка. — Так бы и сказал, что завидно.

Тантрион кивнул на её слова. Затем легко поднял Хэни за талию и усадил в седло.

— Держись подле меня. Никуда не срывайся. Поняла? Никаких геройств.

— Поняла, — заверила его Хэни, но скрещённые пальцы король за её спиной заметил и усмехнулся наивности девушки, которая верила в гномьи суеверия.

Только таким пройдохам, как гномы, могла прийти в голову мысль, что скрещённые пальцы спасут от ответственности держать данное слово. Это было не так. Тантрион не раз развенчивал этот миф перед гномами, на глазах у соплеменников наказывая тех, кто решил обмануть Древнего эльфа.

На душе было гадко. Зачем я сказала, что видела братьев голыми? Ну кто меня за язык дёрнул? Что теперь подумает обо мне мой король? Не удивлюсь, если решит, что я девица лёгкого поведения, которая подглядывает за мужчинами. А может и того хуже, что я специально охочусь на мужчин, наслаждаясь их обнажёнными телами. О, небо! А вдруг он подумает, что я порочная дева, на которой стыдно жениться, так как я падка на других мужчин и честь не блюду!

Говорил мне Хани, не лгать, ложь приводит к ужасным последствиям! Я готова была вцепиться себе в волосы, постучаться головой о щербатый камень стены подземелья. Вдыхая затхлый воздух, слушала гулкое эхо наших шагов и думала, как теперь всё исправить. Конечно, нужно было показать тёмному, что не на ту напал, красуясь своим торсом, украшенным пугающими белёсыми старыми шрамами. Я это сделала, теперь ему неповадно будет пытаться смутить меня. Но, наверное, стоило это сделать иным способом.

А всё моя гордость! Нет бы промолчать. Но надо было мне показать владыке, что я уже взрослая дева. Ну почему у меня всё вечно не как у других эльфов?! Нужно всё же признаться

королю, что не видела я никого, кроме него, голым. Тёмного я в расчёт не беру. Хотя посмотреть у него есть на что. Красивые рельефы, если бы не уродовали их раны, если бы кожа была бы посветлее, то он бы составил конкуренцию многим эльфам.

— Нет, ну о чём ты, Хэни, думаешь?! — возмущённо шепнула себе, когда вышла на согретое солнцем крыльцо заднего двора, ведущего к конюшням и плацу. Тени — элитный отряд, который также был под командованием Гасаритона, уже выстроились в ряд, поджидая нас, держа скакунов за поводья.

Когда-то отец командовал ими, пока не стал советником. Но господин Гасаритон был продолжателем традиций отца, поэтому элитный отряд охранял короля и наследника, его дублировали личные охранники, затем дворцовые стражи. Вот именно в отряд теней я грезила попасть, как Хани и Трибор. Идти по стопам своего отца, но именно он и сказал, что бы я даже не мечтала, что у меня не хватит способностей пройти смотрины, да и вообще не девчачье это дело. Но, видимо, что-то всё же изменилось за то время, пока командовал отрядом отец: одну деву я заметила среди мужчин. Она стояла последней слева и держалась на полшага позади всех.

Я спустилась по ступенькам, когда конюхи подвели лошадей ко мне, королю и тёмному. Оруженосцы помогали прикрепить ножны к седлу. Лук я закинула за спину, благодаря юношу, который всё оружие принёс из моей комнаты, даже мой меч, который в своё время подарил отец.

Тёмный говорил с королём о том, как будем добираться до подземелья. А меня ела совесть. Мой любимый Хани, если он узнает, куда я скатываюсь без него, он будет разочарован мной, как и король. Тантрион не перекинулся со мной и словом с тех пор, как мы вышли из камеры. Наверное, осуждает меня.

Сдержать грустный вздох не получилось, когда я заметила, что владыка сел на коня, не взглянув на меня ни разу. Точно осуждает. Вот к чему приводит ложь! Я затянула ремень у седельной сумки, когда неожиданно на моё плечо опустилась тяжёлая ладонь, а запах лошади перебил любимый мною аромат летнего солнца и полевых цветов. Мой король стоял за моей спиной! Как же он стремителен! Вот это скорость! Пока я пребывала в шоке, глядя во встревоженное лицо любимого, он произнёс:

— Хэни, не переживай, мы найдём твоего брата. Я же дал тебе слово!

Я поняла, что пора признаваться, пока он стоит рядом и ждёт от меня ответа. Я должна объяснить ему, что я не ветренная дева, а благородная и достойная его. Я не прощу себя, если потеряю его!

— Я должна вам признаться, — с трудом дались мне первые слова, да и взгляд у любимого заledenел, стал колючим.

— В чём? — тихо шепнул он.

Признание далось мне тяжело, я сбивалась, говорила какую-то чушь. Вообще не люблю оправдываться, после этого обязательно последует наказание, пусть не такое суровое, как если бы тебя поймали с поличным, но оно тебя настигнет. Только не в случае с владыкой. Он обнял меня и с облегчением выдохнул. И мне сразу стало легче.

— Любимая, я обещаю, что даже повода тебе не дам рассматривать других мужчин обнажёнными.

Эти слова бальзамом пролились на мою душу, успокаивая совесть. Да кому нужны другие мужчины, когда есть он! Я крепче обняла любимого, не веря в своё счастье. Если он всегда будет так меня баловать, я ещё больше влюблюсь в него, хотя куда уж больше. Для

меня мир перестаёт существовать, когда я оказываюсь в его объятиях. Только он и я, только радужные мосты и хрустальные горы до небес. Только воздушные облака и мы парим среди них.

— Эй, влюблённые, вы вроде в путь собирались! — тёмный опять всё испортил! — Такими темпами мы и завтра не доберёмся до прохода.

— Тс, — я раздражённо цокнула языком и смерила его гневным прищуром. — Так бы и сказал, что завидно.

Ведь видно, что АхраШеррот бесится. Конечно, я же оскорбила его гордость, задела мужское достоинство, не оценила его красоту.

Тантрион поднял меня за талию и бережно усадил в седло. Мне оставалось лишь взять поводья, устраиваясь удобнее.

— Держись подле меня. Никуда не срывайся. Поняла? — строго приказал мой любимый, проявляя заботу и беспокойство. Да разве я могла подумать пару дней назад, что мы сблизимся так скоро. — Никаких геройств.

— Поняла, — кивнула я с готовностью, чтобы он не заметил скрещённые пальцы за спиной. Ну конечно же я всё отдам за жизнь любимого. Как в древних легендах! Я только сейчас поняла, что стала одной из героинь древних сказаний. Мы едем в подземное царство вызволять моего брата, а светочем в пути нам будет наша любовь. Это же моя детская мечта!

Я вдруг осеклась, вспоминая, что мне нельзя так часто что-то желать и мечтать, ведь мои желания исполняются. А о чем, вообще, я мечтала в детстве, а пятьдесят лет тому назад? Почему мне никто не говорил о моём даре, я бы записывала, что и когда я желала! Как же сложно быть носителем силы фэйари. Хотя всё же плюсы были.

Мой взгляд блуждал по широким плечам моего владыки, который обернулся ко мне, тепло улыбнулся и махнул рукой, приглашая следовать за ним. Я тронула пятками бока лошади. Да, с моим королём хоть на край мира. Только бы быть с ним рядом.

— Я бы на твоём месте не радовался, ведь ему нужна не ты, а твоя сила, — бросил мне проезжающий мимо тёмный, неприятно скалящийся королю. Тот предупреждающе прищурился.

— А ты чего такой бледный, — решила поддеть его, — неужели тебе страшно возвращаться в подземное королевство?

Я давно заметила, что кожа у моего раба стала более светлая, чем при первой нашей встрече. Может, это сказывалась рана, истощение или ещё что. Но выглядел АхраШеррот как-то иначе.

Тёмный обернулся ко мне и прошипел:

— Смотри сама не испугайся! Это тебе не на полянке цветочки собирать. Подземелье кишит пауками и прочими монстрами хаоса. Так что следи за языком, Хэни, как бы сожалеть не приш-ш-шлось. Я ведь могу и не успеть спасти тебя.

— Не спасешь её, умрёшь сам, — припечатал его король, поджидая, когда я поравняюсь с ним. — Так что в твоих же интересах успеть, Ахранитэль.

— Не называй меня так! — огрызнулся тёмный и ударил коня под бока. Тот рванул с места, недовольно махнув хвостом.

— А ты, Хэни, не дразни его. Он прав, в царстве Паучихи очень много ловушек и монстров.

Как будто я этого не знала! После напоминания об ужасах подземелья мне стало тяжело на сердце, ведь где-то там мой брат.

Тронув лошадь пятками, я направила её к воротам. Я не попрощалась ни с Трибором, ни с матушкой. Надеюсь, что они не обидятся. Ранидолл погружался в сумерки, зажигались уличные фонари. Магический огонь до самого утра будет отгонять прочь ночную мглу, чтобы достопочтимые горожане могли спокойно передвигаться по улицам столицы. Каждый дом наполнялся светом, который лился из окон на тротуар, а мы покидали город, желая его жителям спокойного сна и безмятежной ночи.

По нашему лесу мы мчались как тёмные тени, стук копыт заглушала мягкая почва. Животные, слышав нас, в страхе затаились. Я смотрела вперёд, туда, где ещё светлел закат. Мы спешили, и вёл наш отряд АхраШеррот. Я держалась позади короля, с нежностью глядя, как развевается плащ за его спиной, как коса, стянутая на конце чёрной лентой, бьётся, словно живая. Я пригнулась, уворачиваясь от хлёстких ветвей елей и лиственных деревьев. Мне казалось, что они останавливали меня, пытаясь схватить. Тонкие пальцы тянулись ко мне, ветер шептал, прося поспешить.

Любимый оглядывался на меня, подбадривал доброй улыбкой, только она не касалась его холодных глаз. Кони несли нас к третьему кордону, после которого начинались земли орков. Мы сделали остановку, чтобы узнать, как обстоят дела на границе. Дозорные доложили, что активности не наблюдается. Король успокоился, но прежде чем мы отправились дальше, они с АхраШерротом долго стояли на восстановленной стене, вглядываясь вдаль, и тихо шептались. Я была рядом с ними, с любопытством слушая перепалку бывших друзей.

— А если они только и ждут, когда мы выйдет за ворота? — спросил тёмный. — Не лучше ли самим напасть на них?

— Зачем привлекать к себе внимание? Да и справимся мы с тобой с орками. Когда это ты стал пасовать перед степняками? — удивился Тантрион, а я деловито усмехнулась.

— С тех пор, как у меня на шее повисла фэйари. Не могу же я дать ей погибнуть?

— Не можешь, — кивнул мой любимый. Его тяжёлая рука легла мне на плечо и притянула к надёжной груди. Я прижалась щекой к холодному металлу серебряных лат, наблюдая, как морщится мой раб, следя за нами. — Но и нападать на орков первыми не стоит. Это опасно для твоей госпожи.

Тёмный смерил меня взглядом и отвернулся. С его пальцев сорвались четыре зелёных огонька и, взмыв в небо, пропали из виду.

Я видела, как он напряжён, его снедало непонятное мне чувство. Ветер любовно трепал его волосы, игрался с эльфом, который даже не замечал этого, смотря туда, где за деревьями начиналась степь.

— Знаешь, мне порой хочется иметь дар провидца, чтобы знать, куда идти. Будущее так туманно и пугающе.

— Мы сами строим свою судьбу, Ахранитэль.

— Тебе легко говорить, имея в руках фэйари. Ты можешь изменить всё в свою угодую.

— Это не так! — заступилась я за своего короля. — Тантрион ни разу не просил у меня ничего менять!

— Хэни, — остановил меня любимый, крепче прижимая к себе.

— Ну так попросит, — издевался над моими чувствами тёмный. — Попросит, а ты не откажешь, госпожа. Так ведь? Я прав? Всё что угодно выполнишь ради него?

— Хватит! — крикнул Тантрион. — По себе не ровняй других.

Король подтолкнул меня к лестнице, но я обернулась на тёмного. Ветер гневно дёргал

его за распушенные волосы, ругаясь. Сам эльф рукой убрал локоны от лица и вновь обратил свой взор к границе. Высокий, широкоплечий, он одиноко стоял на стене на фоне фиолетового неба, погружённый в тяжёлые думы, печальный. Вдруг стало его жалко. Видимо, ему не хватало любви. Всем нужна любовь в этом мире, даже ветру, который шептал, что всё будет хорошо, игриво тёрся о мою щёку. Я верила стихии, верила и надеялась, что скоро АхраШеррот сам поймёт, что одиноким быть тяжело.

— Хэни, — позвал меня мой король, подгоняя спускаться, и в этот момент тёмный обернулся и усмехнулся, сверкая жёлтыми глазами.

Жестокий взгляд пронзал до самого сердца, убивая во мне любые крохи жалости. Такой и один не пропадёт, но всё же хотелось, чтобы он встретил ту, которая перевернёт его жизнь с ног на голову. Пусть из вредности, но я пожелала всем сердцем, чтобы он пал к ногам той, что станет для него центром мироздания. Представив эту картину, вернула ему глумливую ухмылку. Тоже мне тёмный, не на ту напал, своими улыбочками пугать.

Но видно было, что он не впечатлялся, так как ухмылка на его губах растянулась ещё шире, открывая белые ровные зубы, и взгляд стал цепким.

Я сбежала вниз по лестнице, злясь на себя. И чего я испугалась? Он же раб, он починается каждому моему слову. К нам с королем подошёл командир кордона, доложил, что орков не видно. Опытные следопыты проверили для нас путь, и мы может быть спокойны.

Тантрион позвал меня к коням, пора было двигаться дальше. Ахра присоединился к нам, сообщая, что впереди нет ни одной живой души, на его ладони гасли зелёные огоньки поисковиков. Наш отряд стремительно неся к каменной пустоши, мимо замерших големов. Тантрион поделился мнением, что, возможно, они и пугают орков. И первое время будет спокойно, пока они не отважатся проверить. И вот тогда отомстят за свою трусость. Тогда они соберут силу, чтобы напасть на деревни. Поэтому нужно было спешить вернуться до этого момента. Я кивнула, соглашаясь с ним.

Степи встретили нас порывистым ветром. Я с трудом усмирила его, подчиняя себе. Он сердился, что нет ни одного деревца, с которым можно поиграть, только камни и потрескавшаяся земля. Засуха убивала всё живое, даже звери покинули степь. Я всё это рассказывала Тантриону, который слушал, внимательно оглядываясь.

— Это Паучиха! Это она вытягивает живительные соки из земли, меняет русла подземных рек, — объяснил мне король.

Мы неслись в сумраке, доверяя тёмному эльфу. Я плохо видела в ночи, больше полагалась на ветер. Он шептал, что орки близко. Они стояли лагерем, я крикнула это королю, он кивнул.

— Да, я чувствую, — отозвался он. Но темпа мы не сбавили.

— Нужно проскочить, — передал слова Ахра один из теней.

Я вцепилась в поводья. Мне казалось, что не проскочим. Они слишком близко. Это понимала не только я. Стремительный бег лошадей прервался боевыми криками орков. Я не понимала что происходит, ветер уверял, что впереди никого нет. За спиной также послышался клич. Из-под земли, сбрасывая с себя песок, на нас нападали степняки, размахивая топорами. Я ловко вскинула лук, приложила верные стрелы и расстреливала всех кого видела. Меня окружили плотным кольцом тени и сам король, поэтому мне пришлось встать на лошадь, которая нервно переступала копытами.

— Хэни, сядь! — приказал мне король, я подчинилась, вспоминая наш с ним уговор, но

успела пустить три стрелы, вонзившиеся в зелёную кожу нападавших.

Орков с каждым мигом становилось всё больше. Тёмный эльф, в компании двух теней, красиво танцуя в боевом трансе, уничтожал орков по одному.

— Остановитесь! — зычный громоподобный голос раздался с холма, за которым стоял лагерь орков. Я обернулась. Освещая себя посохом, на холме стоял громоздкий орк, судя по одежде, это был вожак. — Шаман приглашает вас, лесной король, к своему шатру.

Тантрион встретился со мной взглядом, затем обратился к вождю:

— Я поеду один, раз приглашение только для меня одного.

Орк усмехнулся, положил руку на свой боевой топор. Свет от посоха позволял его рассмотреть лучше, чем тех, кто стоял рядом и сверкал глазами во тьме. На нём были лёгкие латы, кожаная юбка не скрывала коленей, на ногах высокие сандалии. Орк не был старым, смоляные волосы убраны в хвост. Я всегда считала зеленокожих уродливыми: густые брови их вечно хмуро собирались у переносицы, злые чёрные глаза прожигали ненавистью. И я не понимала их откровенного желания убивать.

— Приглашение для всех, лесной король. Мы умеем быть гостеприимными, особенно когда в гостях у нас фэйари.

Моему удивлению не было предела. Как он безошибочно в темноте угадал, что это я фэйари. Но его взгляд был направлен на меня, и в этом не было сомнений.

— Хорошо, мы принимаем приглашение.

Наша процессия поднималась на холм, где нас поджидал вождь, а за спиной мы оставляли тела шестерых погибших орков.

Их несли на щитах остальные степняки, склонив головы. Я не понимала, зачем надо было нападать, если они зовут в гости? Или это была ловушка?

Лагерь орков встретил нас полыхающим костром, который освещал шатры, расположенные вокруг него. Навстречу нам вышел старый орк, его зелёная кожа на лице испещрена морщинами, а на теле татуировками. Длинные седые волосы заплетены во множество косиц, украшенных бусинами и яркими лентами. Шаман был именно таким, как я себе его и представляла.

За его спиной собирались остальные орки, они, заметив процессию с погибшими соплеменниками, бросились к ней.

— Сегодня костёр будет полыхать до самого неба, — пробормотал шаман и, кажется, несколько не расстроился. — Приглашаю тебя, фэйари, к нашему столу. А также твоих слуг, — обратился орк исключительно ко мне.

Я в ту же секунду оказалась за спиной АхраШеррота, а сбоку меня прикрывал король.

— Вы приглашали меня на разговор, — напомнил он.

Шаман усмехнулся, неприятно оскалившись.

— Конечно, лесной король, и вас.

Я вообще заметила, что шаманы у орков очень старые, словно молодым стать шаманом невозможно, или они недостаточно доверяли юным летам?

— Мы принимаем приглашение, — великодушно отозвался мой любимый.

— Эльф, знай своё место, — огрызнулся вождь, вставая рядом с шаманом. — Приглашение должна принять наша госпожа.

Все разом обернулись ко мне. Я же, гордо вздёрнув подбородок, смиловилась над мужчинами, лишь бы не подрались. Атмосфера между ними накалялась. Я даже, кажется, начала видеть искры меду моим королём и вождем орков.

— Я принимаю приглашение, — на манер короля обронила как бы с ленцой, — только мы ужасно спешим. Так что говорите, что хотели, и мы поедем.

Шаман развернулся, отходя к костру.

— В давние времена этот мир принадлежал нашим господам, фэйари. Они были очень заботливы.

Я шла за шаманом, поглядывая, как остальные орки расступаются и с любопытством рассматривают меня.

— Но их уничтожили эльфы, — обвиняюще обронил вождь. Рука короля опустилась на моё плечо, и я оказалась прижата к нему спиной.

— То было тёмное время, — предостерегающее недовольство в его голосе звучало сталью. Мой король вообще не любил когда кто-то обвинял в чём-то его народ. — Паучиха смутила умы многих.

— Они не были воинами, — продолжал говорить шаман, игнорируя моего короля.

— Это неправда, — возмутился за моей спиной король. — Они достойно сражались.

Мы остановились возле костра, и шаман пригласил сесть на меха. И сам сел, ему тут же орчанка подала золотую чашу работы подгорных мастеров. Рядом с ним на меха опустился вождь, и я тоже по совету короля села на колени, чтобы в любой момент вскочить.

— Они никогда не были воинами, как эльфы, — надавил шаман, прежде чем отпить из чаши.

Затем он чуть подался вперёд, от чего в его глазах отразилось пламя костра.

— И вот, наконец, в зелёных лесах эльфов расцвёл драгоценный цветок.

Я любила всякие легенды и сказания, и мне стало до безумия любопытно. Я обратилась в слух.

— Этот цветок спасёт наш мир, вернёт в него равновесие.

Я отлично знала наш лес, и очень захотелось посмотреть на этот таинственный цветок хоть глазком.

— А что это за цветок? Где он распустился? — шёпотом уточнила.

И не только я хотела раскрыть сию тайну, но и среди молодых орков были такие же, как и я, любопытные. Мы затаили дыхание, пока я не услышала шипение тёмного эльфа:

— Тантрион, ты её специально такую глупую растил? Чтобы на её фоне выглядеть мудрым?

— Помолчи, Ахранитэль. Хэни, он тебя имеет в виду.

— Меня? — удивилась я, оглядываясь на своё сопровождение. Тантрион сидел по левую руку и кивал мне, подтверждая свои слова.

— Теперь вы наша госпожа и должны заботиться о нас, — назидательно проговорил шаман.

— Тс, — я закатила глаза. — Что ещё я должна?

— Ниспослать дождь на степь. Она гибнет, — окинув рукой вокруг, твердо ответил орк, словно только и ждал моего вопроса.

Я видела, что орки большие надежды возлагают на наш разговор. И я просто обязана стать их спасением.

— Она гибнет, потому что под вами подземное царство Паучихи, — повторила я слова короля. — И если хотите спасти степь, вам надо помочь нам уничтожить тёмную богиню.

— Мы воины, ваши воины. Но прежде чем мы пойдём за вами, ниспошли дождь, — сухо ответил мне шаман.

Вождь покивал головой. Он расположился рядом с шаманом и пил с ним из одной чаши вместе с ещё тремя орками. Каждый из них держался с большим достоинством, горделиво выпятив широкую грудь и с презрением оглядывая теней.

Мне в принципе было не жалко, только мой король меня остановил, не дав вставить слово.

— Разве дождь спасёт степь? Болезнь внутри земли, вода лишь впустую уйдёт сквозь неё.

Шаман недовольно на него взглянул.

— Всем известно, что для жизни нужна вода.

— Но чтобы что-то зародилось, нужна жизненная сила земли. А её нет, всё забирает себе Паучиха. И вместо того чтобы препираться со мной, взгляните на моё королевство. Я не допускаю её власти на мою землю.

— Это потому, что у вас есть фэйари! — выкрикнул вождь, вскакивая на ноги. Он указывал на меня пальцем, обвиняя короля. — Вы заморочили голову нашей госпоже, она забыла о нас, своих воинах!

— Где же были эти воины, когда их госпожа так нуждались в поддержке? — тихо раздался голос тёмного.

— Что?! — взвился вождь, а с ним и остальные орки.

Все, кроме шамана, который продолжал сидеть на мехах и смотреть на меня. Я не

отводила от него взгляда, пытаясь понять, что ему надо от меня. Ведь неспроста он завёл весь этот разговор. Им нужно спасти степь, но, кажется, была и другая причина.

Шаман поднял руку, заставляя вождя отступить, и заговорил сам:

— Когда пришли эльфы, мы жили в степях. Мы вольные воины, мы дети этого мира. Мы поздно узнали, что пришла беда с приходом чужаков, так похожих на наших господ. Мы пытались спасти фэйари, но королева запретила ввязываться в бой. Она мне лично сказала, что времена фэйари прошли. Но мы будем ещё долго жить и даже увидим, как расцветёт цветок, способный вернуть равновесие в этот мир. Я послушался свою госпожу, мы не вмешивались, наблюдая, как фэйари один за другим уходили за грань. А потом моё сердце забыло слова королевы, когда мир стал меняться, когда степь стала увядать. Мы пошли к эльфам, чтобы...

— Убивать, — закончил за него король.

— Мы голодали, — возразил орк.

Я слушала, и мне было жалко орков. Получается, они исполняли приказ королевы фэйари? А все думают, что они трусили.

— Почему вы не попросили еду? — обратилась я к шаману и услышала со всех сторон возмущённые возгласы.

— Мы — воины! — рявкнул на меня орк, который сидел рядом с вождем.

— Да, мы воины, — согласился с ним шаман. — Мы не просим, а завоёвываем. Разве мы могли унижаться перед убийцами наших господ.

— Но вы могли... — я даже слов не могла подобрать, прекрасно понимая их чувства орков. Не могли они просить. Они ненавидят эльфов за гибель фэйари. — Но я тоже эльф, — выдохнула я вместо того что хотела сказать.

— Ты фэйари, госпожа. В тебе сильна кровь господ, — благостно ответил шаман, сощулив свои и без того узкие глаза.

— Почему вы спокойно не позвали нас, зачем напали? Мы же убили ваших воинов! — возмутилась, запутавшись в своих чувствах. Ветер шелестел, что орки правы. Я должна была им довериться. Они не обидят.

— Мы воины, — повторил шаман. — Мы не просим, мы гордо берём то, что нам нужно.

— Они хотели её у нас отбить, — со вздохом, понять которого я не могла, произнёс АхраШеррот.

Король кивнул на его слова.

— Мы выслушали вас, — начал он, обращаясь ко всем собравшимся оркам. — Будет вам дождь, но и вы должны сдержать слово. Вы пойдёте с нами отвоёвывать свою степь у тёмной богини, которая убивает её. Созывайте совет племён. Всех, кто откликнутся. Мы пойдём первыми, и потребуется отвлечь основные силы тёмных эльфов.

— Вы идёте против тёмных с тёмным? Не бойтесь, что он приведёт нашу госпожу в ловушку, — забеспокоился обо мне вождь.

— Он не тёмный, — осадил шаман своего вождя. — И к тому же раб.

Мы удивлённо перевели взгляд на возмущённого АхраШеррота.

— Я тёмный, — зашипел он.

— Я повидал много изменённых, я срезал им головы не раз, — невозмутимо стал объяснять шаман ему, от его слов меня передёрнуло. — Я забирал у них глаза и языки. Для настоек мне нужен был яд. У меня отличный нюх, а ты пахнешь как светлый, ветром и травой.

Тантрион загадочно улыбался, поглядывая на взбешённого АхраШеррота, я тоже с усмешкой следила за ним. Его кожа светлела, это точно. Она оставалась серой, но не была такой тёмной, как прежде.

— Тёмных меняет яд Паучихи, вам тоже следует этого опасаться.

— Яд пауков нас убивает, — бросил ему шаман, продолжая сверлить меня взглядом.

И чего ему надо? Я робко взяла своего короля за руку, ища поддержки. Тантрион обернулся ко мне и сжал мои пальцы в своей ладони. На сердце стало теплее и светлее.

— Что же вы в нём находите, моя госпожа? Что королева, что ты. Что такого в нём видите, от чего не можете отказаться? — вопрос шамана смутил меня.

Я долго смотрела сначала на него, затем на огонь, чтобы потом перевести взгляд на моего возлюбленного.

— Не могу говорить за королеву фэйари. Каждый находит что-то своё в своей любви. Сердце же само выбирает, кого любить.

— Конечно, — усмехнулся тёмный с другой от меня стороны. — Это любовь! Глупые сказки для не менее глупых эльфиек. Жизнь намного суровее, госпожа. И ты скоро поймёшь, что любви нет!

— Есть! — возмутилась я, разворачиваясь лицом к нему. — Ты сам поймёшь это, когда встретишь свою половинку.

— Половинку чего? — усмехнулся тёмный. — У меня все целое! И сердце, и голова, в отличие от тебя!

Кулак короля заставил моего раба замолчать. АхраШеррот вскочил на ноги, я тоже, как и король за моей спиной. Тёмный сверкал жёлтыми глазищами, прикрывая рукой разбитый нос.

— Ты дождёшься, настанет день, и я убью тебя.

— Не настанет! — холодно осадил я тёмного. Ветер вокруг меня закружился, защищая от тёмного как меня, так и моего короля. — Никогда не наступит этот день.

— Ещё посмотрим, — прошипел АхраШеррот и ушёл в степь, укрытую мраком ночи.

— Госпожа ниспошлёт нам дождь? — весело отозвался орк.

А я была на взводе, поэтому обернулась к нему лицом и усмехнулась.

— Будет вам дождь, — в гневе выкрикнула.

Над нашими головами сверкнула молния. Это было отражением моей злости на тёмного и орков. Все они были против моего короля. Хотя он не сделал ничего плохого им. Никогда Тантрион сам не нападал на орков, а по репликам, которые мне удалось услышать из разговоров Древних, поняла, что Тантрион не раз спасал АхраШеррота, почему же они его не любят?

— Хэни, успокойся, — попытался остудить меня мой король. Он прижал меня к себе, но я замотала головой. Не могу простить им ненависти к моему любимому. Он ни в чём не виноват. Он лучший, а они его ненавидят!

— Хэни, остановись, — приказал мой король.

Я же представляла, как вода затопит всю степь и подземное царство, как тонут тёмные эльфы, как орков уносят потоки воды. Никто не смеет ненавидеть моего возлюбленного.

— Хэни, — звал меня мой король. Он поднял моё лицо к себе и поцеловал.

Я растерялась, удивлённо моргнула. Приоткрыв рот, позволила королю увлечь меня нашим поцелуем, прижимаясь к нему, погружалась в сладкую негу.

Когда наши губы разлучились, на душе появилась тоска. Я хотела продолжить, хотела

дольше оставаться в его объятиях.

— Хэни, перестань злиться. Зло порождает только зло, — шепнул мой король, прежде чем обернуться к шаману. — Вы попросили дождя, как видите, он скоро прольётся, теперь ваш черед держать слово.

— Мы воины и умирать во имя нашей госпожи не боимся, — ответил вместо шамана вождь.

— Отлично, мы вам верим. Ну а нам пора продолжить путь.

— Мы проводим вас ко входу в подземелья, — учтиво для орка заявил вождь. А шаман продолжал молчать. Только когда мы развернулись, он тихо произнёс:

— Цветок распустился, и опять эльфам достанется он.

Я обернулась, поймала его усмешку, мысленно позлорадствовала, так как тучи собирались над орками тяжёлые, грозовые. Молнии освещали степь, поднимался ветер.

Я увидела АхраШеррота и поспешила к нему, отбегая от Тантриона. Тёмный обиженный стоял ко мне спиной, и я постучала его по плечу, а затем испуганно охнула, когда меня за запястье схватили, сделав подсечку, опрокинули на руки, и я оказалась лицом к лицу с желтоглазым эльфом.

— Он не любит тебя, пойми. Ты для него просто игрушка. Да и что ты, малолетка, можешь предложить Древнему? Ты скучна и глупа.

Я пыталась вырваться, но тёмный крепко держал меня, не давая высвободить руки.

— Зато я люблю, — пропыхтела в ответ.

— Это и раздражает. Ты к нему всем сердцем, а он!

Ахра склонялся ко мне всё ниже. Я запаниковала, понимая, что он задумал. Наши губы были в опасной близости, и я их закусила, чтобы не соприкоснуться. Мысленно застонала. Нет, нет. Никто не смеет стирать с моих губ следы поцелуя короля. Нет!

— Отпусти её, — холодный женский голос тени придал мне силы, и я сумела оттолкнуть от себя АхраШеррота. Он стоял, с усмешкой косился на острый меч, который прижимался к его шее. Нас окружили тени, оттесняя меня от тёмного.

Тантрион налетел на меня ураганом, смял в объятиях, шипя на Ахра:

— Ещё раз и я не вспомню о былой дружбе.

— А не пора ли её уже похоронить? Вместе с твоей первой женой? — отозвался тёмный. — Эй, леди, можешь убрать свой клинок, не трону я свою госпожу. Всё равно она не поймёт моих чувств.

— Тс, — я покачала головой. — Ты моих тоже не понимаешь!

— Понимаю, — печально отозвался в ответ тёмный и ловко сел на коня.

Тантрион, прежде чем отпустить меня, смерил взглядом и подарил шальной поцелуй, который сначала сбил с толку, а затем, как лёгкий ветерок, придал силы.

Я улыбнулась, хотела прижаться к его груди, но король подвёл меня к моей лошади.

— Я же говорил тебе: не отходи ни на шаг, а ты убежала. Хэни, ты должна слушаться меня.

— Хорошо! — кивнула в ответ, поглядывая на короля, которого освещали молнии. Ветер трепал белый снег его волос и полы плаща.

Тантрион сел на своего коня. К нам присоединился небольшой отряд орков на степных волках. Они указывали нам путь. Гроза собиралась долго, сгущая тучи, пугая молниями и страшным громом. Тантрион оглядывался каждый раз на меня, я не отставала от него. Кони несли нас к горному хребту. Первоначально мы планировали искать вход с южной стороны

гряды, но оказалось, что он есть и с восточной. И огибать не пришлось. Орки первыми добрались до провала в земле у подножия гор. Я, спрыгнув с лошади, подошла к подземному ходу. Из проёма на меня смотрела непроглядная мгла, веяло затхлым ветром, наполненным страхом и смертью.

— Там южнее вход широкий, этот не так давно открылся. Из него пока никто не выходил, — рассказывал командир отряда лично мне. — Вы пойдёте здесь, а мы с юга. Там и охрана у тёмных и пауки. Мы отвлечём внимание. Тут безопаснее идти.

— Благодарю, — кивнул король орку, который недовольно поморщился от славного голоса моего любимого.

— Да, благодарю, что помогли найти вход в подземное царство тёмных эльфов, — кивнула и я.

АхраШеррот присел у провала, с его пальцев сорвались зелёные огоньки поисковиков. Тантрион осторожно, но настойчиво заставил меня отойти подальше то ли от тёмного эльфа, то ли от неизвестной опасности, которую таила в себе мгла. Над головами продолжал гроыхать гром. И мелкий дождь робко ронял свои капли.

Орки, подняв голову, улыбались, радостно обсуждали природное явление, называя его не иначе как чудо. Они сердечно поблагодарили меня и поспешили в лагерь. АхраШеррот все также сидел над провалом, тени рассредоточились вверх по склону, а я с королём ждала, когда тёмный даст нам отмашку.

АхраШеррот

Как же это маленькая фэйари его раздражала. Это было невыносимо видеть. Так и жмётся к Тантриону, а он, гордый, благосклонно ей улыбается. Неужели она не видит, как он к ней относится? Так же, как и все! Она для него просто источник небывалой силы. Те же орки хотят её ради своей угоды. Ахра не считал себя таким уж и подлецом. Все они такие же тёмные, как и он, отравленные ядом тщеславия, гордости, раздутого самомнения.

Нужно было встряхнуть наследницу фэйари, заставить взглянуть на себя по-другому. Но ей подавай лишь Тантриона. Хотя Миали не родовитее Ахра. Он никогда ничем не выделялся, кроме своей правильности. Блюститель нравов, поборник законов.

Немель стиснул зубы, злясь на глупую девчонку, которую он хотел отбить у Тантриона. Ну почему всегда выбирают его? Да он без своей смазливой мордашки никто! Любимец женщин, он всегда умудрялся завоёвывать сердца, даже не прикладывая усилий. Одним взглядом поражая цель. Ахра в свою былую молодость соперничал с ним, у кого больше будет поклонниц. Тантрион даже не знал о соревновании, но постоянно выигрывал!

Тёмный замер, услышал лёгкие шаги. Госпожа решила проведать раба? Ахра глумливо оскалится. Она грезит о любви? Так будет ей любовь!

Он, как истинный ревнивец, вздумал украсть у прелестницы поцелуй, но чуть не рассмеялся, глядя, как девчонка закусила губы, сопротивляясь ему. Да некоторые просто мечтают о нём, а эта как от прокажённого отбрыкивается. Острый клинок остановил забаву на самом интересном месте, когда Ахра уже практически сорвал лёгкий поцелуй.

Он отпустил госпожу, наслаждаясь видом взбешённого Тантриона. Это был бальзам на сердце. Ни с чем не сравнимое удовольствие.

Миали пытался спрятать в своих объятиях маленькую глупышку, сверкая глазами. Да, он негодовал, злился, что не успел, что не он спас от тёмного. АхраШеррот прошёл мимо

выскачки, которая решила его остановить, смерил её презрительным взглядом, чтобы убралась с его дороги. Светлые вечно гордятся своей преданностью долгу, дружбе и прочим глупостям. Нет никого более ценного, чем ты сам и твоя собственная жизнь. Даже дети, твои родные дети, готовы тебя предать, превратить в раба и унижать, удовлетворяя свои низменные желания.

АхраШеррот сел на коня, дёрнул поводья, желая забыться в завываниях ветра, пронзять воздух в стремительной скачке, превратиться в дракона и сжечь всех неугодных, всех, кто причиняет ему только боль, кто выворачивает душу, погружая в непроглядную, чёрную жуть.

Возле гор орки догнали его и указали направление. Спешившись, Ахра слушал ломанный эльфийский в исполнении командира небольшого отряд зеленомордых. Тёмный никак не мог взять в толк замысел творца, создавшего такое убожество. Ведь и красотой лица орки были обделены, хоть какой-то привлекательностью и умом не блистали, а всё туда же, нужна им фэйари, чтобы зажить припеваючи.

Присев возле провала у подножия горы, Немель отправил поисковики, которые долго не возвращались. Остальной отряд успел подтянуться. Тёмный через плечо кидал взгляды на Тантриона. Он так же, как и сам Ахра, знал, как опасны пауки и боялся за свою драгоценную Хэни. Пауки могли часами выслеживать свою жертву, пока она не зайдёт достаточно далеко в ловушку, затем отрезали ей путь и нападали скопом.

— И долго ещё ждать? — тихо спросила нетерпеливая Хэни, приближаясь к Ахру.

— Пока не проверим, что спускаться вниз неопасно, — шепнул Тантрион.

Орки оставили их, так толком не объяснив, что это за провал, возможно, он никуда и не вёл, и это станет для эльфов могилой, в которой орки похоронят их после того, как захватят наследницу. Тёмный никому не доверял, и уж тем более тем, с кем столько сотен лет вел кровопролитные войны.

Тантрион беседовал с командиром. Госпожа приблизилась к Ахру и тяжело вздохнула:

— Ну кто так проверяет?

Болезненный толчок в спину был такой силы, что тёмный не удержался и упал в провал. Он взмахнул руками, развернулся, в последний момент хватаясь за ногу противной рыжей бестии, которая, ехидно ухмыляясь, смотрела на него. Он утянул её за собой под оглушительный визг. Тантрион бросился к ней, схватил за руку и не дал упасть. Ахра самодовольно оскалился, глядя в перепуганные глаза Хэни. Он видел, что девочке больно, и она боялась упасть.

— Только вместе, моя госпожа. В бездну или на небеса, только вместе.

— Отпусти! — пропыхтела она, цепляясь за руку Тантриона.

Из провала показались зелёные огоньки поисковиков. Они впитались в ладонь Ахры, и он, подняв голову, улыбнулся, затем подмигнул и разжал пальцы.

Тантрион

Как часто мужчины теряли голову из-за любви к женщине. Как часто Тантрион слышал такие истории. Сам он любил, но оставался рассудительным, поэтому считал, что это рассказы. Свою жену он боготворил за её красоту, за добрый нрав, за то светлое чувство, которое она подарила ему. Их любовь была как солнечный тёплый день, бесконечно долгий, даже после смерти последней королевы фэйари. Грусть поселилась в сердце Тантриона, но воспоминания не давали померкнуть любви в его сердце. Король знал, кто виноват в смерти

его жены, и смотрел сейчас ему в глаза. Пусть и вина тёмного косвенная, ведь любимая выбрала свою смерть, спасая Тантриону жизнь, но владыка не мог простить Ахру его кровожадности и безрассудства, позволившего Паучихе захватить его разум.

Но времена меняются, меняются и сами эльфы. Тантрион впервые понял, что сходит с ума от беспокойства за маленькую фэйари. Новая любовь опаляла, лишая рассудка, срывая спокойствие.

Когда Хэни, испуганно вскрикнув, рухнула вниз срываясь с края расщелины, что-то окончательно оборвалось в душе короля. Он держал свою любимую за руку и смотрел в глаза Ахру. Знакомая картина, так уже было. Опять между ними была фэйари. Только в этот раз Тантрион не готов отдать её никому, и чтобы при этом не говорила сама Хэни. Только не в этот раз. Только не она.

Ахр усмехнулся и расцепил пальцы, но Тантрион понял, что бывший друг не собирается отступать. Фэйари — это власть и сила, и кто станет её хозяином, тот и будет управлять миром.

Но разве объяснить тёмному, что Тантрион не отдаст своего никому и никогда. Он уже сам не был уверен, что сохранность этого мира важнее жизни маленькой Хэни. Он крепко прижимал её к себе, забывая все правила приличия, целовал на глазах у изумлённых подданных, и ему было безразлично, что они думали по этому поводу. В сознании билась лишь одна собственническая мысль, оттеня жадностью душу — «Моя!»

Хэни порывисто отвечала на поцелуй, срывая и без того пошатнувшийся контроль. Ласковая. Влюблённая, податливая и готовая на всё. Любовь фэйари — чистейшей воды эликсир, который Тантрион готов был пить часами, годами, тысячелетиями с этих сладких губ.

Юркий язычок дразнил воображение, а гибкий стан горячил древнюю кровь. Тантрион забыл эти ощущения, когда хочется утонуть в захватывающем чувстве единения. Словно вернулись годы юности, словно душа скинула прожитые годы и расправила крылья, готова воспарить над землей.

Но вежливое покашливание командира теней вернуло в реальность, а она была такова, что дождь усиливался с каждой минутой и вскоре спуск в расщелину станет ещё опаснее, чем он есть.

Оторваться от сладкой девочки Тантрион смог не сразу, урвал напоследок шальной поцелуй, обещающий о скором продолжении. Чтобы не ждало их в подземелье, но Хэни он готов защищать ценой собственной жизни. Король провёл пальцем по щеке своей названной невесты. Она была прекрасна с затуманенными от страсти глазами. Хэни рассеяно моргала, явно не понимая, почему он остановился. А Древнему и самому было жалко останавливаться именно сейчас.

— Не дразни тёмного, — легко пожурил Тантрион свою невесту, прижимая её к себе. — Он злопамятный.

— Хорошо, — кивнула она в ответ, но в голосе фэйари король услышал несогласие с его словами. Упорная, всё равно сделает так, как считает нужным.

Тантрион отстранил девушку от себя, держа за плечи. Всё же она, в сущности, ребёнок. Обиделась, что отчитал, а он за неё испугался.

— Ахр никогда никому не позволял подшучивать над собой, и его обидчик всегда вымаливал у него прощение. Это я помню ещё по детским годам.

— О! — серые глаза расширились от удивления. — Он был маленьким?

Тантрион оценил шутку, и осторожно подвёл Хэни к краю, вглядываясь вниз. Основная часть отряда уже спустилась и разжигала огонь, оглядывая вход в подземелье. Получив подтверждение, что там безопасно, Тантрион легко спрыгнул вниз, мягко приземлившись, лишь меч брякнул о латы. Затем, поправив полы плаща, протянул руки вверх, тихо зовя Хэни. Та, не раздумывая, прыгнула вниз, и с улыбкой на губах оказалась в руках короля. Тантрион хотел бы завладеть розовыми губками хотя бы на короткое время. Но дело, за которым они пришли сюда, требовало от него предельного внимания. Иначе он мог потерять своё маленькое, неугомонное и непоседливое счастье.

— Там узкий проём. Возможно, придётся ползти, — ворчливо произнес Ахр.

Тантрион кинул на него взгляд, ставя Хэни на каменный и влажный пол подземелья.

— Это твой дом, ты и вежи нас, — приказал лесной король, надеясь на рабские метки, которые становились все менее заметными на светлеющей коже тёмного. Когда его кожный покров обретёт свой первозданный цвет, метки потемнеют и приобретут голубой оттенок, но до этого было ещё далеко.

Тёмный полз первым, Хэни рвалась следом за ним, и Тантриону постоянно приходилось держать её за руку. Он не хотел, чтобы его невеста оставалась с Ахром наедине, поэтому он легко протиснулся в узкий лаз, затем помог Хэни, которой внимание короля льстило, и она с удовольствием каждый раз оказывалась в его объятиях.

Отряд лёгкими бегом перемещался по каменному туннелю, огибая опасные места. Как предположил тёмный, до подземного города несколько часов пути, и задерживаться светлые эльфы не хотели. Слишком гнетущая обстановка была вокруг. Каменные плиты словно давили на них. И только лесной король был спокоен. Его стихия придавала ему уверенности, а Хэни подсказывал ветер, который даже здесь не оставлял её. Король заметил, что эта стихия выбрала его невесту ещё с детства. И они словно подружились. Порой владыке чудился голос, звонкий и в то же время тихий, как шёпот. У Тантриона было подозрение, что это элементарь стал верным соратником Хэни. Слишком много было своеволия у ветра, которого Хэни слушалась, хотя всё должно было быть наоборот. В юной Ясил возрождалась сила древнего рода фэйари, пробуждая сам мир Ислардию и его первозданных существ — элементарей.

Хэни

Путешествие по подземному миру принесло много открытий. Например, я узнала новые виды монстров, кроме пауков, которых надо убивать не раздумывая. Если видишь нечто похожее на камень, но с горящими жёлтыми глазами и огромной пастью с зубами, то беги, отстреливаясь в глаза, иначе сожрут. Если видишь зелёное существо, так похожее на лягушку, то укорачивайся от яда, которым оно стреляет. А ещё страшнее мох, который отравляет воздух и нужно быстро пробежать мимо него, не останавливаясь ни на секунду. Я стреляла в сторону любого звука, так как создания хаоса притаились в самых непредсказуемых местах.

Если бы не ветер, предсказывающий появление монстров, то, наверное, мы бы потеряли нескольких членов отряда. Ахр и тот удивился количеству тварей. Они даже поругались с моим владыкой, который считал, что тёмный ведёт нас по заведомо опасным туннелям.

Я не знала, чью сторону принять, поэтому просто молчала, внимательно слушая ветер, чтобы не пропустить очередной подсказки.

Мы не делали привала, шли несколько часов, прежде чем услышали звук горна.

— Орки! — крикнул Ахр спереди.

Так же, не останавливаясь, мы передвигались, прячась за высокими каменными клыками. Было сложно остаться незамеченными отрядами тёмных эльфов, которые бежали по главной лестнице, ведущей на поверхность, навстречу прорывающимся оркам. Тантрион старался прикрыть меня собой, время от времени хватал за руку, в другой сжимая эфес своего меча. В этой излишней заботе было для меня много смущающего и неудобного. Ведь мне требовались обе руки, чтобы стрелять, так ещё и приходилось подстраиваться под мужской шаг.

Неожиданно земля задрожала под ногами, а каменная крошка посыпалась с потолка. Ахр вёл нас всё глубже вниз, уверяя, что мы подошли к самому сердцу подземной империи. Я сомневалась, но молча слушалась своего владыку, который тревожился обо мне с каждой секундой всё больше.

Я никого не хотела отвлекать, но голод скрутил живот до боли. Украдкой вытащила хлеб и предложила небольшой кусок Тантриону. Он, хмурия брови, сначала взглянул на мою протянутую руку, а затем открыл рот. Я несколько смутилась, но покормила владыку прямо на ходу.

— Останавливаться опасно, — пробормотал он, склоняясь ко мне за следующим кусочком сытного хлеба, который все ещё вкусно пах и был мягким.

— Я понимаю, — кивнула в ответ.

Так незамысловато утолив голод, я тихо посмеивалась над королём, которому вернее всего непривычно довольствоваться малым. Хотя за его плечами было множество сражений, и он на собственном опыте знает все тяготы походов, не то, что я.

Жаль, в тёмном тоннеле плохо было видно лицо короля, но его улыбку я успела поймать, а затем сильные пальцы сжали мои. Если бы не грохот и опасность встречи с врагом, я бы в полной мере могла насладиться романтическими моментами. Тяжело вздохнув, решила подождать возвращения домой.

Чем ближе мы были к городу, перескакивая через провалы, обходя каменные мосты, тем больше встречались часовых. Тёмных было сложно застать врасплох, но Ахр молниеносными движениями в полной тишине убирал их с помощью наших теней.

Когда же мы добрались до самой столицы, я чуть не выдала нас свистом восхищения, благо тёмный вовремя закрыл мой рот ладонью, гневно зашипев:

— Здесь часовые — пауки, они чувствуют изменение воздуха, так что будьте предельно внимательными. Незамеченными нам не пробраться, только с боем.

Тантрион вырвал меня из рук Ахра, уточняя, куда конкретно нам идти. А я во все глаза смотрела на подземный город. Он был огромен под сводом необъятной взглядом пещеры. Её каменные неровные стены уходили вверх, скрываясь во мгле. Город освещали магические фонари. Их было так много, что, казалось, будто я смотрела на один огромный фонарь. Сам город был неспокоен, тёмные сновали по улицам в полном вооружении, кто пешим, кто верхом на пауках. Все они подтягивались к западным воротам — центральному входу в столицу.

Ахр указывал рукой на дворец, куда нам нужно было пробраться, так как под ним находился храм. Он обещал провести нас потайным ходом.

Но я вклинилась в разговор:

— Зачем нам храм? Нам нужно найти Хани. Где тюрьма или где тут у вас держат

врагов?

Тёмный смерил меня взглядом, тяжело вздыхая, словно я неразумное дитя.

— Нам нужно добраться до Паучихи и убить её.

— Это тебе надо, а мне нужен мой брат. Где он может быть? — обиженно потребовала ответа. Будет он мне указывать, что нужно сделать в первую очередь!

— Хэни, он прав, — тут же заступился за моего раба владыка.

— Нет, — упрямо покачала головой. — Сначала брат. Я сюда пришла за ним. И он лучший воин. Так что...

— Если пойдём его искать, то утратим преимущество внезапной атаки.

Тантрион так выразительно на меня посмотрел, но я качала головой. Ветер тоже был на моей стороне, обещая найти брата, раз никто не хочет мне помогать. При этом он толкнул Ахра, а я приказал тёмному:

— Разделимся, ты и половина отряда теней идёте в храм, а мы потом присоединимся. Как только найдем Хани.

Ахра дёрнулся мне что-то сказать, но я закончила словами:

— Это приказ.

Тантрион положил мне руки на плечи, прижимаясь со спины.

— Это неразумно, Хэни.

Но мой раб ждать не стал, уверенными движениями пальцев отобрал несколько теней, и они первыми кинулись вниз. Пауки, как и говорил тёмный, сразу подняли тревогу. Тантрион махнул рукой, и наш небольшой отряд бросился вслед за Ахром. Я держалась за спиной владыки, отстреливая пауков и тех дозорных, которые, заметив нас, бросились наперерез.

Достигнув стен города, мы преодолели последнее препятствие и оказались в сердце царства Паучихи, наполняя его встревоженными криками и громкими приказами. Наш отряд легко продвигался по улицам, отстреливаясь от встречных тёмных. Незаметными у нас не получалось быть, поэтому времени даже передохнуть не было. Крики погони и топот ног постоянно слышались с разных сторон. Доставая на бегу стрелы, приходилось снимать засевших в земляных домах лучников и магов. Но мы были быстрее и сильнее тех, кто остался защищать нижние кварталы. Даже маги не могли поймать нас своими заклинаниями. Ветер шептал куда свернуть, он был мне путеводной нитью, даровав надежду на встречу с братом. Он нашёл Хани, и теперь меня ничто не могло остановить. Даже владыка, тихо ругаясь, с трудом поспевал за мной. Ветер вёл тайными ходами, подсказывая какие закоулки безопасны, а где притаился враг.

Через несколько кварталов нам стали встречаться более богатые дома, украшенные множеством огней и отгороженные высокими железными воротами. Они доставляли нам большие проблемы, и я искала более укромные улицы, пока не поняла, что ветер зовёт меня в один из этих особняков.

Он стоял практически возле дворца, поэтому мы и заметили на одной из параллельных улиц отряд Ахра. За ними была организована погоня многочисленнее, чем за нами. Но и нам не доставляло удовольствия перепрыгивать через кованые ворота, убивая стражей, защищающих вход в особняк. Выбив дверь, один из теней получил стрелу в руку. Я выпустила в ответ сразу несколько стрел, ветер придал им ускорение и направление, после чего мы смогли проникнуть в просторный холл. За спиной послышались страшные звуки, издаваемые каменными големами. Одного взгляда назад было достаточно, чтобы понять, что оркам сейчас будет туго. Големов было шесть штук под управлением трёх магов. И все они

шли плотным строем, ломая ступени дороги на поверхность.

Ветер дёрнул за косу, заставляя не отвлекаться. В особняке, оказывается, было полно воинов. Они высыпали в холл, окружая нас. Тени, сверкая мечами, не давали возможности прицелиться, вырезали лучников. Мой владыка взмахами меча заливал белый мрамор пола чёрной кровью тёмных. Я снимала тех, кто появлялся на балконах, прячась за тонкими витыми колоннами. Надо отдать должное хозяйке особняка, вкус у неё был. Изящные линии каменных перил, светлый мрамор, как стен, так и потолка, яркое освещение, словно и не в подzemелье находимся.

Ветер упорно тянул меня за собой, и я спешила, перескакивая ступеньки, поднималась на второй этаж. Владыка пару раз дёргал меня за руку, задвигая себе за спину. Тени не отставали, усердно расчищая путь. Я держала магический щит от нефизических воздействий на случай, если в особняке есть сильный маг.

Никогда не вела бои в домах. Это было ужасно неудобно. Пришлось убрать лук и взяться за мечи. Новый в правой руке, в левой — старый, проверенный. Порой я отвлекалась на Тантриона, который в своей холодной ярости был подобен богу. Его плащ плотным щитом укрывал владыку от выпадов тёмных, давая несколько секунд для смертоносного замаха мечом. Все его противники опадали к его ногам, руками зажимая раны. Они истекали отравленной чёрной кровью, своими телами мешая другим нападать на владыку. Тени не уступали королю, увеличивая счёт в нашу пользу.

Я слушалась велению ветра и в скором времени ворвалась в спальню, где мне путь преградила одна их магов тёмной братии. Она была вооружена и не давала обмануться своей хрупкой с виду красотой. Тёмная эльфийка показала мне свои коготки, бросив в меня заклинание вечного сна, при этом кровожадно блеснув жёлтыми глазами. Но мой щит выстоял, рассеяв заклинание. Поняв, что магия не поможет, она сходу набросилась на меня, не давая толком зайти в спальню. Её выпады чуть не сбивали меня с ног. Парные клинки свистели возле моего лица, и им вторил крик Хани, требующий, чтобы я остановилась. Но разве это могло подействовать? Я же видела, что он был прикован к стене возле кровати и рвался ко мне, туго натягивая толстые звенья своих оков.

— Хэни, умоляю, не убивай её! — оглушил крик брата, когда я уже готова была нанести последний удар, который снесёт красивую головку с тонкой шеи. — Я люблю её!

Я замерла, удивлённо моргнув. Та, которую я держала за волосы и приговорила к смерти, оказалась возлюбленной брата? Я неверяще перевела взор на Хани, который изменился за эти несколько дней разлуки. Он осунулся, тёмные круги под глазами, в уголках век залегли морщинки. Я радовалась что не чувствовала в нём яда Паучихи, а значит, он всё ещё светлый.

— Это она? — потрясённо переспросила у Хани, пытающегося порвать цепи, только бы добраться до тёмной эльфийки.

— Хэни, прошу, не убивай её. Она хорошая. Умоляю, отпусти.

Бой за моей спиной затих. Не только я одна пребывала в изумлении. Тёмные воительницы, как и мой король, в немом удивлении смотрели на свою госпожу. Я отступила от неё, жёстко приказывая освободить брата. Та повела плечами и явно не собиралась этого делать. Пришлось применить магию моего рода. Я властительница этого мира, и все подвластны мне. Тёмная эльфийка на несгибающихся ногах подошла к столику возле разбитого в пылу драки зеркала и достала из выдвижного ящика ключ, которым отперла оковы Хани. Мой брат, мой любимый брат вместо того чтобы радостно окружить меня в

своих объятиях, прижал к себе свою пленительницу.

— ДарриШэль, успокойся, — ласково шептал он ей.

А я обернулась к Тантриону, жалобно глядя на него. Я запуталась. Что мне теперь делать? Я так стремилась его спасти, а он обнимают ту, кого следует убить, пока этого не сделала она с ним.

Тантрион обнял меня, строго обращаясь к брату:

— Хани, мы должны уходить. Ты с нами?

— Конечно с нами, — взвилась я, вырываясь из объятий владыки. — Я не оставлю его с этой...

Приличных определений для эльфийки у меня не было, поэтому я некультурно ткнула в прижимающуюся к брату женщину пальцем.

— Хэни, — укоризненно осадил меня брат. — Это моя любимая, ДарриШэль. И я...

Вдруг пол под нами задрожал. Тёмная эльфийка схватилась за голову, замычав от боли. Брат придерживал её, как меня мой король. Стёкла в окнах разбились, осыпаясь мелкой блестящей крошкой на мраморный пол.

— Что это? — тихо спросила, наблюдая, как тёмные корчатся от боли, не в силах держаться на ногах.

— АхраШеррот добрался до храма.

— Отец? — слабым голосом спросила ДарриШэль, выпрямляясь и стирая кровь, текущую из носа. — Он жив? Отец здесь?

Мы с Тантрионом переглянулись, а Хани нахмурился, глядя на свою возлюбленную. Пол задрожал вновь. Эльфийка взвизгнула, сжимая руками виски.

— Нам пора к Ахру на помощь, — напомнил владыка. — Хани, ты должен идти с нами.

Брат, держа в руках свою возлюбленную, выглядел неприкаянным. Он явно не хотел с ней разлучаться. Вновь. Я же помнила, как он страдал в разлуке. Вот она запрещённая любовь, у которой не было счастливого будущего. Они, наверное, встретились в одной из стычек, когда тёмные напали на наш город. Мой брат, похоже, сразу воспылал к этой тёмной красавице любовью. Сколько раз я видела его на стене кордона, задумчиво вглядывающегося вдаль. Он, наверное, ждал встречи с ней, не раз заступая вместо кого-нибудь на караул. Мне было так больно за него. И вот сейчас он вновь должен отказаться от своей любви по приказу владыки. В родных и обожаемых глазах плескались боль и отчаяние, а ещё любовь и нежность, когда он смотрел на белую макушку эльфийки.

Я вспомнила свою молитву за брата, возносимую падающей звезде. Моё желание сбылось. Но тогда я не ведала что творила, не знала, какая сила заключена во мне. И теперь терзалась угрызениями совести. А так ли и хорошо, что они встретились? Нужно было брать ответственность за свои деяния.

Я приблизилась к брату и его возлюбленной, постанывающей от адских мук. Приложив ладонь к покрытому испариной лбу, прикрыла глаза.

— Владыка, тёмные умирают, — краем уха услышала шёпот одного из теней.

— Ахр сумел убить их богиню, — ответил холодно Тантрион. Сердце кольнуло страхом за брата. Я не желала, чтобы он пережил смерть возлюбленной на своих руках.

Сила, которая теплилась в груди, стала щекотать пальцы. Я чувствовала, что смогу помочь Хани. Я искренне желала ему счастья.

— Очистись от яда Паучихи, обратись к Свету. Ты должна жить ради моего брата, ради вашей любви.

Свои слова я словно слышала издалека, и голос казался чужим. Я видела свет ауры ДарриШэль, там, где находилось сердце. Она любила моего брата. И эта любовь держала её в этом мире не давая уйти вслед за Богиней за Грань. Я потянулась к этому свету, вливая в него свою силу. Улыбнулась, когда огонёк отозвался на подпитку, ласковым цветком раскрывая лепестки солнцу.

Ещё одно землетрясение осыпало нас побелкой с потолка. Особняк жалобно заскрипел. Тантрион попытался оттащить меня от ДарриШэль, но ей нужна была моя помощь, так как яд стал выходить рвотными спазмами. Встревоженный Хани умолял взглядом о помощи. Я осталась, прося у короля немного времени.

Тени, отправившиеся за разведку, сообщали, что не все тёмные погибли. Те, что остались, продолжали бой с орками, которые прорвались в подземелье и были уже на подступах к столице.

— Хэни, нам пора.

Я кивнула, похлопав брата по плечу. Отдала ему свой детский меч, обещая вернуться. Пора было закончить то, зачем мы сюда пришли. Разобраться с чёрным порталом. Изгнать всех исчадий хаоса в их родной мир.

Я уверенно спускалась по ступенькам, глядя на светлый проём двери, ведущей на улицу. За спиной шёл мой король. Тени чуть впереди, очищая дорогу от не сдающихся тёмных эльфов. Крики сражающихся и звон металла перекрывали грохот обваливающихся домов. Земля под ногами ходила ходуном, но я шла, силой своей власти приказывая тем, кто сеет зло, исчезнуть из моего мира. Я не чувствовала своего тела. Я не была собой прежней. Мой шаг эхом отражался от каменных стен огромной пещеры. Я была здесь, и я была везде. Не только на нашем материке, но и на восточном, и на южном. Там, где мои собраты так же сражались с приспешниками тёмной богини.

Мир сам выплёвывал тварей, порождённых извращённым сознанием Паучихи. Я чувствовала, как с каждым ударом сердца мой мир становится чище.

АхраШеррот

Если ли предел злости, Ахр не знал, но чувствовал, что его предел скоро наступит. Заносчивая фэйари посмела приказать! Ему приказать! Да ещё и при всех, под глумливую улыбочку Тантриона за её спиной. Тёмный не понимал, откуда в, казалось бы, хрупкой и глупой фэйари эта непробиваемость. У него не получалось подобраться к ней, втереться в доверие. Все должны исполнять только то, что она хочет!

Забрав самых сильных теней, которые успели показать своё умение во время нападений орков, тёмный срывал злость на пауках и дозорных, рубя с плеча, представляя себе вместо них фэйари. Как же она его раздражала! И ведь не понимает, что ходит по краю. Ещё бы слово и он бы наплевал на рабские метки. Он бы в муках, но придушил бы, нет, пронзил бы её своим мечом, который ему отдал Тантрион. О, это была бы сладкая месть! Тёмный вертелся на месте, не жалея своих соотечественников, полностью ушёл в себя, представляя раз за разом, как проливает алую кровь Хэни. Как же она была прекрасна с испуганным взглядом, висящая на краю пропасти. Вот это выражение лица он готов был наблюдать тысячелетиями, а может и вечность.

Выскачка, несносная девчонка. Да как она смеет ему приказывать, ему, Древнему! Разве он думал, что его уловка обернётся против него? Ещё и перечит своему обожаемому владыке и ради кого? Сосунка, который не сумел защититься? Что он за воин, если его так легко захватили? Ничтожество.

Перескакивая через трупы пауков, Немель с силой вонзал сталь в податливые тела дозорных, слышал их хрипы и шёл напролом к храму. На что она надеется, отправив его туда? Паучиха не так глупа. И свои силы Ахр рассчитывал правильно. Возможность ему одному справиться — ничтожно мала.

Прорвавшись к первым домам, тёмный чуть сбавил ход, прислушиваясь к крикам тревоги. Где-то слева к центру пробивался отряд Тантриона. Усмехнувшись, Ахр надеялся, что фэйари поймёт, как сглупила. В нижних кварталах города можно было заблудиться в однотипных домах и тёмных закоулках. Здесь жили рабочие, те, у кого не было будущего. Всё, что им позволялось — это есть, спать и работать. Даже размножаться они могли только после того, как заплатят подать в храм.

Тени, что были с ним, сражались на равных, прикрывали спину друг другу и прежде чем выйти на открытое пространство, проверяли, притаившись в тени домов. Самое опасное было впереди. В нижних кварталах освещались только центральные улочки, а в верхних магические огни были практически везде. Да и воины, держа магические жезлы, караулили, сидя на пауках, на каждом перекрестке.

Добравшись до площади перед храмом, Ахр понял, что придётся вести теней подземным лазом, о котором знали лишь рабы, сумевшие сбежать из подземных камер. Туда попадали те, кого отдавали в жертву Паучихе на съедение, как прокорм.

Махнув рукой, тёмный позвал свой отряд за собой и побежал вдоль улицы, отстреливаясь от простых рабочих, которые не были даже воинами, и едва знали, как держать оружие в руках. Но не стоило ему недооценивать тех, кто потом и кровью

зарабатывает право на жизнь. Этот сброд, который прежде Немель презирал за их пресмыкание перед женщинами, урвавшими власть у него самого, преградил им путь в одном из переулков и вступил с их маленьким отрядом в бой.

Тёмный усмехнулся своим сородичам, возможно даже сыновьям и внукам, поигрывая мечом, примеряясь, кто умрёт первым. Ахр старался не думать о том, сколько эльфиек с ним переспали, считая его сильным мужчиной. Он мечтал забыть вообще этот ужасный период в его жизни, полный бесконечной череды незнакомых женщин, алчных до его тела, жаждущих его семени. Ни один сын так и не выбился в лидеры, лишь дочь. Его ДарриШэль единственная из всех многочисленных детей унаследовала от отца лидерские качества и с успехом воплотила их, став главной матерью.

Сделав первый выпад, Ахр показал пример, как нужно расправляться с теми, кто не заслуживал уважения. Но после пятого поверженного, павшего к его ногам, тёмный понял, что их решили задавить массой. И тут не поможет умение владения мечом, лишь скорость.

Недолго думая, Ахр решил пройтись по головам, по стене дома взобрался повыше, оттолкнулся и рванул, по головам и плечам тёмных эльфов, уворачиваясь от цепких рук. Тени прорывались кто как мог, но старались прикрыть своего временного командира, усиливая натиск, заливая тёмной кровью и без того грязную улицу. Но удача отвернулась от Немеля, и резкий рывок вернул его на землю. Ахр упал на каменные плиты улицы навзничь, больно ударившись головой. Тут же на него набросились тёмные, желая разорвать его голыми руками, но их оттеснили тени. Немель, открыв глаза, в первые моменты подумал, что наконец-то умер и увидел легендарные рощи с их небесными девами, одна из которых склонилась над ним. Искристые голубые глаза словно воды ласкового моря, светлая кожа без намека на загар, и локоны словно лучи солнца, выбивающиеся из-под серого капюшона. Такое знакомое лицо, особенно розовые пухленькие губки. Он видел их прежде в своей земной жизни. Ахр мог любоваться чудным видением бесконечность. Наконец на него снизошла благодать. Полное спокойствие и гармония в душе.

Но болезненная пощёчина и ругань, сорвавшаяся с прелестных губ, разбила надежду тёмного. Над ним склонилась тень и ругала, как настоящий мужчина, тяжелыми словечками, чтобы встал и не улыбался, как сошедший с ума. Сердце Ахра от прекрасного голоса пропустило удар, а затем словно заново забилося, очередная пощёчина придала силы, и вот он уже целует пальцы прелестнице, чтобы в следующий миг укрыть её от дубины, готовой обрушиться на хрупкую головку.

Вскочив на ноги, Ахр поднял свой меч и, крикнув теням, бросился на толпу явно обезумевших от безысходности тёмных. За их головами уже показались маги. Волосатые лапки пауков, цепляясь за щербатые стены, неуклюже переваливаясь с боку на бок, несли на своих спинах всадниц, вооружённых посохами.

Ахр потянул девушку за собой, расталкивая тёмных с помощью магии, которую хотел приберечь для главной битвы, но, видимо, не судьба. Невель тащил упирающуюся тень за собой, слушая её ворчание, что она сама может идти, самостоятельно, без его помощи. На что эльф только улыбался. Странная эйфория поселилась в груди, именно там теплилось что-то светлое, весёлое, от каждой острой шпильки эльфийки. Как он сразу не разглядел её? Столько было возможностей поговорить, утащить в тенистый куст, к щебечущему роднику. А все фэйари, всё эта заноза. Вдруг тёмный понял, что странно себя ведёт и как ошпаренный отскочил от эльфийки, поражённо уставившись на неё, словно впервые видел.

— Чего теперь застыл? — рывкнула та, обгоняя его по улочке. Ахр видел, как она

разминала запястье, за которое он её держал, и в довесок эльфийка, блеснув голубыми глазами, буркнула: — Ненормальный какой-то.

Другие тени толкали Немеля в спину, заставляя его двигаться, а он, дёргая плечом, пытался объяснить себе, что это у него в груди, в самом её центре. Сердце билось так сильно, и оттого что эльфийка уходила, было тоскливо.

Мимо пролетел огненный заряд, взрываясь о стену дома, осыпаясь камнями. Тряхнув головой, Ахр постарался сбросить себя оцепенение и направился вслед за той, что теперь вела отряд. Обогнав теней и снова возглавив отряд, в ворохе мусора обычной помойки, в невзрачной подворотне он безошибочно отыскал лаз в подземный храм Паучихи. Следующий заряд взорвался намного ближе, но тёмный успел прыгнуть в тайный ход и закрыть его, поставив магическую печать.

Дальше он повёл отряд тёмными низкими тоннелями, хитросплетение которых выучил за время своего рабства. Сколько раз он сбегал и сколько раз его возвращали обратно. В этих коридорах он прятался, прислушиваясь к каждому шороху. Спать здесь порой приходилось вполглаза, иначе крысы могли отгрызть ухо или нос, прожорливые твари. Тут их была тьма тьмущая, но и они боялись пауков, которые патрулировали тоннели в поисках беглых рабов.

Ахр выбрал путь, ведущий к паучьему лежбищу. Мрачный тоннель встретил их укутанными плотной паутиной стенами. Приказав теням сжигать как паутину, так и яйца, Ахр шёл позади эльфийки, которая расчищала ему путь. Немель прислушивался к звукам, издаваемым пауками, бряканью металла цепей от ошейников на рабах, ожидающих свою участь. Тени вглядывались сквозь решётки в темноту встречающихся камер, но без приказа даже не пытались никого освободить. Лишь сочувствие и чувство справедливости читал в их глазах Немель.

— Ну и где Тантрион? — проворчал он.

Задвинув себе за спину эльфийку, он выглянул в главный зал храма, затянутый, как и тоннель, паутиной. Главная Паучиха сидела на паутине под самым потолком, её дочери беспокойно перемещались то вверх, то вниз. Несколько тёмных эльфиек со склоненными спинами стояли на коленях и молились. Это были Верховная жрица и её помощницы. Они общались с Богиней, которая двигала желваками и плела что-то передними лапками.

— Бейте по Паучихе заклинанием «Неугасаемого огня», — приказал Ахр, создавая в руке файерболл.

Первый зал сорвался слаженным клином. Вслед за огнём полетели небольшие мешочки, которые бросали тени. В зале храма начались раздаваться взрывы, от чего несущие колонны рушились одна за другой. Ахр, пытаясь не упустить из вида Паучиху, направился к ней. Жрица раздавала приказы стражницам атаковать нападавших. Но тени на то и элитный отряд. Крики Верховной затихли, так и не достигнув коридоров. Немель, уверенно прыгая по тугим и липким верёвкам паутины, подобрался к Паучихе. В его голове звучали слова маленькой фэйари. Он должен исправить то, что натворил. Он обязан уничтожить Паучиху. Сам, собственными руками. Жуткая тварь хаоса его заметила сразу, оцетинилась, вставая на задние лапки. Яд сочился с её жала на самом кончике брюха, а то, что она плела, белым комком медленно падало вниз на пол.

Огонь поедал паутину, сжигая более мелких особей пауков. Тени безжалостно уничтожали яйца, так и не успевшие созреть, все, без остатка. Дым наполнял зал храма, непроглядной сизой завесой скрывая Тёмную богиню. Но Ахр упрямо полз вверх, гонимый неведомой силой. Ветер развеивал его волосы, расчищая ему видимость, разгоняя дым. Зато

она его, кажется, не могла видеть, поэтому, словно наугад, тыкалась своим жалом, неуклюже стоя на задних лапах.

Ахр, не раздумывая, бросился вперёд, уклоняясь от её лап. Всё вокруг перестало существовать для него. Лишь цель, лишь месть, лишь острый меч в руке. Вспышки, дым, полыхающий огонь, крики умирающих пауков и жриц — ничто не могло его отвлечь от Тёмной богини. Ахр не видел, как пламя, словно живое, хищно набрасывалось на пауков изголодавшимся хищником, как тени, не зная, что делать, замерли, удивлённые поведением стихии. Как ветер раздувал пламя, придавал ему сил, при этом вокруг светлых эльфов свились лёгкие смерчи, защищая их от удушливого газа.

Ахр жалил Паучиху серебряным жалом меча, с глумливой улыбкой наблюдая, как вытекает их брюха твари чёрным потоком яд и кровь. Он отрубал ей лапы, от чего монстр завалился на один бок и упал на пол, раздавливая собой белый клубок. В нём оказались маленькие паучки, спрятанные матерью вместе с живым тёмным эльфом, который должен был стать им едой на долгое время, пока паучки не окрепнут.

Огонь тут же набросился на разбегающихся детёнышей Богини, а она визгливо застрекотала. Звук был нестерпимым, пронизывающим, от него заложило уши у теней и самого Ахра. Он упал на колени, так и не завершив смертоносный замах. Меч выпал из ослабевших рук.

Он пытался встать, понимая, что Богиня зовёт на помощь своих дочерей. Пошатываясь, Ахр поднялся, дошёл до меча, склонился над ним, как вдруг одна из уцелевших лап схватила тень, пытающуюся заслонить собой тёмного. Ахр бросился на помощь. Девушка не могла вырваться из мёртвой хватки Богини. Острое жало грозило пронзить её. Немель спешил, как мог, отрубив сильным взмахом меча последнюю лапу Паучихи, наблюдая, как падает с визгом эльфийка в подставленные руки соратников. А Немель подобрался к голове твари хаоса и, вскинув меч, опустил его прямо между множества глаз. Монстр вскрикнул, но новый удар обрушился на хитиновую голову, потом ещё раз и ещё. Земля под ногами задрожала, а с потолка посыпались крупные каменные осколки. Ахр обернулся на теней и увидел, как в страхе расширяются их глаза, смотрящие на него, а затем острая боль пронзила его живот. Опустив глаза, Немель увидел кончик жала Паучихи, торчащий из чёрной ткани куртки.

— Ну, вот и конец, — тихо шепнул АхраШеррот и последний раз бросил взгляд на ту, что рванулась к нему, стреляя из лука в умирающую Богиню.

Его светлая дева кричала, голубые глаза наполнились настоящими каплями самого ласкового моря. Ахр улыбнулся ей, отдавая последние силы смертоносному удару, от которого щетинистая голова, усеянная стрелами с зелёным оперением, отделилась от туловища монстра, а жало дёрнулось, убивая Древнего.

Земля под ногами теней заходила ходуном, каменные плиты стали подниматься, словно под ними настоящий бушующий океан. Командир отряда теней, схватив рыдающую Эаризель, приказал отступать обратно в тоннель, через который они пришли.

АхраШеррот не закрыл глаза, провожая взглядом ту, что на краткий миг подарила ему больше, чем все миры за всю его жизнь. Яркое счастье, наполненное тайным смыслом, затаённой надеждой. Яд Паучихи капал с жала, смешиваясь с алой кровью эльфа. Сердцебиение медленно угасало. Ахр прикрыл глаза, когда его окружило пламя, начиная уничтожать опасные останки Богини. Ласковый ветер гладил бледное лицо мёртвого Немеля, целуя губы.

Впервые встретив свою любимую, юный Ясил долго не мог забыть её жёлтые глаза, преисполненные достоинства. Эльфийка, хоть и тёмная, покорила его своим мастерством владения парными клинками. Тот короткий бой, конечно же, выиграл он. Сделав обманную подсечку, он повалил воительницу на землю и уселся сверху. Разглядывая девушку, он покорённый её красотой, не смог удержаться от дерзкого поцелуя.

Он спеленал эльфийку заклинанием «Лассо из трав», не желая убивать, оставил в лесу, а сам бросился на выручку старшему брату. Потом под покровом ночи вернулся проверить её, но не нашёл. Успокоив своё сердце тем, что она благополучно ушла со своими, так как среди пленных её не было, как и среди убитых, сжигаемых в глубокой яме. Почему он не смог убить проклятую? Почему поцеловал? На эти вопросы у него тогда не было ответов. Они не находились и через год. Лишь сердце радостно билось, стоило заметить желтоглазую блондиночку среди сородичей, сидящую на пауке, атакующую городские стены. Он каждый раз пытался оказаться рядом с ней. Каждый раз легко подбирался к ней, убивая её ездовых пауков и отражая атаки взбешённой эльфийки.

Она, кажется, тоже не понимала, что концентрирует все свои силы на нём одном. Рыщет среди светлых, а, найдя, направляет на него всю мощь своей магии. Хани с улыбкой отмахивался от её атак, понимая, что самое грозное заклинание точно попало в цель. Он влюбился. Эльфийка чем-то напоминала ему Хэни, такая же упорная, настойчивая, не отступающая от цели. А её целью стал он. И глядя на маленькую сестрёнку, на то, как она всеми силами старается добиться своего счастья; как она не унывает, придумывая планы по завоеванию владыки; беря с неё пример, он решился. Узнав, что король собирается жениться на сестре, молодой Ясил решился бороться за свою любовь. В последней битве он поддался и заметил, как победно заискрились жёлтые глаза, как бой закончился, толком и не начавшись.

Та, в кого влюбился Хани, оказалась первой матерью и вела своих воинов к столице лесных эльфов только ради того, чтобы захватить в плен Ханинэля. Это льстило и пугало. Хотя умереть от руки любимой не так уж и страшно, главное — побыть с ней наедине, открыть своё сердце, даже если посмеётся. Хани хотел быть таким же сильным, как сестрёнка, и принять даже насмешку в ответ на свои чувства.

Тогда он не знал, что задумала для него ДарриШэль. Личный раб, постельная игрушка. Извращённая натура тёмной эльфийки не могла придумать, как соблазнить светлого, который больше разговаривал, даже не давал ей спать. За двое суток она так и не придумала, как заставить Хани разделить с ней ложе. Морила голодом, соблазняла своей наготой, но Ханинэль хотел иного. Правда, осознавать то, как он действует на любимую, было приятно. Она как кошка ластилась к нему, поняв, что силой ничего не сделает.

Да и сам эльф разговаривал с ней исключительно нежно, рассказывал, как бы они гуляли по ночному лесу, слушая сверчков. Как бы они сидели на берегу озера, наблюдая луну в отражении спокойной глади воды. Он даже размечтался уже об их совместных детях, придумал им имена, глядя на сидевшую на кровати и рыдающую ДарриШэль. Её соблазнительные формы обтягивало кожаное короткое платье, не скрывающее ноги от бедра. Лёгкие сандалии искрились драгоценными самоцветами, как и все украшения, что сегодня она выбрала. Она нарядилась ради него, накрасила розовым блеском губы, подвела

жёлтые глазки, от чего они стали ещё выразительнее. Хани не мог налюбоваться своей зазнобой, понимая, что она его бережёт. Могла же, как обещала, плетью исполосовать спину, изуродовать лицо, прижигая кочергой. Всё это могла с ним сделать, но только грозила. Даже никого к нему не подпускала, только требовала согласиться ублажать её в кровати. И, получая лишь улыбки, злилась всё больше.

— Я влюбился в тебя с первого взгляда, с нашего первого поцелуя, — шепнул он, стоя прикованным к стене.

Он понимал, что от него давно неприятно пахло, но гостеприимная хозяйка даже не подумала его искупать, лишь старалась поскорее завладеть его телом. Наконец, ему удалось дозваться до её сердца, которое так же, как и его, желало любви.

Первая мать встала и подошла ближе, чтобы, привстав на носочках, дотянуться до его губ. Хани в этот момент видел, как она нуждалась в этой лёгкой ласке. Он склонился в ответном порыве, как вдруг раздался громкий гул.

ДарриШэль обернулась к окну, прислушиваясь.

— В рог трубят, — тихо шепнула она, поднимая свои глаза на Хани. — Видимо, за тобой пришли. Но я тебя не отдам. Слышишь?

Эльфийка подошла к кровати, достала из-под подушки кинжал и вернулась к эльфу. — Убью, но не отдам.

— Я сам без тебя не уйду. Пойдёшь со мной?

— Нет, — помотала белокурой головой тёмная. — Солнце убьёт меня через сутки. Без яда мы гибнем.

В окне гул усилился, и обеспокоенная ДарриШэль вышла из комнаты. Хани не знал, говорить ли про раба сестры, который выжил. Имел ли он право подарить надежду любимой. Ведь, возможно, её и не получится излечить, как это произошло с рабом Хэни. Сомнения роились в голове у эльфа, который прислушивался, как ожил дом, где содержали его, в нём слышался топот ног и крики приказов. То, что за ним придут, он знал. Поэтому придумывал, как будет убеждать родственников, что Дарри хорошая. Да и кто ему поверит? Хэни? Нет, она не поверит. Мама? Возможно, она первая и примет тёмную в свой дом, но не отец и тем более не старший брат. Тёмная, проклятая кровь. Они как никто лучше знают, насколько злобны те, кто отравлен Паучихой.

Дарри вернулась через пару часов, собранная, в кожаной кольчуге и вооружённая. Она пообещала Хани, что убьёт всех, кто пришёл за ним, а затем и его самого.

Эльф пытался успокоить её, клялся, что его родственники поймут, если он захочет остаться с ней здесь, но не в качестве раба, а мужа. ДарриШэль рассмеялась, сначала весело, а затем горько.

— У нас нет мужей, так что забудь, — коротко бросила она, отворачиваясь от него.

Она встала так, чтобы встретить любого, кто войдёт в её спальню. За окнами раздались взрывы. Кто бы ни напал на город тёмных эльфов, это были смелые и сильные воины. Так как звуки битвы слышались всё ближе, зато в доме наступила тишина. Хани понял, что стража готовит ловушку для его спасителей.

— А у нас есть. А ещё есть жёны. Мы их любим, храним им верность, восхваляем в своих песнях, на руках носим. Мы делим с ними свою любовь, своё счастье. Я хочу разделить своё счастье с тобой Дарри.

Эльфийка обернулась, гневно сверкая глазами, но, опустив взор, промолчала.

— А какое оно, солнце? — после долгого молчания спросила она. — Оно обжигает,

горячее?

— Нет, оно яркое и ласковое. И лучше прикрыть веки, подставляя под его лучи лицо, — Хани улыбнулся, видя, как ломается решимость любимой. — И любовь мы сравнивает именно с солнцем. Оно такое же огромное, яркое и согревает даже в одиночестве. Тоска отступает, не причиняя боль, когда вспоминаешь о жёлтых глазах любимой, так похожих на осколки светила.

ДарриШэль вновь обернулась, робко улыбаясь.

— Ваше солнце, убьёт меня, если я выйду на поверхность, а я, твоё солнце, убью тебя, — продемонстрировала она свои парные мечи, а потом добавила ехидно: — Романтично, да? Прямо по-вашему, всё как в светлоэльфийских легендах.

Хани перестал улыбаться, понимая, что тёмная готова убивать, и его чары и слова на неё не действуют.

Когда же дверь открылась, и в спальню ворвалась воинственно настроенная сестрёнка, Хани впервые не знал, за кого переживает больше. Обе, и Хэни и ДарриШэль, были ему дороги. И теперь они сражались, правда, силовой перевес был у сестрички. Не зря же он её обучал всему, что знал сам. И когда Хэни, опрокинув тёмную эльфийку на пол, готова была её убить, сердце у Хани пропустило удар. Он кричал, умолял Хэни остановиться. Пытался защитить любимую, и чудо случилось. Всегда понимающая его сестра в изумлении и с толикой обиды уставилась на него, не веря своим ушам. Она искала поддержки у владыки, замершего на пороге и поддерживающего защитный непроницаемый купол, чтобы никто не проник в спальню.

Хани не успел даже удивиться присутствию Тантриона, как ДарриШэль отомкнула оковы, сдерживающие его, и упала в его руки. Дом заходил ходуном, с потолка опасно посыпалась каменная крошка. Ханинэль не понимал, что с его любимой, которая выворачивалась из его объятий, корчась от боли. Он поднял глаза на Хэни, молча умоляя помочь. Только фэйари способна спасти его возлюбленную, и сестричка не отказала. Она приблизилась к ним, хотя и было видно по её лицу, что она разочарована выбором брата. Сестра укоризненно смотрела на него, но творила древнее колдовство. Эльф видел нити её магии, но не понимал сути. Ослепительно белый свет окутал его любимую, приятно согревая и самого эльфа, а затем впитался в хрупкое тело ДарриШэль. После этого эльфийку стало рвать, а Хэни уже уводил Владыка.

Хани поблагодарил сестричку, готовый целовать её ноги за спасение жизни любимой.

Когда спазмы прошли, и ДарриШэль уснула, он поднял её на руки и вышел на улицу. Город предстал перед ним в руинах. Земля под ногами продолжала сотрясаться, от чего не выдерживали стены домов и рушились. Хани устремился к воротам, вспоминая, с какой стороны его привезли в эту пещеру. Он стал подниматься по лестнице, оглядываясь на мёртвые тела, как тёмных эльфов, так и орков. Светлых эльфов он не встретил и не понимал, почему орки решились на этот поистине самоубийственный поступок.

Но загадка оставалась для него неразгаданной, даже когда он выбрался наружу и увидел застывших каменных големов, замерших под палящими лучами солнца. Вся земля была вязкая и липкая, словно недавно прошёл ливень, и запах в степи был особенным, как после дождя. Орки, всегда враждебно относящиеся к эльфам, встретили его более чем дружелюбно. Даже косясь на ДарриШэль, пропустили его, не тронув.

Хани понял, что мир изменился за те двое суток, что его не было. Оглядывая необъятный простор, он ощущал лёгкость, словно сама степь стряхнула с себя оковы спячки.

Лесной эльф чувствовал, как зарождалась в ней жизнь, и скоро каменистая пустошь покроется высокой травой, деревьями. Хани улыбался, опьянённый чистейшим воздухом. Он улыбался, подставляя лицо солнцу и наслаждаясь загулявшим в его волосах ветром.

Взглянув на ДарриШэль, он пообещал себе, что они проживут долгую и счастливую жизнь вместе.

— Эй ты! — грубый голос орка остановил его, когда Хани успел уже спуститься с горы, под которой располагался главный тоннель царства Паучихи.

Эльф подобрался, понимая, что так просто его не могли отпустить. Наверное, сейчас его убьют ударом меча или стрелой в спину. А он был безоружным и даже спрятаться не мог со своей драгоценной ношей.

Медленно обернувшись, Хани приоткрыл рот от удивления. Зеленокожий великан под уздцы подвёл к нему коня.

— Далеко пешком не сможешь уйти. Тут опасно. Несколько тёмных сбежало.

Хани поблагодарил, переложил бессознательную Дарри на коня, и сам легко вскочил в седло.

— Благодарю тебя... — произнёс ещё раз Хани, а затем в сомнении добавил: — друг?

Орк расплылся в кривой ухмылке.

— Чтоб я сдох, если у меня завёлся друг среди эльфов. Ну ты скажешь, — орк расхохотался и ударил коня по крупу, от чего скакун рванул вскачь, а эльф так и не знал, как правильно понять слова орка. Друзья они теперь или нет? Что случилось в его отсутствие? Нужно было срочно вернуться домой и всё разузнать. За Хэни он, конечно, беспокоился, но с ней был владыка, а значит, лучшего телохранителя для сестрёнки и не сыскать.

Конь летел стрелой по степи, взрывая копытами землю, расшвыривая комья сырой грязи. Хани видел, как они догоняют чёрные низкие тучи. Когда в последний раз он видел дождь в степи? Не в этой жизни точно. Но, не останавливаясь, он правил коня прямо к завесе дождя, придерживая тело любимой. И через несколько часов непрерывной скачки они пересекли третий кордон.

Хэни

Храм оказался так глубоко спрятан под землёй, что осознание того, какой толщины пласт породы над нами, давило на психику. В зал мы вошли с центрального входа, не таясь, так как видели, что все тёмные гibli в страшных муках, корчась на улицах города, вместе с пауками.

Вид погрома и разрушений храма впечатлил.

— Ничего себе, — тихо шепнула королю.

Везде пылал огонь, уничтожая паутину с каменных плит. В центре зала, где, я так понимаю, должен быть алтарь, пламя поднималось мощной стеной до самого потолка. Колонны храма практически все были обрушены. И нам приходилось перескакивать через них в поисках уцелевших. Тени, сопровождающие нас, тут же рассредоточились.

Пещера готова была в любой момент обвалиться и заживо похоронить нас. Тантрион выкрикивал имя АхраШеррота. Я тоже искала его и теней. Наш отряд находил следы присутствия отряда, но тел их не было. Я с радостью обернулась к владыке, предлагая покинуть храм. Ни Паучихи, ни наших здесь точно не было, и с каждой секундой находиться в рушившемся храме становилось всё опаснее.

Но мой король вдруг замер, а ветер, который подсказывал мне путь, неожиданно больно дернул за волосы. Обернувшись, я вскрикнула, увидев в огне останки огромного паука, а ещё чёрное обугленное тело эльфа.

— Это кто? — сипло спросила я Тантриона.

— АхраШеррот, — тихо произнёс он, обнимая меня за плечи.

Я сглотнула, наблюдая, как огонь скрывает от меня чёрный силуэт со склонённой головой, лишившейся густых белоснежных волос. Я вспомнила, как впервые встретила с ним. Тогда они поразили меня сходством с моим владыкой. Лишь тёмная кожа подсказала, что я обозналась.

— Пойдём. Он искупил свои грехи, — позвал меня Тантрион, за руку уводя к выходу. Но я оборачивалась каждый раз, прощаясь с бывшим рабом. Какая ужасная смерть, хотя и геройская. Его будут прославлять в легендах.

— А где остальные тени? — всполошилась я, в страхе оглядывая храм, боясь под обломками увидеть не только тела тёмных, но и серые плащи наших соратников.

— Не знаю, но их точно нет. Пойдём, Хэни. Я не могу удержать стихию. Земля считает, что нужно уничтожить это место.

Я согласно кивнула, махнула рукой отряду, а сама, держась за руку владыки, поспешила наверх. Земле лучше знать, как хоронить своих детей, даже если они пришли из другого мира.

С другой половиной теней мы встретились у самых ворот, где они ждали нас, не желая оставлять в мёртвом городе тёмных. Я с содроганием смотрела на тела тех, кого отравила Паучиха. А ведь эту участь мог разделить и Хани. Я не понимала, почему именно в тёмную он должен был влюбиться. Или такова судьба Ясилов — быть не как все? Искать себе пару не в своём окружении?

Мы спешили выбраться на поверхность, хотя я чувствовала усталость. И лишь обваливающиеся своды тоннеля за нашими спинами подстёгивали, открывая второе дыхание. Ближе к выходу нас встретили орки, и продвижение стало быстрее, так как меня взял на плечи один из самых сильных воинов и просто помчался вверх по тоннелю. Владыка замыкал, уговаривая свою стихию подождать ещё немного. Именно благодаря ему тоннель не рухнул сразу, а словно подгонял нас, методично закрывая вход в проклятое царство.

Никогда так не радовалась прежде, как сейчас, оказавшись на поверхности и отъехав на орке на приличное расстояние, с которого было видно, как обрушилась гора. Я рассмеялась, поздравляя всех с победой.

Мой мир под лучами солнца словно искрился, переливаясь радужными красками. Мне казалось, что я огромная птица, облетающая всю планету, заглядывающая на все континенты и видящая только радость и счастье. Тёмные эльфы исчезли с лица земли. Не было больше власти Чёрной богини, как и присутствия исчадий хаоса. Я словно держала в руках хрустальную бусину, прозрачную и искрящуюся. Даже присутствие големов, которые не знали, что им делать без приказов бывшей хозяйки, нисколько не пугали. Наоборот, я радовалась и им, приказывая превратиться в обычные скалы, как знак нашей победы.

— Хэни, что с тобой? — встревоженный голос Тантриона вернул мне чувство реальности.

А я продолжала тихо смеяться, счастливо смотря на самого прекрасного мужчину. Порывисто обняла его за шею и поцеловала, чувствуя, как он, заразившись моим весельем, кружит меня и отвечает на поцелуй.

— Я люблю тебя! — прокричала я, запрокинув голову, раскинув руки в стороны. — Люблю больше жизни!

— Она пьяна? — тихий вопрос просто обрушил меня на каменные скалы. Я подавилась смехом и обиженно оглянулась на отряд орков, в сомнении следящих за мной. Впереди всех стояли трое выделяющихся яркой экипировкой воинов, вот один из них и задал этот вопрос.

— Возможно, — ответил другой орк.

— Эльфы все странные на голову, — добавил третий.

Кажется, они не понимали, что я знаю их язык и прекрасно слышу.

— Но она же фэйари, — в сомнении добавил первый.

На их зелёных лица осуждение было столь явным, что я стушеввалась. Опять опозорилась и перед кем! Перед орками. Так низко я ещё не падала. Но и объяснить своё пьянящее чувство безграничного счастья я не могла. Просто так легко и на душе, и в самом теле.

Тантрион, кажется, тоже слышал орков, потому что поставил меня на землю, обнял и тихо попросил не расстраиваться.

Через час мы собрались в нестройный отряд и отправились в обратную дорогу. Я узнала от орков, что Хани уже отбыл домой. Обидно, что он не подождал нас, но, видимо, тёмной требовались лекари, иной причины поведения брата я не видела. Он же меня любит, значит, должен был переживать за меня.

По пути в зелёные владения эльфов заехали к оркам, где шаман непристойным образом предлагал мне мужей взамен на проливные дожди. Даже заверения Тантриона, что со смертью Тёмной Богини степь оживёт, он не слушал. Мы с моим владыкой от орков просто сбежали, чтобы ещё чего не предложил этот явно сошедший на радость с ума старик. У меня будет только один муж и это Тантрион, который так восхитительно меня ревновал. Неужели он думал, что я выберу кого-то вместо него? Какие глупости. Мне нужен только мой король.

Через неделю

— Мама, конечно, ругала меня. И не посмотрела даже на то, что меня чествовали как героя, с коня стянула и домой поволокла. Заставила принять ванну и переодеться в платье, — я грустно вздохнула, подперев руками голову. Не хотелось продолжать рассказывать моё триумфальное возвращение домой. — Говорит, что я опозорила семью. Одна среди мужчин, ещё и с орками общалась. А я, между прочим, не одна была, и меня папа отпустил.

Мастер Брентиэль скрипяще рассмеялся, с трудом удерживая курительную трубку одной рукой, второй вытер слёзы, выступившие из его затуманенных глаз.

— Ну развеселила, — похвалил он, затаился и выпустил клубы табачного дыма. — Давно так не веселился. Значит, узнал-таки тебя владыка. Ну, знать, любовь его крепка к тебе.

Я кивнула, счастливо расплываясь в улыбке.

— Я знаю, — отозвалась, но, вспомнив слова мамы, скуксилась. — Вы поможете?

— Мало ещё. Продолжай, — повелел мастер, махнув на меня трубкой. Я расстроено рассматривала деревянную столешницу прилавка.

— А что ещё-то рассказать? И так уже рассказала всё с самого начала.

— Ну а как же иначе! — не разделил моей печали мастер. Он, в отличие от меня, был в прекрасном расположении духа. — Ты же от меня такую услугу требуешь. Какова работа,

такова и плата. Давай, расскажи про невесту своего брата.

— Да что про неё рассказывать, — ещё больше расстроилась я. Про ДарриШэль вообще говорить не хотелось. — Противная, ревнивая, вечно ко мне придирается. Из-за неё я с братом не могу спокойно поговорить. Глазищами своими белёсыми сверкает, словно убить меня мечтает, а ещё липнет к Хани, просто проходу не даёт ни дома, ни на службе.

— Белёсыми? — переспросил меня Брентиэль.

Я опять кивнула. Зачем я её вылечила? Если бы не брат... Тёмная ещё и каждый раз угрожает мне расправой, считая, что я не имею права любить своего брата. Это только её прерогатива, её право. Она за неделю вынесла мне мозг со своей ревностью, так что я решила сбежать к любимому во дворец, нарушив запрет матери. Собственно, за этим я сюда и пришла, и времени у меня оставалось всё меньше. Скоро меня хватятся и пиши пропало всей моей затее.

— Я избавила же её от яда Паучихи, и теперь она становится светлой эльфийкой. Первыми изменились глаза, были жёлтые, теперь они у неё светло-серые, практически прозрачные. Может, конечно, ещё потемнеют, я не знаю. Ну так вы мне поможете или нет? — жалобно спросила у мастера, видя, что он в принципе не против, просто растягивает удовольствие.

Сегодня торговли у него не было, никто не заглядывал в лавку. Вот и пришлось мне развлекать старого эльфа рассказами о своём грандиозном покорении Владыки, а заодно и о походе на Тёмную Богиню.

— Уверена, что Тантрион будет рад?

— Конечно будет! — воскликнула я, радостно улыбаясь.

Уж кто-кто, а владыка точно будет рад моей идее. Ведь мама отказала нам в свадьбе, сославшись на то, что я самая младшая и вперёд меня должны жениться старшие братья. А какая может быть свадьба, если Трибор только о службе и думает! Даже Хани и тот готов хоть сейчас вести эту тёмную вредину к алтарю, а старший братец, как назло, упрямится и говорит, что не нагулялся, что не хочет губить молодость.

— Ну хорошо, уговорила, — глаза мастера заискрились весельем, он выпустил клубы дыма, которые окутали меня с ног до головы.

Я, задержав дыхание, подождала, когда белые клубы рассеются, а затем подбежала к выходу, там, в углу, стояло зеркало в полный рост. Повертевшись перед ним, полюбовалась своим зрелым отражением. Теперь я не была нескладным подростком, а вполне статной женщиной маминых лет. Внешность моя немного и преобразилась. Я была вполне узнаваема и это главное. Радостно захлопав в ладоши, я перемахнула через прилавок и зацеловала щеки Древнего, умоляя его прийти на свадьбу. Он ответил, что непременно так и сделает, ведь свадьба Ясилов — это воистину торжество. Ведь ни одна свадьба нашей семейки не проходила без скандалов и драк.

Я удивлённо замерла, а старый эльф махнул рукой, прося меня не забивать голову глупостями и не слушать его бредни. Но я услышала! То-то мама про свадьбу обычно отмалчивается и описывает её общими фразами, словно это нечто обыденное и нисколько не интересное событие, а оказывается, очень даже интригующее. Отцу мама рот затыкала, хотя он и порывался поделиться воспоминаниями. Значит и мои родители в своё время покрыли себя позором. Зачем же меня каждый раз попрекают? Раз это у меня семейное?

Поблагодарив мастера ещё раз, я выбежала на улицу. Я хотела тут же помчаться к любимому и рассказать, что свадьбу можно сыграть хоть сейчас. Но вспомнив, что я теперь

степенная леди благородных кровей и тысячелетним опытом жизни, плавно пошла, качая бедрами так, как это делала матушка.

Домой решила не заходить, с опаской проходя мимо дома, косясь на то, как на крыльце тёмная выговаривала что-то Хани. Она размахивала руками, указывая куда-то, отчитывая брата. Вот же угораздило его влюбиться. Наши с Хани глаза на миг встретились, но я быстро отвела взор и поспешила вверх по улице.

— Хэни, стой! — раздалось за спиной.

Я, приподняв подол платья, потрусила по тротуару, слыша, как брат настигает.

— Стой, кому говорю! — рычал он. — Хэни! Стой, а то хуже будет!

Прохожие в изумлении смотрели на меня, даже останавливались, но что радовало — сторонились, и я побежала, наплевав на этикет и правила приличия. Вот уж точно не остановлюсь. Не сейчас, когда решается моя судьба.

— Хэни, стой!

Бегать, придерживая подол, куда неудобнее, чем носиться в брюках. Не удивительно, что брат меня настиг, не дав мне пересечь фонтанную площадь, и развернул, дёрнув за плечо. Я возмущённо отступила назад и попыталась отцепить пальцы Хани на своём плече.

— Кто это такая? Ещё одна Хэни? — удивлённо взывала ДарриШэль, появляясь из-за спины брата. Она презрительно прищурилась, став ещё более страшной, чем была. Ей куда было лучше с жёлтыми глазами, и она это знала, поэтому и нервничала, что брат её разлюбит.

— Нет, любимая, это моя сестренка и, кажется, она опять решилась на очередную глупость.

— Вовсе нет. Это не глупость, Хани! — возмутилась я, наконец, сумев сдёрнуть его руку и отойти подальше. — Я хочу замуж! Я и так слишком долго к этому шла, чтобы ждать ещё. Если Трибор не хочет жениться — это его проблемы, а я ждать не собираюсь.

— Но, Хэни, не в таком же виде ты собралась замуж! — возмущённо окинул меня рукой брат. — Ты старая!

— Любовь моя, ну хочет она быть старой, пусть будет, — резко изменила тактику Дарри, обнимая брата за талию, прильнула к его боку, ехидно поглядывая на меня.

Я обиделась. Смотрите на неё, думает, что я старо выгляжу и сразу стану никому не интересной? У меня нет комплексов по поводу внешности. То есть теперь нет, а то, что было раньше — это не в счёт. Да и вообще я самодостаточная личность, как сказала матушка, и мне не нужно ничьё мнение. Правда, при этом она имела в виду мою подмоченную путешествием в обществе мужчин репутацию и настаивала, что со свадьбой надо подождать. Но суть я уловила. Чужое мнение для нашей семьи как комариный писк — неприятно, но терпимо. А если что, то комара можно и прихлопнуть.

Я улыбнулась шире этой тёмной. Характер у неё как был противный, так и не меняется. А после того как она узнала, что её отец был моим рабом, и вовсе взъелась на меня и делала всё, чтобы разлучить меня с братом. Оккупантка! Выражаясь историческим языком.

Поглядывая на оживлённую площадь, уговаривала себя не бить её на радость прохожим, которые и так в ожидании развязки собирались вокруг нас. Я подбочилась и надменно ответила ДарриШэль:

— Дорогая, мой любимый меня будет любить с любой внешностью, даже если я вдруг стану мужчиной. Проверено, так что не злорадствуй. Мне ни к чему переживать о внешних изменениях. Я всегда прекрасна и для всех моих любимых мужчин, правда, Хани, — повела

плечом и тепло улыбнулась брату. Тот закрыл глаза, при этом сжимая руки вокруг взбесившейся любимой.

— Хэни, ты избалованный ребёнок. Матушка тебя съест, ты понимаешь это?

— Конечно понимаю, в первый раз, что ли. Ничего, переживу. И вообще, я спешу, а тебе нужен вон тот фонтан.

Хани и Дарри обернулись на городской фонтан, потом на меня. Я оскалилась в самодовольной улыбке и объяснила непонятливым:

— Чтобы любимую остудить.

С этими словами я приподняла подол и снова побежала, весело смеясь, так как вслед понеслась тёмноэльфийская ругань, от которой прохожие останавливались и нервно хватались за рукояти кинжалов и мечей. Хотя и прошла неделя с окончания войны, а навыки остались, как и привычка оглядываться. Я бросила взгляд назад, наблюдая, как Хани, перекинув свою драгоценную через плечо, идёт домой.

Я же уже спокойной походкой дошла до дворца, представилась стражникам, показала кольцо, которое подарил мне сам Тантрион в знак того, что никогда не откажется от слов любви и намерения жениться на мне. Меня впустили, правда, командир стражи долго мялся, но так и не придумал, что ещё спросить, чтобы поймать меня на лжи. Я же ответила на все каверзные вопросы, типа тайного пароля императорской семьи. Хотя это и не было тайным паролем. Настоящий тайный пароль знал лишь владыка, его сын и командир личной охраны. Зачем нужен этот пароль, если он известен только тем, кто и так друг друга как облупленных знают, я не сумела добиться ответа у Тантриона. Но при этом он так загадочно улыбался, словно вселенская тайна кроется за этим паролем. А тот, что я сказала стражам, был пропуском во дворец и не более того. Меня никто, кажется, не узнавал. Все придворные, встречающиеся мне, удивлённо провожали взглядом, словно незнакомку. Да, я изменилась, я даже чувствовала себя намного увереннее. Я шла вдоль дорожки, ведущей ко дворцу, как самая настоящая императрица, гордо держа голову. Тантрион, выглянув из окна своего кабинета, на миг замер, заметив меня, а потом скрылся, и когда я дошла до крыльца, он уже меня встречал, заложив руки за спину. Мой король был, как всегда, прекрасен. Медные одежды цвета закатного солнца красиво облегали его фигуру. Серый плащ струился за спиной, укрывая плечи. Белые волосы венчал тонкий венец с ярким самоцветом на лбу.

— Хэни, — укоризненно позвал он, спускаясь по ступенькам, — ну что опять за маскарад?

Он обнял меня, погладил по щеке, заглядывая в глаза. Я улыбнулась, прижав ладони к его груди, чувствуя жёсткую ткань парчи. Потупила взгляд, чтобы через несколько секунд взглянуть на своего озлобленного любимого и томно шепнуть:

— Теперь я взрослая, старше Трибора, и мы можем сыграть свадьбу.

Тантрион ответил на мою улыбку, лучики морщинок собрались в уголках его глаз.

— Хэни, для меня ты уже моя жена. Но твоя мама права: если мы женимся, то твой брат, возможно, не сумеет стать счастливым. Давай просто поскорее женим его, Хани же уже нашёл свою половинку, — я перестала улыбаться и расстроенно опустила голову. — Я не хочу быть лицемерным, любимая. Я очень хочу назвать тебя своей официально. Но и слушать недовольства от свекрови, что из-за нас её старший несчастен и одинок, не хочу. Ты же знаешь свою маму, она пилить может сотни лет.

Я вздохнула, соглашаясь с владыкой. Какой он у меня мудрый и добрый. Я призвала силу и пожелала:

— Пусть Трибориндил сегодня же встретит свою любовь и женится на ней.

— Хэни, стой, — попытался закрыть мне рот ладонью любимый, но опоздал. Я поцеловала его руку, которая согревала мои губы и подмигнула ему.

Тантрион покачал головой, осуждая мои действия. Но больше ничего не сказал, а проводил меня к себе в кабинет, где мы долго целовались, пока не появился отец. Вид его был слегка растерянный, он даже не отчитал меня за то, что я сидела на коленях владыки, и про внешность ничего не сказал. Просто прошёл к креслу, сел, сцепив руки в замок, и молча уставился в окно.

— Арганон, — осторожно позвал мой король отца. Тот словно очнулся от тяжёлых дум, уставился на нас, нахмурился, глядя на меня.

— Это кто? — неприлично спросил, указывая пальцем в мою сторону.

— Это Хэни, — объяснил Тантрион, возвращая отца к проблеме, о которой он так глубоко задумался. — Что у тебя стряслось? На тебе лица нет.

Отец опять словно ушёл в себя, кивнул чему-то и сообщил:

— Сын женился. Никому не сказал. Женился на простой деревенской девушке. Боялся, что я буду против. Представляешь, женился и никому не сказал.

— Как женился? — наигранно удивился король и, поймав мой скептический взгляд, покраснел.

— А вот так, — развёл руками отец, явно злясь на моего брата. — Уже год женат и молчит. А я понять не могу, чего на невест, что мать для него приглядывает, даже не смотрит. А он, оказывается, уже женат.

— Как узнали? — продолжил выпрашивать мой любимый. Я же сидела молча, пребывая в таком же состоянии, как и отец. Трибор наглец! Он же знал, как мы все ждём его женитьбы! Что из-за него задерживается наша с Тантрионом свадьба! Это было низко. Или трусливо. Я даже определить не могла.

— Девушка сама пришла, оказывается, она беременная.

Я громко выдохнула, вспоминая, что не так давно Трибор закупал новую мебель. Точно-точно. Что-то он там у себя в доме делал, но не ремонт!

Значит, он хотел её представить родителям, но, зная нашего папочку и матушку, стеснялся своей пассивности. Видимо, девушка смелее брата. Или наглее. Хотя законная жена имела право объявиться на пороге родительского дома, а вот брат низко пал в моих глазах.

— Замечательно! — обрадовался король. — Значит, пора женить твоего среднего сына, да поскорее!

Это было сказано в приказном тоне, да и отец сразу почувствовал, что мой любимый возражений не примет.

— Не хочу вас расстраивать, но даже если Хэни женится в этом году, то вы сможете только в следующем. Таковы традиции, — словно извиняясь, добавил отец, вставая с кресла.

Я расстроено уткнулась в плечо любимого, скрипнув зубами. Если бы я знала, что всё так обернётся, то не провела бы сегодняшний день в лавке мастера Брентиэля, развлекая его рассказами. Это было нечестно. Я с тоской взглянула на моего короля, который поглаживал меня по спине, успокаивая.

— Вся задумка впустую, — пожаловалась я ему, не в силах молчать. Обида просто разъедала изнутри. — Я столько сил потратила на уговоры мастера Брентиэля, чтобы он навёл этот морок. Даже с Хэни поругалась по пути во дворец, — грустно вздохнула и тихо попросила у моего короля. — Ты же снимешь этот морок, или мне опять полдня развлекать

мастера?

Тантрион с улыбкой отрицательно покачал головой. Он пальцем очертил по моей щеке линию скул и подмигнул мне, а затем обернулся к отцу, собранный и холодный.

— Да, традиции, — равнодушно повторил он слова отца, прежде чем продолжить: — Тогда этот год Хэни проживёт со мной во дворце, так как этот морок снимается одним способом.

— Каким? — мы с отцом спросили одновременно, удивлённо воззрившись на владыку.

Никогда не видела столько весёлых искр в голубых и любимых глазах. Кажется, я попала в какую-то ловушку, в которую саму себя и загнала.

— Только брачная ночь, полная любви и страсти, способна вернуть тебе истинное обличие, маленькая Хэни.

О боги, невозможно не умереть от соблазнительных ноток в голосе моего любимого. Сколько затаённого желания. Сколько обещания скрывалось в хрипловатом голосе. Да я готова хоть сейчас на брачную ночь, полную любви и страсти. Да, страсти, настоящей, зрелой.

Белый платок владыки, пропитанный духами, опять прижался к моему носу, а я и не заметила, что у меня кровь пошла.

— Хэни, — укоризненно позвал отец, но мне было не до него. Я не могла оторвать взгляд от Тантриона, который прижался к моему лбу губами.

— Владыка, но моя жена будет недовольна.

— Тогда сыграем две свадьбы в один день, — тут же вернул ему мой бесподобный Тантрион, который всегда добивается своего.

Я не знаю, о чём они говорили с матушкой, которая появилась ближе к вечеру. Они общались за закрытыми дверями, а я отчитывала старшего брата, который огрызался, объясняя своё молчание тем, что не хотел травмировать свою любимую. Он не говорил ей, что он богат и знатен. Ему нравилось, что Вивель влюбилась в него, когда он был простым стражником. Я удивлённо воззрилась на него. Когда это мой брат был простым солдатом? Да он же сразу офицером поступил на службу! Но Вивель его поразила открытостью, мягкостью нрава, непритязательностью и совершенно простым общением, без этикета. У неё были зелёные глаза и рыжие волосы. Конечно, не такого цвета, как мои, а именно того оттенка, что и у простых лесных эльфов. Трибориндил боялся спугнуть свою любимую, ведь их знакомство началось со лжи. Но девушка тоже не лыком оказалась сшита и через несколько десятков лет начала подозревать любимого в обмане. Правда, она думала, что он женат. Поэтому и заставила его на себе жениться, но даже после свадьбы сомнения остались. Теперь же она с ним не разговаривала, а он злился на себя за глупость. Я видела, что он любил её и переживал. Простила я его, конечно, не сразу. Он три раза извинился за всё, что мне наговорил. Но теперь я понимала, что не одна такая неординарная в нашей семье. Ясилы славились не только как первые воины королевства, но и чудаками были тоже первыми.

Уже вечером перед сном ко мне ворвалась портниха с грандиозной новостью, что завтра состоится моя свадьба. Ночь я практически не спала, ужасно нервничала. Я осталась во дворце, поэтому не с кем было поговорить о самой главной ночи для невесты. Не было рядом матушки, а подруг у меня, оказывается, вообще нет. Я осталась со своими переживаниями одна. Если бы не очередная традиция, я рванула бы в спальню к любимому, у него под боком все неурядицы и нервотрёпки уходят.

А так я мерила шагами спальню, которую мне выделили на правах гостии самого Тантриона. Розовые тона и персиковый цвет всегда меня раздражали, а здесь они были в переизбытке в интерьере. Я задыхалась, поэтому остаток ночи до самого утра провела на балкончике, жалея, что с него не видно крыла дворца, где отдыхал владыка. Хотелось хоть глазочком на него взглянуть. Он будет прекрасным мужем, любящим и добрым. Я не сомневалась, что нас ждёт только счастье. Даже загадывать желание на падающую звезду не хотелось. Ночь была прекрасна, моя последняя девичья ночь. Мысленно я подгоняла солнце появиться, просила поспешить его. И не верилось, что моя мечта исполнится. Наконец-то я стану женой моего короля.

Когда день вступил в свои права после медленного и сонного утра, я с ДарриШэль шла по красной ковровой дорожке храма верховного бога солнца. Погода стояла изумительная — ясная, солнечная. Лёгкий ветерок играл разноцветными лентами, которыми был украшен храм по случаю торжества. Гости стояли, образуя проход, и наблюдали за счастливицами.

Платье на мне было голубого цвета, как глаза любимого. Ткань искрилась миллиардами маленьких самоцветов. Его мне сшили за ночь, поэтому я не мудрила с фасоном: непышный подол, приталенный силуэт и короткие рукава. Я шла, словно в кольчуге, но зато не щеголяла, как моя невестка, голыми коленками. Она не пожалела белоснежного мамино подвенечного платья, которое пролежало столько лет в сундуке на чердаке. Мама, когда увидела Дарри в укороченном свадебном платье, за сердце схватилась. Но тёмная настаивала, что если вдруг на нас нападут орки, то длинный подол будет мешать.

Волосы я распустила, лишь украсила голубыми цветочками, такие же собрала в букет. А Дарри подняла волосы в привычный хвост и надела диадему. Мой любимый в золотой тунике, подпоясанный красным поясом, стоял у алтаря, следя за мной. Сегодня он надел праздничную корону. Ещё одна лежала на пурпурном бархате подушки, которую держал помощник жреца Ясноликого бога солнца. Его символы были вырезаны на каждой колонне, поддерживающей крышу храма. Стен не было, чтобы бог мог видеть каждого, взывающего к нему. На потолке роспись, изображающая круговорот жизни Бога, расписанная великим мастером, чьё имя сохранилось лишь в хрониках, но не в памяти эльфов. Я с детства любила кружиться в центре храма, чтобы рассмотреть легенду об отце всего сущего, от его рождения каждое утро и до его смерти каждый вечер. Мы, конечно, знаем, что бог не умирает, он живёт на звезде, вокруг которой кружится наша планета, но видим в этом иной, более глубокий смысл — вечной жизни, цикличности происходящего. Всё возвращается на свои места. Так и наш мир вновь стал таким, как много тысячелетий назад, отчистился от скверны богов хаоса.

Верховный жрец, хмуря брови, смотрел на тёмную, как и все гости в храме. Как бы ни хотел Хани оградить свою невесту, но он не мог сейчас подойти к ней и увести. Он стоял, сжимая руки в замок, в нетерпении кусая губы.

— Я тебе говорила, что не стоит кромсать мамино платье, — тихо шепнула я ДарриШэль.

— Ещё слово и я твоё покрюсаю, — огрызнулась та в ответ.

Я усмехнулась и ускорила шаг, нарушая правила. Мне надоело идти с ней на одном уровне. И вообще, идея двойной свадьбы мне не понравилась изначально, но только ради обещанной брачной ночи и терплю эту тёмную зазнайку.

Тантрион чуть изумлённо приподнял брови на мою выходку, а в зале зашептались. Я же, оказавшись возле любимого, отвернулась от Хани и ДарриШэль, которая тоже не стала

отставать. Жрец, прочистив горло, приступил к чтению вступительной речи, объясняя, зачем мы здесь все собрались. Я смотрела в глаза любимого и вспоминала свой сон. Мне казалось, что в этом мире были мы одни. Только он и я. Только его глаза, его улыбка. Ветер, ласково глядящий по волосам. Яркие лучи солнца пронизывали каждую частичку нашего существа. Мы словно стали единым целым с самим миром и между собой.

На моём пальце заискрилось белое золото ободка обручального кольца, парного владыке. Гномы — великие ювелиры — украсили кольца россыпью бриллиантов. Они, словно живые, переливались, отражая лучи солнца. Тантрион заказал их уже давно, именно о них мне рассказал Мэнатель тогда в столовой, а я вспыхнула из ревности. Разве я тогда могла подумать, что мой король ответит на мои чувства?

Тантрион склонился надо мной, прижимая крепкой рукой со спины. Наши губы слились в нежном поцелуе, зал вновь ахнул. Я смутилась, вспоминая, что на нас смотрят, и стало как-то неудобно. Я украдкой оглянулась, наблюдая странную картину. Эльфы во все глаза в восхищении смотрели на меня. Я, ища ответ, обернулась к моему владыке.

Но он был занят: брал с подушечки золотую корону, чтобы надеть её на мою голову. Я опустила глаза, чувствуя тяжесть венца. Теперь я стала королевой, супругой лесного короля. Я исполнила свою мечту.

Тантрион обернулся к гостям, я тоже, чутко ловя вздохи восхищения.

— Она стала молодой. Да, она помолодела.

Я обернулась на маму, которая стирала слёзы белоснежным платком, прижимаясь в отцу.

— Оказывается, хватило лишь поцелуя, чтобы снять морок, — тихо шепнул мой любимый, крепко сжимая мои пальцы. Я, наконец, поняла, что так удивило эльфов. Приложила ладонь к лицу, утверждаясь, в правдивости слов короля.

Я вновь обернулась к нему, шепча:

— Я так понимаю, что вы это и так знали.

Король приподнял брови, пряча ответную улыбку.

— Всё возможно.

Я обернулась к Хани и ДарриШэль, тихо поздравляя брата. Окинула взглядом зал храма, утопающий в лучах солнца. Головы гостей светились от этого торжества света. Словно сам мир наполнился ярким, нестерпимым светом, аж глаза заслезились. Я шмыгнула носом от переполняющего чувства радости и любви. Моя мечта исполнилась. И все меня поздравляли, ведь я выиграла этот бой.

Глядя на своих счастливых родителей, на Трибора, рядом с его рыжеволосой женой, на Хани и радостно улыбающуюся Дарри, я дала себе слово, что никогда не запрещу своим детям любить. Тут мой взгляд зацепился за принца Ириадила. Он стоял самым первым среди гостей, ожидая, когда можно будет подойти к отцу и поздравить его лично. Печаль в его светлых глазах чуть кольнула сердце, но мир тут же зашептал мне, подталкивая к принцу. Я приблизилась к Ириадилу вместе с королем и тихо шепнула, так, чтобы слышал только он:

— За Восточным морем ты встретишь свою любовь. Тебе надо спешить, принц.

Он сначала усмехнулся, прищурившись. Я чувствовала, что язвительные слова готовы были сорваться с его языка, но отец положил руку на его плечо и шепнул:

— Слушай её, мой сын. Она фэйари, она видит больше, чем мы с тобой.

Принц сдвинулся, сжимая плечо отца, поздравил его со свадьбой, а затем, чуть помедлив, обнял меня, пригрозив:

— Ты обязана сделать его счастливым.

— Я этим и занимаюсь, — ответила ему.

Свадебный пир продлился до глубокой ночи, пока гости не проводили нас с Тантрионом в наши покои. Брачная ночь, подаренная мне любимым, была не только наполнена страстью, но и нежностью. Я видела звёзды, я парила среди них. Радужные мосты, воздушные облака, хрустальным мир — всё было в этой ночи. Если бы я знала, что так будет, то никогда не сомневалась бы в своей мечте, в своих поступках. Ведь сердце никогда не обманывает! Ведь мечты всегда исполняются, главное — верить и идти к своей мечте, прилагая все усилия, не слушая никого, кроме ветра, который всегда подскажет верную дорогу.

Пояснения:

Златолесье — название светлоэльфийского королевства.

Ислардия — название мира

Ранидолл — столица королевства Златолесье

Хэнтариэль Ясил — дочь советника лесного короля Органона (130 лет)

Тантрион Миали — Древний, король лесных эльфов (3502 года 6 месяцев 18 дней)

Арганон Ясил — советник короля лесных эльфов

Фэйари — фамилия древнейшего рода, кровь которой преобладает в Хэни.

Ганатриэль Ясил — мать Хэни.

Трибориндил Ясил — начальник стражи, старший брат Хэни (438 лет).

Ханинэль Ясил — заместитель начальника стражи, средний брат Хэни (180 лет).

Ириадил Миали — лесной принц, единственный сын короля Тантриона.

Ориэтор Зрамин — имя, которое взяла себе Хэни.

Гасаритон Хриантэль — начальник дворцовой стражи, командир личной охраны владыки.

Илдир Конрод — первый командир стражей границ.

Мастер Каятон, Хилмидир, Лесновэль — эльфы из Ледяных пределов.

Огневель — наставник Хэни.

Мэнатель — ученик Трибориндила.

АхраШеррот Немель — тёмный эльф, древний, раб Хэнтариэль Ясил (2984 года)

ДарриШэль — дочь АрхаШеррота, мать первого дома тёмных эльфов.

Ельтриором — командир следственного отряда.

Закончено 04.01.2016 г.